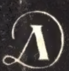
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

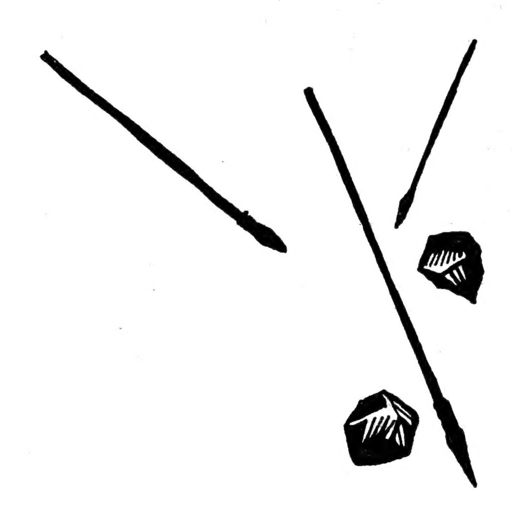

1856—1940

Жозеф Рони-Старший

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

И(Фр)
Р71

Перевод с французского
И. ОРЛОВСКОЙ

Рисунки *Л. ДУРАСОВА*

Жозеф Рони-Старший — псевдоним известного французского писателя Жозефа-Анри Бёкса (17.2.1856 г.— 15.2.1940 г.), члена Гонкуровской Академии первого состава.

Из множества произведений, созданных Ж. Рони за его долгую литературную жизнь, наибольшей популярностью пользуются повести из жизни первобытных людей: «Вамирех» (1892), «Борьба за огонь» (1911) и «Пещерный лев» (1920). Написанные с учетом данных передовой науки того времени, проникнутые высоким гуманизмом, повести эти переносят нас на десятки тысячелетий назад, в эпоху древнекаменного века, когда человек только появился на Земле. Ярко и увлекательно рассказывает автор о полной приключений, тревог и опасностей жизни доисторических людей, вынужденных вести повседневную суровую борьбу с грозными стихиями природы, со страшными свирепыми хищниками, с враждебными человеческими племенами.

В повести «Борьба за огонь» трое молодых отважных воинов, желая вернуть родному племени Уламров потерянный огонь, от которого в те времена зависела жизнь людей, пускаются в далекое странствие по неизведанным землям, где их на каждом шагу подстерегают смертельные опасности. Но мужество и находчивость, разум и воля, верность и крепкая дружба побеждают все препятствия.

Р $\frac{4803020000—333}{М101(03)86}$ 517—86

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

СМЕРТЬ ОГНЯ

Племя Уламров спасалось бегством в непроглядной темноте ужасной ночи. Обезумевшие от страданий люди не чувствовали боли, не замечали усталости. Огонь умер — и все меркло перед лицом этого страшного несчастья.

Со времен возникновения племени Уламры хранили Огонь в трех ивовых плетенках, обмазанных глиной. Четыре женщины и два воина денно и нощно стерегли и кормили его.

В самые трудные и тяжелые для племени времена Огонь всегда получал пищу, которая поддерживала его жизнь. Надежно защищенный от ливней и ураганов, разливов и наводнений, он вместе с племенем перебирался через реки и болота, бледнея при свете дня и багровея с наступлением сумерек. Его могучая сила отгоняла от становища черного льва и желтого льва, пещерного медведя и серого медведя, тигра и леопарда и даже самого владыку саванны — мамонта. Его острые красные зубы защищали человека от огромного и враждебного мира.

А сколько радостей дарил Огонь людям! Он извлекал из мяса дразнящий запах, придавал крепость камня остриям деревянных копий и дротиков, раскалывал на куски обломки кремня. Близость его разливалась по телу сладостным теплом. Он согревал и ободрял сердца людей в холодные ветреные ночи, в чаще дремучего леса и

в глубине сырых пещер, на нескончаемых просторах степей и саванн. Огонь был Отцом, хранителем, спасителем племени. И вместе с тем он был опаснее львов и мамонтов, когда, внезапно вырвавшись из плетенки, принимался пожирать степную траву или вековые деревья.

И вот Огонь Уламров умер! Враги уничтожили две плетенки. В третьей во время стремительного бегства Огонь захирел и поблек. Он был так слаб, что не мог съесть даже крохотной сухой былинки; он трепетал и бился, словно раненный насмерть зверек. Потом он превратился в маленькую красную точку, которая с каждым порывом ветра делалась все меньше и меньше. А потом он исчез...

Осиротевшие Уламры бежали сквозь осеннюю ночь. В черном небе не было ни одной звезды. Тяжелые тучи, казалось, задевали своими краями верхушки редких деревьев; болотные травы простирали к небу холодные, влажные стебли. Слышно было, как в темной воде шевелятся рептилии. Мужчины, женщины и дети, прислушиваясь к голосам вожаков, идущих впереди, пробирались в полной темноте через огромное болото по узкой полосе твердой земли. Тот, кто оступался, сразу уходил с головой в черную воду и исчезал в ней, не успев даже вскрикнуть. Три поколения Уламров знали эту тропу, но, чтобы не сбиться с нее ночью, нужен был хотя бы свет звезд.

На рассвете беглецы достигли края болота и увидели перед собой саванну.

Холодный свет сочился сквозь тяжелые темные тучи на востоке. Ветер рябил ржавую поверхность болотных вод, жирных и вязких, как смола. Кое-где из воды, словно бородавки, торчали кочки. Меж стеблей кувшинок и стрелолиста копошились сонные гады. Цапля взмыла вверх и, покружившись над болотом, села на пепельно-серое в утреннем свете дерево.

Перед взорами Уламров простиралась бесконечная саванна. Клубы рыжеватого тумана перекатывались по трепещущей от пронизывающего предрассветного ветерка траве. Последним усилием воли люди рванулись вперед и, с трудом продравшись сквозь густые камыши, очутились наконец на твердой земле, среди высоких трав.

Лихорадочное возбуждение, поддерживавшее Уламров во время долгого ночного бегства, разом покинуло их. Большинство мужчин в изнеможении повалилось на землю

и мгновенно погрузилось в глубокий сон. Женщины сопротивлялись усталости более стойко, чем мужчины; те, которые потеряли во время бегства детей, выли от горя, словно волчицы; те же, чьи дети чудом уцелели, судорожно прижимали их к себе или в порыве безотчетной благодарности поднимали к низкому, хмурому небу. Все пали духом, вспоминая о постигшем племя ужасном бедствии и предчувствуя тяжелые, полные горя и лишений дни.

Вождь племени, Фаум, воспользовался первыми проблесками дневного света, чтобы пересчитать своих соплеменников. Он вел счет с помощью пальцев и древесных веток. Каждая ветка была равна количеству пальцев на обеих руках. Осталось только четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трех веток детей и меньше одной ветки стариков.

Старый Гоун, умевший считать лучше всех людей племени, сказал, что уцелели только один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветки...

Только теперь Уламры ощутили всю тяжесть обрушившегося на них несчастья. Они поняли, что жизни племени угрожает смертельная опасность, что с потерей Огня они снова беззащитны перед лицом грозных сил природы и отныне обречены влачить лишь жалкое существование.

Отчаяние овладело даже мужественным сердцем Фаума. Он не доверял больше своей громадной физической силе, своим мощным рукам и могучим мускулам. На его широком, заросшем жесткой щетиной лице, в желтых, как у леопарда, глазах отражалась смертельная усталость. Он угрюмо разглядывал раны, нанесенные ему вражескими дротиками и копьями, слизывая по временам кровь, все еще сочившуюся из глубокой царапины на левом предплечье.

Подобно всем побежденным, Фаум не переставал вспоминать ту минуту, когда победа стала клониться в его сторону. Уламры яростно бросились в бой; огромная палица Фаума без устали крушила врагов. Еще миг, и Уламры перебьют всех своих противников, захватят в плен женщин, растопчут вражеский Огонь и будут по-прежнему охотиться в своей родной саванне, в изобилующих дичью девственных лесах...

Какой злой ветер пронесся над полем битвы? Почему Уламры, внезапно охваченные ужасом, обратились в паническое бегство и кости их захрустели под палицами врагов, в то время как копья и дротики безжалостно пронзали тела бегущих и раздирали их в клочья? Как случилось, что враги ворвались в родное становище и убили священный Огонь?

Мрачные мысли сверлили темный мозг Фаума, приводя его в исступление и бессильную ярость. Он не хотел, не мог примириться со своим поражением, чувствуя в себе столько энергии, отваги и ненависти!

* * *

День вставал во всем своем блеске и могуществе. Лучи восходящего солнца пробились сквозь плотную завесу облаков, и от первого их прикосновения закурились паром болото и саванна. Радость утра и свежее дыхание растений

несли они с собой. Даже темная поверхность болота не казалась уже больше зловещей и коварной. Она то отсвечивала серебром среди ядовито-яркой зелени островков и кочек, то отливала малахитом и жемчугом, то словно покрывалась чешуйками слюды под дуновением ветерка. Сквозь пышные заросли тополей и ольхи до измученных людей доносился прохладный запах воды.

Солнечные лучи скользили по изменчивой глади и мимолетно озаряли то темно-зеленую массу водорослей, то желтый цветок кувшинки, то белую водяную лилию. В их зыбком свете вспыхивали поочередно то куст болотного молочая, то стебель стрелолиста или синего касатика, то островок желтых лютиков, то бархатистые лапки заячьей капусты, то круглые листья росянки, то непроходимые заросли камышей и лозняка, где гнездились водяные курочки, белоглазые нырки, изумрудные чибисы, проворные зуйки и грузные дрофы. Серые цапли высматривали добычу по берегам круглых заливчиков; стая

журавлей, хлопая крыльями, с криком опустилась на каменистый мысок. Острозубая щука с громким всплеском врезалась в стайку линей, а последние стрекозы стремительно проносились над водой, словно вспышки зеленого света или искры лазурита.

Фаум с грустью взирал на оставшихся в живых Уламров. Сбившиеся в тесную кучу люди были желтыми от болотной глины, зелеными от облепивших их тело водорослей, красными от крови, струившейся из ран. Одни лежали, свернувшись клубком, словно питоны; другие распластались на земле подобно гигантским ящерицам. От них несло лихорадочным жаром и запахом разлагающегося мяса. Некоторые метались и хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запекшейся крови. Однако Фаум знал, что почти все раненые должны выжить. Самые слабые погибли на том берегу или утонули при переправе.

Вождь перевел взгляд со спящих на тех, кто не мог уснуть, потому что горечь поражения терзала их сильнее, чем усталость. Это были лучшие воины, цвет племени Уламров. Их массивные головы с низким лбом и тяжелыми челюстями крепко сидели на широких плечах. Кожа была загорелой и обветренной, но не черной; коренастые торсы и мускулистые руки и ноги обросли густыми волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с любым хищником. Суровый, порой свирепый взгляд больших, глубоко посаженных глаз смягчался и становился почти нежным лишь у маленьких детей и некоторых молодых девушек.

Люди каменного века, конечно, сильно отличались от нас по своему внешнему облику, но уже были настоящими людьми, в полном смысле этого слова. И они были молоды той великолепной молодостью, которая неведома теперь нам, их далеким потомкам, как непонятна современному человеку та несокрушимая энергия и упорство, с которыми первобытные люди отстаивали свое право на существование в жесточайшей повседневной борьбе с окружающим их враждебным миром.

* * *

Фаум воздел руки к восходящему солнцу и протяжно закричал:

— Что станет с Уламрами без Огня? Как будут жить

они в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних холодов? Им придется есть сырое мясо и горькие корни трав! Они не смогут согреть свои озябшие тела, и концы их дротиков и копий будут мягкими, словно глина. Лев и махайрод, медведь и тигр, леопард и гиена будут пожирать их живьем в темные ночи! Кто вернет племени Огонь? Тот, кто сумеет это сделать, станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте и четыре части из остальной добычи. Фаум отдаст ему в жены Гаммлу, дочь своей сестры! А если Фаум умрет, он станет вождем племени!

Нао, сын Леопарда, поднялся с места.

— Пусть мне дадут двух быстроногих воинов,— сказал он,— и я добуду для племени Огонь у сыновей Мамонта или у Пожирателей Людей, которые охотятся на берегах Двойной реки!

Фаум метнул на молодого воина недоброжелательный взгляд. Нао был самым рослым среди Уламров, и плечи его становились шире с каждым годом. Не было у племени воина более ловкого и неутомимого в беге. Он поборол на состязании Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум опасался Нао. Он давал молодому воину самые опасные задания, подвергая его жизнь смертельному риску, и старался держать подальше от остальных Уламров.

Нао тоже не любил вождя Уламров. Но высокая, стройная, пышноволосая Гаммла с загадочным взглядом больших зеленоватых глаз вызывала в нем трепет и смутный восторг. Он думал о ней то с нежностью, то с неистовой яростью. Много раз Нао подстерегал девушку в зарослях лозняка или в чаще леса. Стоя позади дерева, он то широко раскрывал объятия, чтобы нежно прижать ее к груди, то судорожно стискивал руки, борясь с желанием кинуться к ней, оглушить ударом палицы и бросить на землю, как делали это Уламры с девушками враждебных племен. А между тем он совсем не желал Гаммле зла. Если бы она стала его женой, он никогда не обращался бы с ней грубо, потому что не любил видеть на лицах окружающих людей выражение страха, которое делает их чужими и враждебными.

Конечно, в другое время Фаум отнесся бы недоверчиво к словам Нао и нашел предлог, чтобы отделаться от мо-

лодого воина. Но горе укротило его гордость. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может теперь оказаться для него выгодным; если же этого не произойдет, он всегда найдет способ избавиться от опасного соперника. И, повернувшись к юноше, вождь сказал:

— У Фаума только один язык! Если ты вернешь племени Огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа или обмена. Ты станешь сыном Фаума!

Подняв руку вверх, он говорил с расстановкой, холодно и высокомерно.

Закончив речь, Фаум сделал знак Гаммле.

Девушка приблизилась, трепеща, подняв на вождя свои прозрачные глаза, изменчивые, как быстротекущая речная вода.

Гаммла знала, что Нао часто подстерегает ее среди высоких трав и деревьев. Когда он появлялся перед ней с таким видом, будто готов кинуться на нее, девушка пугалась. Но в иные минуты его лицо не вызывало у нее неприязни. И теперь она одновременно желала и чтобы Нао погиб под ударами людоедов, и чтобы он вернул племени Огонь...

Тяжелая рука Фаума властно опустилась на плечо Гаммлы.

— Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммлой?! — воскликнул он гордо.— Она может унести на одном плече убитую лань, идти, не зная усталости, от утренней зари до захода солнца, переплывать озера и реки, стойко переносить голод и жажду. Кто умеет, как она, выделывать звериные шкуры? Она подарит своему мужу могучих сыновей! Если Нао сумеет добыть Огонь, он получит Гаммлу без всякого выкупа. Ему не придется отдавать за нее ни кремневых топоров, ни рогов зубра, ни медвежьих шкур, ни цветных раковин.

Агу, сын Зубра, самый волосатый среди Уламров, внезапно выступил вперед.

— Агу тоже хочет завоевать Огонь,— сказал он низким, хриплым голосом.— Вместе со своими братьями он пойдет добывать его у врагов по ту сторону Болота. Он либо погибнет под ударами топоров и палиц, либо вернет Уламрам Огонь, без которого они слабее сайги и беззащитней оленя!

Все лицо Агу, казалось, состояло из огромного рта,

окаймленного кровавой полосой толстых губ. Глаза горели зеленым огнем. Руки казались особенно длинными на коротком, коренастом туловище, а плечи — непомерно широкими. Весь облик Агу говорил о его чудовищной силе: звериной, свирепой, не знающей пощады.

Никто не знал, как велика эта сила. Агу никогда не мерился ею на состязаниях ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что тот, кто становился на его пути, неизменно терпел поражение. Счастлив был воин, отделавшийся одним увечьем; многие расстались с жизнью, и Агу присоединил их скальпы к своим прежним трофеям.

Агу жил в стороне от становища, вместе с двумя своими братьями, такими же волосатыми и свирепыми, как он сам, и с несколькими женщинами, забитыми и несчастными созданиями, обреченными на ужасающее рабское существование.

Даже среди суровых друг к другу и беспощадных ко всем остальным представителям человеческого рода Уламров сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство ими росло среди племени,— первая попытка людей объединиться перед лицом подобной опасности и общими силами противостоять ей.

Группа сторонников окружала Нао, которому многие соплеменники ставили в упрек его снисходительность к поверженным врагам и незлопамятность. Но эти же качества привлекали к могучему воину сердца тех, кого природа обделила ловкостью и физической силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, а боялся его еще больше. Союз трех Косматых братьев казался ему непобедимым. Если один из них жаждал чьей-нибудь смерти, два других хотели того же. Тот, кто осмелился бы объявить Агу войну, должен был либо погибнуть, либо уничтожить всех трех братьев.

Фаум искал союза с сыновьями Зубра, но они всегда уклонялись от его заискиваний, полные глухого недоверия ко всем людям и неспособные поверить ни в слова, ни в поступки. Всякое проявление симпатии они воспринимали с подозрением и не признавали иного вида лести, кроме панического страха перед их звериной силой.

В глубине души Фаум был, пожалуй, так же недоверчив и безжалостен, как Агу и его братья, но он обладал

несомненными качествами вождя: заботился о нуждах племени, был снисходителен к своим приверженцам, решителен, храбр, верен данному слову и по-своему справедлив и прям.

Фаум ответил с легким оттенком предупредительности в голосе:

— Если сын Зубра вернет Огонь Уламрам, он получит Гаммлу без выкупа и станет вторым вождем племени, которому все воины будут подчиняться во время моего отсутствия.

Агу слушал речь Фаума с грубым равнодушием, не отрывая жадного взгляда от лица Гаммлы. Его маленькие глазки вдруг сверкнули угрозой.

— Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра! — крикнул он хрипло.— Смерть тому, кто посмеет посягнуть на нее!

Эти слова возбудили гнев Нао. Он принял страшный вызов.

— Гаммла достанется тому, кто вернет племени Огонь! — провозгласил он звучным голосом.

— Сын Зубра вернет его!

Взгляды их скрестились, как хорошо отточенные топоры. До сегодняшнего дня у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но интересы их ни разу не сталкивались. Речь Фаума зажгла в груди у обоих чувство соперничества и ненависть друг к другу.

Агу, еще вчера даже не смотревший на Гаммлу, когда та боязливо пробегала мимо него при встрече, вздрогнул всем телом, слушая речь Фаума, восхвалявшего достоинства девушки. Страсть, слепая и неистовая, как все его желания и чувства, мгновенно вспыхнула в косматой груди Агу. С этой минуты он обрекал на смерть любого соперника.

Нао знал это. Он крепче сжал правой рукой топор и взял копье в левую руку. Услышав слова Нао, младшие братья Агу подошли и стали рядом с сыном Зубра, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи друг на друга: огненно-рыжие, волосатые, с крохотными, глубоко сидящими глазками, тусклыми, словно надкрылья жужелиц. Стремительность их была еще страшней, чем сила.

Косматые братья следили за каждым движением Нао, готовые в любую минуту ринуться на него. Но среди воинов поднялся глухой ропот. Даже те, кто всегда осуждал Нао за незлобивость, не хотели его гибели, особенно теперь, когда племя потеряло столько храбрых воинов и Нао обещал вернуть Уламрам Огонь. Все знали, что Нао изобретателен и хитроумен, неутомим в поисках и необычайно искусен в обращении с Огнем. Кроме того, многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством в достижении поставленной цели. Племя могло только выиграть от того, что два лучших воина отправятся одновременно на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда и, поощряемые криками остальных Уламров, приготовились защищать его от нападения Косматых братьев.

Сын Зубра не знал страха, но осторожность не была чужда ему. Он решил отложить счеты с Нао до более благоприятной минуты.

Костлявый и долговязый Гоун, самый старый из Уламров, выразил словами чувства, волновавшие всех людей племени.

— Разве Уламры хотят своей гибели? — сказал он.— Неужели они забыли, сколько храбрых воинов погибло от руки врагов и в Большом болоте? Из каждых четырех мужчин остался только один! Все, кто в силах держать в руках топор и палицу, должны жить! Нао и Агу — сильнейшие среди охотников, которые преследуют зверя в лесу и в саванне. Если один из них умрет, племя потеряет больше, чем если бы погибло четверо других воинов. Дочь Болота будет женой того, кто вернет Уламрам Огонь! Такова воля племени!

— Да будет так! — сказали все воины.

И женщины, которых было вдвое больше, чем мужчин, и чья сила лишь немногим уступала мужской, подтвердили в один голос:

— Гаммла будет принадлежать похитителю Огня!

Агу презрительно пожал волосатыми плечами. Он не боялся никого, но понимал, как опасно противостоять воле всего племени.

Уверенный в своем превосходстве над Нао, он решил

сразиться с ним один на один и уничтожить ненавистного соперника.

Сделав знак младшим братьям, он повернулся и, тяжело ступая, удалился вместе с ними в заросли ивняка.

Глава вторая

МАМОНТЫ И ЗУБРЫ

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер гнал облака, но над самой землей и над болотом воздух стоял неподвижно, горячий, напоенный ароматом душистых трав. Небо было подобно гигантскому синему озеру. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру алая пена утренней зари.

Пробудившиеся Уламры, повернув свои лица к пылающему небесному костру, чувствовали, как в их сердцах растет благоговейный восторг перед величественным зрелищем рождающегося дня. Это же чувство, должно быть, наполняло и грудь певчих пташек, славивших звонкими голосами восходящее солнце.

Раненые воины протяжно стонали и бредили; их томили жар и жажда.

Один из раненых ночью умер. Его окоченевшее тело неподвижно простерлось на траве. Старый Гоун что-то тихо бормотал над ним.

Фаум приказал бросить труп умершего в воду.

Когда печальный обряд был закончен, внимание всего племени обратилось на охотников за Огнем — Агу и Нао,— готовых тронуться в далекий путь.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатинами и дротиками с кремневыми и нефритовыми наконечниками. Нао, рассчитывая больше на хитрость, чем на силу, выбрал себе в спутники двух быстроногих юношей, ловких, сообразительных и неутомимых в беге. Каждый взял с собой топор, копье и дротики. Сын Леопарда сверх того захватил свою палицу — толстый дубовый сук, конец которого был умело обожжен на огне костра. Вооруженный этой палицей, он не боялся вступить в бой с самым страшным хищником.

Фаум обратился сначала к сыновьям Зубра.

— Агу увидел свет раньше, чем сын Леопарда,— сказал он.— Пусть он первым выбирает свой путь. Если Агу пойдет на юг, в сторону Двуречья, сын Леопарда отправится к Болотам, в сторону заходящего солнца. Если же сын Зубра предпочтет путь к Болотам, Нао направит свои стопы к Двойной реке.

— Агу еще не знает, куда он пойдет! — буркнул в ответ Косматый.— Он будет искать Огонь и может утром направиться к реке, а вечером — к Болотам. Разве может знать охотник, преследующий кабана, где ему удастся настичь зверя?

— Агу должен сказать, в какую сторону он пойдет,— возразил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его слова.— Он не может одновременно идти и к Двойной реке и в сторону заходящего солнца. Пусть выбирает свой путь!

В глубине своей мрачной души сын Зубра сознавал, что требование племени справедливо. Кроме того, он не хотел прежде времени возбудить подозрения у Нао. Бросив угрюмый взгляд в сторону Уламров, он проворчал:

— Агу пойдет в сторону заходящего солнца!

И, сделав знак братьям, он резко повернулся и решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось еще раз повидать на прощанье Гаммлу. Она стояла под раскидистым ясенем, позади Фаума, Гоуна и других старейшин племени.

Нао медленно приблизился к ней. Девушка не тронулась с места. Лицо ее было обращено к саванне, глаза смотрели не отрываясь в бескрайнюю даль. Пышные волосы Гаммлы украшал голубоватый цветок водяной лилии. От всего существа ее словно исходило сияние утра и свежий запах речной воды и степных трав.

Сердце Нао бурно забилось. Он чувствовал, что задыхается от нежности и гнева. Все, кто разлучал его с Гаммлой, показались ему вдруг такими же ненавистными, как сыновья Мамонта или Пожиратели Людей.

Он поднял руку, вооруженную топором, и воскликнул:

— Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернется к своему племени, если не сумеет добыть Огонь! Он найдет смерть на дне пропасти, утонет в реке, станет добычей

волков и гиен — или возвратится победителем. Он принесет Гаммле раковины, синие камни, зубы леопарда и рога зубра!

Девушка бросила на Нао взгляд, в котором светились робкая надежда и детская радость.

Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао.

— Сыновья Зубра уже скрылись за тополями! — крикнул он.— Почему сын Леопарда медлит?

Нао круто повернулся, кликнул своих спутников и, не оглядываясь, направился к югу.

* * *

Весь день Нао, Нам и Гав шли по саванне. Трава на ней была еще зеленой, ветер перекатывал изумрудные волны, словно морские валы. Травы гнулись под ветром, солнце палило их, исторгая из растений бесчисленные ароматы, которыми был напоен горячий, сухой воздух. Однообразная на первый взгляд саванна таила в себе огромное разнообразие растений и животных. Плодородие ее было неистощимо. Среди необозримого моря злаков ютились островки дрока и вереска, виднелись кустики подорожника, зверобоя, шалфея, лютика, тысячелистника, кресса. Местами попадались участки каменистой бесплодной почвы, устоявшей против буйного натиска зеленых полчищ растений. За ними снова начинались заросли шиповника и мальв, красного клевера и васильков, осыпанные белыми цветами кусты боярышника.

Иногда монотонность равнины нарушали невысокий холм, ложбинка, пруд, кишащий насекомыми и пресмыкающимися. Одинокая скала высилась среди моря трав, словно мастодонт на пастбище. Стада антилоп и сайгаков проносились в отдалении, в траве прыгали длинноухие зайцы; порой из зарослей кустарников показывались небольшие стаи волков и диких собак. Над саванной кружили вороны, журавли и дикие голуби, взлетали грузные дрофы и стремительные куропатки. По необозримому простору равнины скакали табуны диких лошадей и лосей. Степенно ступая, шли по краю горизонта громадные зубры. А однажды на пути Уламров попался серый медведь, более свирепый, чем тигр, и не уступающий в силе самому пещерному льву.

Вечером Нао, Нам и Гав остановились на ночлег у подножия одинокого холма. Они не прошли за день и десятой доли пути. Всюду, куда хватал взор, простиралось нескончаемое море степных трав, слегка колеблемое ветром. В сумеречном свете угасающего дня саванна выглядела печальной и однообразной. Последние лучи заходящего солнца зажгли в вечерних облаках багровые костры.

Глядя на это гигантское небесное пожарище, Нао думал о крохотном язычке Огня, который ему предстояло добыть. Казалось, стоило подняться на вершину холма и протянуть к небу смолистую сосновую ветку, чтобы искра небесного огня воспламенила ее...

Облака над головой Нао потемнели, но пурпурные отсветы еще долго мерцали на горизонте. Сверкающие точки звезд зажигались одна за другой в высоком небе.

Прохладный ветер ночи, словно река, струился над засыпающей саванной.

Привыкнув к ярким кострам становища, светящаяся ограда которых надежно защищала людей от ночного мрака, полного невидимой опасности, Нао чувствовал себя в темноте слабым и беспомощным. Каждое мгновение из тьмы мог появиться серый медведь или леопард, тигр или лев, хотя крупные хищники обычно редко охотятся на открытом месте. Стадо зубров могло, пробегая, растоптать ногами хрупкую человеческую плоть. Даже стая волков представляла грозную опасность для беззащитных людей. Сила этих хищников — в их численности, а голод гонит вперед и придает дерзости.

Молодые воины поужинали сырым мясом антилопы. Это был печальный ужин: Уламры давно отвыкли от подобной пищи. С тоской вспоминали они дразнящий запах жареного мяса. Затем Нао первым встал на стражу. Всем существом своим он внимал таинственной жизни ночи, обступившей его со всех сторон. Нао был великолепным образчиком человеческой породы, тончайшим инструментом, способным улавливать все, что происходит вокруг него. Глаза его различали неясное движение теней во мраке, видели тусклые зеленые огоньки в глазах хищников, вспыхивавшие то тут, то там; слух воспринимал шепот ветерка, шелест травы, полет ночных птиц и насекомых, шорох ползущих в траве ящериц и змей. Он слышал далекие вопли шакалов, вой волков, жуткий хохот гиены, крик орлана и стрекотание кузнечиков. Ноздри впитывали аромат ночных цветов, сочное дыхание трав, острые запахи хищников. Кожа ощущала в каждом дуновении ветерка волну влажной прохлады или веяние сухого жара.

Нао не знал иной жизни. С самого раннего детства он, подобно всем своим сородичам, всегда жил в атмосфере смертельной опасности и непрекращающейся тревоги. Мир, окружавший его, был полон угроз и ловушек. В неустанной борьбе с враждебными силами и с равнодушной природой мог выжить только самый хитроумный, самый бдительный и самый сильный.

И Нао настороженно ждал во мраке ночи появления когтистых лап, раздирающих тело, острых клыков, дробящих кости, горящих зеленым огнем глаз пожирателей

живого мяса. Большинство мелких хищников, учуяв присутствие опасного двуногого противника — человека,— пробегало мимо холма, не задерживаясь. Прошли близ стоянки Уламров и гиены, челюсти которых по силе не уступают львиным. Но гиены осторожны и обычно избегают борьбы, довольствуясь падалью. Подкралась стая волков и остановилась в нерешительности. Волки знали, что сила их — в количестве, и смутно сознавали, что, действуя совместно, они почти так же сильны, как трое Уламров. Но, поскольку голод не слишком терзал их, хищники сочли более благоразумным двинуться дальше, по свежему следу антилопы.

Вскоре после ухода волков к холму подбежала стая диких собак. Они долго лаяли и выли, бродя вокруг стоянки Уламров. Отдельные собаки с угрожающим рычанием выскакивали вперед или пытались подкрасться так, чтобы Нао их не заметил. Однако ни одна из них не отваживалась напасть на двуногих зверей, зная их хитрость и силу.

Еще совсем недавно одна такая стая собак долго ходила за племенем Уламров. Они питались отбросами человеческой пищи и принимали участие в охоте. Старому Гоуну удалось даже приручить двух собак, которых он кормил потрохами и костями. Но, к несчастью, обе погибли в схватке с кабаном, а приручить других не пришлось, потому что Фаум, став вождем, приказал убить всех следовавших за племенем собак.

Нао нравилась мысль о союзе с собаками. Он видел в нем источник новой силы, могущества и безопасности человека. Но здесь, в саванне, вдали от становища, когда людей было только трое, а собак — целая стая, о союзе с ними нечего было и помышлять.

Между тем собаки постепенно сжимали кольцо вокруг стоянки Уламров. Они не лаяли больше; их учащенное дыхание слышалось всё отчетливее.

Нао забеспокоился. Он поднял комок земли и швырнул в самую смелую собаку, крикнув:

— У нас есть копья, топоры и палицы, которыми мы убиваем медведя, зубра и даже льва!

Собака, которой засыпало землей глаза, шарахнулась в сторону и, напуганная звуком человеческого голоса, скрылась в темноте. Остальные отступили на несколько

шагов и, казалось, совещались. Нао бросил в них камень.

— Вы слишком слабы, чтобы сражаться с Уламрами! — крикнул он снова.— Убирайтесь, пока целы! Ищите добычу полегче — сайгу или антилопу. Собака, которая еще раз осмелится подойти ко мне, будет убита!

Разбуженные голосом Нао, Нам и Гав проворно вскочили на ноги. Появление двух новых вертикальных теней заставило собак обратиться в бегство.

* * *

Семь дней шли по саванне Нао, Нам и Гав, избегая подстерегавших их на пути опасностей и ловушек. Эти опасности увеличивались по мере того, как Уламры приближались к Большому лесу. Хотя до опушки леса оставалось еще не менее пяти дней ходьбы, предвестники его — отдельные купы деревьев и крупные хищники — попадались теперь всё чаще и чаще. Уламры уже видели совсем близко тигра и большую черную пантеру.

Особенно опасными были ночи. Еще задолго до наступления сумерек молодые воины начинали думать о ночлеге; они искали пещеру в скале, удобную площадку на вершине холма или, на худой конец, хотя бы чащу колючего кустарника. Ночевать под большими деревьями они избегали.

На восьмой и девятый день пути их начала мучить жажда. Нигде не было видно ни ручейка, ни болота. Под ногами шуршала жесткая сухая трава. На горячих камнях грелись змеи и ящерицы, в воздухе роились тучи мошек. Насекомые стремительно проносились над головами людей, больно жалили их разгоряченные тела.

Когда тени девятого дня удлинились, степь вдруг снова сделалась зеленой и прохладной. Воздух стал влажным, и ветерок донес из-за вздымавшейся на горизонте гряды холмов запах свежей воды.

Вскоре Уламры увидели впереди себя большое стадо зубров, бредущее к югу. Обрадованный Нао сказал своим спутникам:

— Мы утолим жажду до захода солнца — зубры идут на водопой!

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, с облегчением выпрямили усталые плечи.

Нао выбрал себе в спутники подвижных и быстроногих юношей, не способных еще мгновенно принимать самостоятельные решения. Надо было воспитать в них смелость, решительность, выносливость и доверие. За доброе отношение к ним Нам и Гав готовы были платить безусловным повиновением, безграничной преданностью, способностью быстро забывать перенесенные лишения и страдания и снова радоваться жизни. Предоставленные самим себе, они терялись перед лицом враждебных стихий природы и поэтому всеми силами души тянулись к Нао, который видел в них продолжение своей воли и энергии. У обоих юношей были зоркие глаза, тонкий слух, ловкие руки и неутомимые в ходьбе и беге ноги. Всеми этими качествами мог легко управлять вождь, который сумел бы вызвать их восхищение своим великодушием, мужеством и находчивостью.

За дни совместного странствования по саванне Нам и Гав успели крепко привязаться к Нао. Он представлялся им образцом доблести и ума, растущей власти человека над силами природы, защитником и руководителем, по приказу которого они готовы были с беззаветной храбростью метать копья и наносить удары топором.

Порой, идя позади Нао в опьяняющей свежести осеннего утра, Нам и Гав невольно любовались его статной фигурой и широкими плечами, испытывая суровый восторг и почти нежность к этому могучему человеку, который притягивал к себе их сердца, как солнце — степные цветы и травы.

Нао платил юношам такой же искренней симпатией. Он чувствовал, что чем теснее будут связаны их сердца и судьбы, тем легче им будет совместно преодолевать препятствия, предупреждать опасности, бороться и побеждать.

Длинные тени легли у подножия деревьев. Солнце склонялось к западу, и огненный диск его, все увеличивавшийся по мере того, как опускался к горизонту, заливал красноватым светом равнину и медленно двигавшееся впереди стадо зубров.

Последние сомнения Нао рассеялись. За расщелиной между двумя холмами несомненно находилась вода. Так подсказывал ему инстинкт, а также то, что множество других животных украдкой пробиралось вслед за зубрами

в том же направлении. Нам и Гав чувствовали то же: их раздувающиеся ноздри жадно втягивали влажный воздух, струившийся навстречу.

— Надо опередить зубров! — сказал Нао.

Он боялся, что место водопоя окажется узким и зубры преградят своими огромными телами доступ к воде.

Охотники ускорили шаг, чтобы миновать проход между холмами раньше зубров.

Стадо двигалось медленно. Зубров было много, молодые устали от долгого перехода, старые быки соблюдали привычную осторожность. Уламры быстро догнали стадо и обошли его стороной. Многие животные последовали их примеру; видимо, они тоже хотели достичь водопоя раньше зубров. Уламры видели, как, обгоняя их, стремительно несутся к проходу между холмами легконогие сайги, муфлоны, онагры. Наперерез им проскакал табун диких лошадей. Многим уже удалось добраться до прохода.

Нао и его спутники далеко опередили зубров. Значит, можно будет не спеша утолить терзавшую их мучительную жажду. Когда воины достигли прохода, расстояние между ними и зубрами составляло не менее тысячи локтей.

Нам и Гав ускорили свой бег; усиливавшаяся с каждой минутой жажда подгоняла их. Они обогнули холм и углубились в узкий проход. Вдали блеснула Вода — мать-создательница всего живого, более благодетельная, чем сам Огонь, и менее жестокая, чем он.

Это было небольшое озеро, тянувшееся у подножия скалистой гряды, изрезанное мысами и полуостровами. Справа в него впадала полноводная река. Слева озерные воды низвергались водопадом в глубокую пропасть. Подойти к озеру можно было только тремя путями: по реке, через проход между холмами, который только что миновали Уламры, и через второй проход — между скалистой грядой и одним из холмов. В остальных местах всюду возвышались отвесные базальтовые скалы.

* * *

Воины приветствовали воду радостными возгласами. У водопоя в оранжевых лучах заходящего солнца уже столпились тонконогие сайги, низкорослые, коренастые

лошади, онагры с точеными копытцами, бородатые муфлоны, робкие косули и старый лось, на голове которого возвышался целый лес рогов. Рядом с ними жадно припал к воде неуклюжий кабан, забияка и скандалист,— единственный, кто утолял жажду, не опасаясь нападения. Остальные, насторожив чуткие уши, все время косили глазами по сторонам, готовые при малейшей опасности немедленно обратиться в бегство и надеясь только на свои быстрые ноги,— могучее оружие слабых в борьбе за жизнь.

Вдруг, словно по команде, все головы повернулись в одну сторону, уши встали торчком, прислушиваясь к чему-то. Еще мгновение — и все лошади, сайги, онагры и муфлоны беспорядочной массой понеслись к западному проходу, откуда лился багровый свет умирающего дня. Один кабан остался на месте, беспокойно вращая маленькими, налитыми кровью глазками.

В проходе появилась стая крупных лесных волков. Их большие лобастые головы с мощными челюстями были вытянуты вперед; желтые глаза высматривали добычу. Нао, Нам и Гав держали наготове копья и дротики, а кабан злобно оскалил свои загнутые кверху клыки и угрожающе засопел.

Волки оглядели противника своими умными глазами, признали его опасным и бросились в погоню за более легкой добычей, которая убегала вдали.

После ухода волков на водопое наступила тишина, и Уламры, вволю напившись свежей, прохладной воды, стали держать совет.

Надвигались сумерки, солнце скрылось за скалистой грядой. Надо было подумать о ночлеге.

— Приближаются зубры! — сказал вдруг Нао.

Он повернул голову к западному проходу и стал напряженно прислушиваться. Нам и Гав последовали его примеру. Затем все трое легли на землю и приложили ухо к земле.

— Те, кто идет оттуда,— не зубры! — прошептал Гав.

— Это мамонты,— ответил Нао.

Воины поспешно осмотрели местность. Справа от них река впадала в озеро между базальтовым холмом и отвесным утесом из красного порфира. Узкий каменный

выступ опоясывал утес и вел к его вершине. Он был достаточно широк для того, чтобы по нему мог пройти человек или крупный хищник. Уламры, не раздумывая, стали взбираться по этому выступу на утес.

На дне каменной расселины в вечном мраке текли воды реки. Деревья, сброшенные с высоты обвалами камней или вырванные ураганами, беспомощно распростерлись над пропастью. Другие тянулись из сырой глубины ущелья к свету — длинные, несоразмерно тонкие, с жалким пучком зеленых листьев на самой макушке. Стволы их обросли густым мхом и лишайниками, лианы оплели ветви, вечный холод и сырость подтачивали корни, но они упрямо продолжали бороться за жизнь, за место под солнцем.

Нао первым заметил пещеру близ вершины утеса. Она казалась низкой и небольшой, с неправильными очертаниями. Прежде чем войти в нее, Уламры долго вглядывались в черную глубину. Затем Нао, пригнув голову и расширив ноздри, пополз в пещеру впереди своих спутников, сжимая в руке топор.

Пол пещеры был завален костями, клочьями шкур, оленьими и лосиными рогами, черепами различных животных. По-видимому, хозяином пещеры был какой-то крупный хищник. Нао вдохнул несколько раз запах, исходивший от всех этих останков, и уверенно сказал:

— Это логовище серого медведя. Оно пустует уже целую луну.

Нам и Гав не были еще знакомы с этим грозным хищником. Уламры кочевали обычно в местах, где встречались тигры, львы, зубры и даже мамонты, но серый медведь попадался редко. Нао же видел его много раз во время своих дальних охотничьих походов. Он знал свирепость этого хищника, подобную слепой ярости носорога, силу, почти равную силе пещерного льва, и лютую, неукротимую злобу.

Почему пустовала пещера, Нао не знал. Быть может, медведь покинул ее временно, перекочевав на лето в другое место, а быть может, с ним случилось какое-нибудь несчастье или он утонул при переправе через реку. Так или иначе, Нао надеялся, что ближайшей ночью медведь не вернется в пещеру, и решил занять ее для ночлега.

Не успел он объявить об этом своим спутникам, как внизу, у подножия утеса, послышался шум и топот ног: зубры пришли на водопой. Их могучий рев, грозный, как рычание льва, отраженный и усиленный базальтовыми скалами, загремел над озером, словно раскаты грома.

Нао не мог удержать невольную дрожь, слушая рев огромных животных. Человек в те времена редко отваживался охотиться на зубров и бизонов. Они были значительно крупнее и сильнее тех, которые живут теперь. Зубры хорошо сознавали свою силу и не боялись даже самых больших хищников, которые нападали только на больных и слабых или случайно отбившихся от стада животных.

Уламры выбрались из пещеры и взглянули вниз. Сердца их учащенно забились при виде величественного зрелища, которое представилось их глазам. С ужасом и восторгом созерцали они эту дикую и великолепную картину.

Но не успели молодые воины полюбоваться зубрами, как новая волна звуков ворвалась в шум, поднятый зубрами, подобно тому как топор врезается в тушу убитой козы. Этот низкий, вибрирующий звук был намного глуше и слабее рева зубров. А между тем он возвещал о приближении самых сильных существ, живших тогда на Земле.

В те времена мамонт был непобедимым и полновластным хозяином суши. Свирепые львы и кровожадные тигры старались держаться в почтительном отдалении от него; даже могучий серый медведь не решался вступить в единоборство с мамонтом. Человеку суждено было помериться с ним силами лишь спустя тысячелетия. Один только носорог, близорукий и тупой в своей ярости, отваживался преграждать ему дорогу. Мамонт был подвижным, быстрым, неутомимым, сообразительным и памятливым. Он легко преодолевал горные перевалы, переплывал широкие озера и полноводные реки. Хобот служил ему таким же универсальным орудием, как руки человеку; страшные бивни взрывали землю и сокрушали все, что попадалось на его пути. Он прекрасно сознавал свое превосходство над всеми живыми существами и спокойно наслаждался своим могуществом. Нет сомнения, что ум его был более ясным и острым, а чувства — более

тонкими, чем у современных слонов, отупевших за время своего долгого рабства у человека.

Вожаки мамонтов и зубров подошли к водопою одновременно. Мамонты, привыкшие к тому, что все живое уступает им дорогу, пожелали пройти первыми. И зубры и бизоны в таких случаях обычно отступали. Но на этот раз зубры, возглавляемые вожаками, которые, по-видимому, плохо представляли себе силу мамонтов, и тоже привыкшие, что все травоядные отступают перед ними, неожиданно разъярились.

Восемь зубров-вожаков были огромными, могучими самцами. Самый крупный не уступал ростом носорогу. Жажда их была сильной, а терпение — коротким. Видя, что мамонты хотят первыми пройти к водопою, зубры угрожающе вскинули головы и издали протяжный боевой клич. Мамонты затрубили. Вожаками их были пять старых самцов с массивными головами, огромными холмоподобными телами и мощными ногами, напоминающими стволы вековых деревьев. Бивни длиной в десять локтей могли без труда снести дубовую рощу. Черные хоботы извивались в воздухе, словно гигантские питоны. Кожа была толще и прочней, чем кора на старых вязах.

Позади вожаков длинной вереницей тянулось стадо.

Спокойные и невозмутимые, внимательно глядя на зубров своими маленькими живыми глазками, мамонты стояли на берегу, преграждая доступ к водопою. Восемь горбатых зубров с налитыми кровью глазами яростно мотали косматыми головами и, потряхивая тяжелой, жирной гривой, грозно наклоняли к земле острые, торчащие в стороны рога. Инстинкт предупреждал их о страшной силе врага, но нетерпеливое мычание сгрудившегося позади стада возбуждало в вожаках воинственный пыл.

Внезапно самый рослый зубр, вожак всего стада, еще ниже пригнул к земле лобастую голову, увенчанную блестящими рогами, и с молниеносной быстротой ринулся на ближайшего мамонта. Страшный удар в плечо, хоть и парированный ответным ударом могучего хобота, был все же так силен, что мамонт зашатался и упал на колени. Торопясь использовать преимущество внезапного нападения, зубр стал наносить гиганту удар за ударом; поверженный на колени мамонт мог отбиваться от врага только хоботом.

В этой страшной схватке великанов зубр был воплощением слепого бешенства. Пена выступила на его губах, налитые кровью глаза сверкали. С неистовым упорством он бил противника своими острыми рогами, стремясь опрокинуть мамонта на бок, чтобы пропороть ему рогами брюхо, где кожа была не такой толстой. Если бы ему удалось это сделать, он вышел бы победителем из схватки.

Мамонт прекрасно понимал опасность. Но даже в эту ужасную минуту привычное хладнокровие не покинуло его. Он изо всех сил старался держаться прямо. Мамонту достаточно было одного рывка, чтобы встать на ноги, но для этого зубру следовало хоть на минуту прекратить свои атаки.

Неожиданное нападение зубра сперва озадачило остальных вожаков. Четыре мамонта и семь зубров застыли лицом к лицу в грозном ожидании. Ни один не пытался вмешаться в схватку, чувствуя, что опасность угрожает ему самому.

Мамонты первыми проявили признаки нетерпения. Самый высокий с громким сопением шевельнул перепончатыми ушами, похожими на гигантских летучих мышей, и сделал шаг вперед. В то же мгновение мамонт, на которого напал зубр, со страшной силой ударил хоботом по ногам противника. Зубр пошатнулся. Мамонт воспользовался этой минутой и одним рывком очутился на ногах. Два огромных зверя снова стояли друг против друга. Ярость овладела мамонтом. Подняв кверху могучий хобот, он оглушительно взревел и кинулся на врага. Изогнутые бивни подхватили зубра, подбросили его в воздух, словно щепку, а затем швырнули на землю с такой силой, что у того затрещали кости. Не дав зубру опомниться, мамонт вонзил свои страшные бивни в брюхо противника и принялся топтать ногами окровавленное тело.

Рев побежденного потонул в поднявшемся крике. Семь зубров и пять мамонтов ринулись друг на друга в лютой жажде крови, ослепившей их и заставившей потерять рассудок. Воинственный пыл овладел и обоими стадами: низкое мычание зубров смешивалось с пронзительным трубным ревом мамонтов. Гнев привел в движение длинные ряды могучих тел, грозные бивни, острые рога и гибкие хоботы.

Вожаки сражались с самозабвенной яростью. Мощные тела сплелись в гигантский клубок, откуда доносился рев бешенства и боли, топот тяжелых ног, треск ломающихся костей...

В первые минуты численное превосходство зубров поставило мамонтов в невыгодное положение. Три зубра соединенными силами напали на одного мамонта и повалили его на землю; второй едва успевал обороняться от двух ожесточенно атакующих противников. Но остальные три мамонта набросились на оставшихся зубров и одержали молниеносную победу. Они пронзили их бивнями и долго топтали своими чудовищными ногами. Только заметив опасность, угрожавшую поверженному мамонту, они оставили свои жертвы и снова ринулись в бой. Три зубра, ожесточенно атаковавшие упавшего мамонта, были застигнуты врасплох. Двое погибли мгновенно, третьему удалось спастись бегством. За ним бросились бежать все сражавшиеся зубры. Панический страх, овладевший вожаками, мгновенно передался всему огромному стаду. Сначала это была лишь смутная тревога, минутное оцепенение, словно затишье перед грозой. Затем стадо дрогнуло, пришло в движение и вдруг, повернувшись, кинулось вспять. В слепом ужасе, толкая и давя друг друга, мчались зубры по узкому проходу между холмами. Сильные обгоняли слабых, валили с ног и безжалостно топтали. Хруст костей напоминал треск падающих под ураганным ветром деревьев.

Мамонты не сочли нужным преследовать убегающего противника. Показав свое могущество и меру своей силы, они еще раз доказали, что мамонт — властелин Земли и всех населяющих ее живых существ. Колонна рыжевато-бурых гигантов с длинной шерстью и жесткими гривами выстроилась вдоль берега озера и стала не спеша утолять жажду.

Множество животных, вспугнутых только что закончившейся ужасной битвой, сгрудилось на склонах холмов, почтительно взирая на пьющих колоссов.

Уламры также смотрели не отрывая глаз на властителей Земли. Нао невольно сравнивал худые руки, тонкие ноги и хрупкие торсы Нама и Гава с массивными, словно скалы, фигурами царственных животных, и с горечью думал о слабости и ничтожности человека, влачащего

жалкую кочевую жизнь в лесах и саваннах. Он думал также о всех львах, тиграх и серых медведях, которых им предстояло встретить во время их опасного путешествия, отчетливо сознавая, что человек в могучих лапах этих хищников так же бессилен, как дикий голубь в когтях орла.

Глава третья

В ЛОГОВЕ МЕДВЕДЯ

Миновала уже треть ночи. Серебряная луна, похожая на раскрытый цветок белой водяной лилии, скользила вдоль края темного облака. Призрачный свет ее заливал реку, молчаливые черные утесы и берег озера у водопоя. Мамонты давно ушли. Лишь изредка к водопою подкрадывался неслышной походкой какой-нибудь хищник, а в воздухе бесшумно проносилась на своих мягких крыльях летучая мышь.

Гав стоял на страже у входа в пещеру. Молодой воин был очень утомлен; он все время задрёмывал, пробуждаясь лишь при резком порыве ветра, внезапном шуме или возникновении нового запаха. Странное оцепенение сковывало все его мысли и чувства; в сознании бодрствовал только страх перед возможной опасностью.

Стук копыт внезапно промчавшейся неподалеку сайги заставил Гава быстро поднять голову и тревожно оглядеться. На противоположном берегу реки по крутому гребню базальтового холма двигался, переваливаясь с ноги на ногу, какой-то большой зверь. Грузное и в то же время гибкое тело, большая голова с заостренной мордой и что-то человеческое в походке — все говорило о том, что перед Гавом огромный медведь.

Молодой воин был хорошо знаком с пещерным медведем. Этот миролюбивый гигант с выпуклым лбом обычно спокойно жил в своем логове и питался исключительно растительной пищей. Только голод мог заставить его охотиться и есть мясо.

Приближавшийся к пещере зверь принадлежал, по-видимому, к другой породе. Гав убедился в этом, когда медведь вышел на ярко освещенную луной вершину холма.

У зверя был плоский лоб и массивное, покрытое короткой сероватой шерстью туловище; в тяжелой поступи чувствовалась уверенность в своей силе и скрытая угроза. Это был серый медведь, опасный соперник самых крупных хищников.

Гав вспомнил рассказы охотников, побывавших в гористых местностях, где обитает серый медведь. Они уверяли, что этот страшный хищник способен одним ударом могучей лапы свалить на землю зубра или бизона, задушить лося или дикую лошадь. Его острые когти без усилия вспарывают грудь человека; он не боится свирепого льва и кровожадного тигра. Старый Гоун говорил, что серый медведь уступает в силе только пещерному льву, носорогу и владыке Земли — мамонту.

Сын Сайги не почувствовал сразу того страха, который вызвало бы у него внезапное появление тигра или льва. Встречи с благодушным пещерным медведем приучили его не бояться животных этой породы. Однако в походке приближающегося зверя было что-то внушающее смутную тревогу, и молодой воин счел необходимым разбудить Нао.

Одного прикосновения к руке спящего сына Леопарда было достаточно, чтобы он мгновенно вскочил на ноги.

— Что хочет Гав? — спросил Нао, подойдя к выходу из пещеры.

Сын Сайги молча указал рукой на вершину базальтового холма.

Лицо Нао омрачилось.

— Серый медведь! — прошептал он.

Взгляд его тревожно скользнул по стенам пещеры.

С вечера Уламры позаботились заготовить целую кучу хвороста и камней. Несколько крупных валунов лежало поблизости — ими можно было при необходимости прочно загородить вход в пещеру. Нао предпочел бы спастись бегством, но для отступления у них был один только путь: вниз, по каменному выступу к водопою, то есть прямо навстречу серому медведю. Если бы им даже удалось незаметно проскользнуть мимо него, серый медведь, быстроногий и проворный, несмотря на кажущуюся грузность и неуклюжесть, легко догонит на открытом месте беглецов.

Единственным выходом было бы вскарабкаться на

дерево — серый медведь не умеет лазать по деревьям. Но, к несчастью, поблизости виднелись лишь низкорослые, тонкие деревца, и к тому же этот неутомимый и упрямый хищник способен бесконечно долго караулить свою жертву.

* * *

Заметил ли медведь Гава, сидевшего на корточках у входа в пещеру, прижавшись к скале и стараясь не делать ни одного лишнего движения? Или это был хозяин пещеры, вернувшийся домой после долгого странствия?

Пока Нао мучительно раздумывал над этой загадкой, медведь стал спускаться вниз по крутому склону. Достигнув подножия холма, он остановился, поднял кверху острую морду, понюхал влажный ночной воздух и затрусил неторопливой рысцой. На мгновение обоим Уламрам показалось, что он удаляется. Однако, очутившись на берегу, зверь уверенно двинулся к переправе и остановился как раз напротив каменного карниза, который вел на вершину утеса.

Единственный путь к отступлению был отрезан. Чуть повыше пещеры каменный карниз кончался и утес обрывался отвесно в воды озера; спустившись же по узкому выступу вниз, они очутились бы лицом к лицу со страшным хищником. Как бы быстро ни сбежали вниз Уламры, медведь все равно успел бы переплыть узкую реку и преградить беглецам путь.

Оставалось лишь надеяться, что хищник, не заметив людей, уйдет прочь. В противном случае следовало приготовиться к нападению на пещеру...

Нао разбудил Нама, и они втроем поспешно начали перекатывать валуны ко входу в пещеру. Потоптавшись на месте, медведь вдруг бросился в воду и переплыл реку. Выйдя на берег, он отряхнулся и стал неторопливо взбираться вверх по узкому каменному выступу.

Чем ближе подходил к пещере медведь, тем отчетливее вырисовывалась в ярком свете луны его огромная косматая фигура. Временами в широкой пасти угрожающе поблескивали острые белые клыки.

Нам и Гав дрожали как в лихорадке, сознавая всю свою слабость перед страшным хищником. Юные сердца

их трепетали, словно раненые птицы, при мысли о неизбежности предстоящей смертельной схватки. Страстная жажда жизни овладела всем существом молодых воинов.

Нао тоже не был спокоен. Он знал страшную силу противника и сознавал, что медведю понадобится совсем немного времени, чтобы справиться с тремя людьми. Его толстая шкура и крепкие, словно гранит, кости были почти неуязвимы для каменных топоров и копий с кремневыми наконечниками.

Уламры лихорадочно продолжали укреплять вход в пещеру. Скоро перед ним выросла высокая стена из камней. Молодые воины оставили не заложенным только одно отверстие справа, на высоте человеческого роста.

Тем временем медведь добрался до пещеры и подошел к ее входу. Увидев препятствие, он остановился и заворчал, удивленно покачивая тяжелой головой. Хищник давно учуял присутствие людей, слышал шум, поднятый ими при сооружении каменного заграждения, но никак не ожидал, что вход в берлогу, где он прожил столько лет, вдруг окажется заложенным.

Медведь смутно чувствовал, что существует какая-то связь между появлением этого неожиданного препятствия и присутствием двуногих существ, которые заняли его жилище. Преграда озадачила его, но нисколько не встревожила; он угадывал слабость скрывавшихся за ней противников.

Сначала огромный хищник не спеша потянулся, показав белую, отливающую серебром шерсть на своей могучей груди и мотая мохнатой головой. Затем внезапно, без всякого перехода, пришел в ярость, потому что по натуре своей был существом угрюмым и злобным. Издав хриплый, протяжный рев, он поднялся на задние лапы. В такой позе медведь еще больше напоминал человека, огромного и волосатого, с короткими кривыми ногами и непомерно длинным туловищем. Тяжело переваливаясь с лапы на лапу, он вплотную подошел к каменной стене и, пригнув голову, заглянул в оставшееся незаложенным отверстие.

Нам и Гав, скрытые в темной глубине пещеры, держали наготове свои кремневые топоры; сын Леопарда сжимал в руках тяжелую палицу. Они рассчитывали, что медведь,

желая разрушить стену, просунет в незаложенное отверстие лапы, и готовились размозжить их ударами палицы и топоров. Но в просвете между валунами перед ними неожиданно возникла огромная лохматая морда с плоским лбом и полуоткрытой пастью, в которой виднелись два ряда длинных и острых, словно дротики, зубов. Топоры Нама и Гава с силой опустились на голову хищника; Нао взмахнул палицей, но недостаточная ширина отверстия помешала ему нанести сокрушительный удар.

Медведь с ревом отступил. Он даже не был ранен: ни одна капля крови не выступила на его морде. Но вспыхнувшие зеленым огнем зрачки хищника и лязг мощных челюстей ясно говорили о возмущении оскорбленной силы. Однако он не пренебрег полученным уроком. Вместо того чтобы лезть в пещеру напролом, он решил сначала уничтожить опасное препятствие.

Приблизившись к пещере снова, медведь ощупал каменную стену лапами и толкнул ее. Стена едва заметно дрогнула. Тогда, собрав все свои силы, зверь принялся расшатывать ее. Он то наваливался на нее плечом и толкал лбом, то рвал могучими когтями, то, отступив, с разбегу бросался на стену всей тяжестью своего огромного тела. Обнаружив наконец слабое место у основания стены, медведь сосредоточил на нем свои усилия. Стена зашаталась. Уламры, находясь по ту сторону стены, ничем не могли помешать зверю. Почти не сговариваясь, люди быстро изменили способ защиты. Нао и Гав подперли плечами опасное место изнутри, и стена перестала шататься. Нам же, высунувшись из отверстия, подстерегал удобный момент, чтобы вонзить дротик в глаз противника.

Вскоре медведь заметил, что слабое место в преграде перестало поддаваться его толчкам. Эта непостижимая для темного ума зверя перемена, шедшая вразрез со всем его долголетним опытом, озадачила хищника. Он остановился, присел на задние лапы и, мотая головой, стал рассматривать стену, обнюхивая ее с недоверчивым и изумленным видом. Наконец, решив, что ошибся, медведь снова приблизился к стене и ударил ее лапой; затем разбежался и толкнул плечом. Стена не поддавалась. Тогда, разъярившись, хищник забыл об осторожности и ринулся в атаку.

Отверстие в стене притягивало зверя. Ему казалось, что здесь он найдет свободный проход. Он бросился к нему, не думая об опасности... Дротик просвистел и впился ему в веко, но ничто уже не могло остановить сокрушительный натиск этого живого тарана. Стена рухнула...

Нао и Гав мгновенно отскочили в глубину пещеры. Нам не успел последовать их примеру — и очутился в когтях рассвирепевшего зверя. Юноша даже не пробовал защищать свою жизнь. Покорный и беспомощный, словно антилопа, опрокинутая на землю лапой льва, он раскинул руки и, широко раскрыв глаза, в каком-то оцепенении ждал смерти.

Но Нао, на мгновение растерявшийся от неожиданного падения стены, увидел опасность, грозившую его товарищу, и сразу обрел хладнокровие и мужество, свойственные людям сильного духа и твердой воли. Отбросив в сторону ставший ненужным топор, он обеими руками схватил узловатую дубовую палицу и шагнул навстречу врагу.

Медведь заметил его. Отложив расправу со слабой добычей, трепетавшей в его когтях, он отбросил в сторону Нама и с грозным рычанием повернулся к сыну Леопарда. Но не успел хищник пустить в ход свои страшные клыки и когти, как палица Нао с молниеносной быстротой опустилась на голову зверя, разбив в кровь его ноздри. Удар, нанесенный сбоку, был не так силен и опасен, как болезнен. Он поразил хищника в самое чувствительное место. Медведь невольно отпрянул назад, завыв от боли.

Второй удар палицы пришелся по массивному, несокрушимому черепу. Медведь, успевший прийти в себя, но обезумевший от боли и ярости, ринулся на врага. Нао успел отскочить в темноту и укрыться за выступом базальтовой стены. Медведь, как лавина, пронесся мимо него и с размаху ткнулся раненой мордой в каменную стену. Он пошатнулся, оглушенный ударом, и в эту же минуту палица Нао, очутившегося позади хищника, со страшной силой опустилась на загривок зверя, перебив ему позвоночник. Послышался треск сломанных костей. Хищник медленно повернулся вокруг себя, зашатался и рухнул на землю. Нао, упоенный победой, в неистовой ярости наносил поверженному врагу удар за ударом, в то время как

Нам и Гав вспарывали брюхо зверя своими кремневыми топорами...

Когда громадная окровавленная туша перестала наконец содрогаться, Уламры выпрямились и, опустив оружие, молча посмотрели друг на друга. Это была торжественная минута. Нао стал теперь в глазах Нама и Гава самым могучим из Уламров и всех других людей. Ни Фауму, ни Гу, сыну Тигра, и ни одному из тех великих воинов прошлых поколений, имена которых хранил в своей обширной памяти старый Гоун, не удавалось убить серого медведя ударом палицы в открытом бою. Юноши с восхищением смотрели на своего могучего товарища, мечтая о том дне, когда они расскажут про его славную победу всем Уламрам,— конечно, в том случае, если им удастся вернуться к родному племени покорителями Огня!

Глава четвертая

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ И ТИГРИЦА

Минула одна луна. Нао и его спутники, все время двигавшиеся на юг, давно уже оставили позади саванну. Теперь они пробирались по густому лесу. Казалось, темной чаще не будет конца. Лишь изредка на пути Уламров встречались поляны, поросшие высокой травой, болота и небольшие озера, но за ними снова начинались непроходимые дебри. Необозримый, словно море, лес то взбирался на холмы, то спускался в глубокие овраги.

Все виды растений и все породы животных водились в этом лесу.

Здесь можно было встретить тигра и желтого льва, леопарда и гиену, кабана и волка, лань и серну, носорога и оленя, муфлона и косулю. В этом лесу встречались даже пещерные львы — редчайшая порода хищников, начавшая вымирать сотни веков назад.

Кое-где в чаще попадались широкие просеки, заваленные обглоданными ветвями деревьев и вырванным с корнем подлеском, неоспоримо свидетельствовавшие о проходе мамонтов, стадо которых причиняет лесу больше ущерба, чем самые сильные бури и ураганы.

В этих опасных местах Уламры находили обильную пищу, но и сами в любую минуту могли стать добычей какого-нибудь крупного хищника.

Нао, Нам и Гав подвигались вперед с величайшей осторожностью, построившись треугольником, чтобы одновременно наблюдать за бо́льшим пространством.

Днем острое зрение и тонкий слух заблаговременно предупреждали их об опасности. Впрочем, днем самые страшные хищники спали; они выходили на охоту только в сумерки. Днем их глаза были менее зоркими, чем глаза людей, а чутье нельзя было сравнить с чутьем волков. Волков трудно сбить со следа, но в этом обильном всякого рода добычей лесу они остерегались нападать на таких сильных и хитроумных противников, как люди. Страшный пещерный медведь охотился на животных только зимой, когда ему не хватало растительной пищи. В остальные времена года это огромное животное мирно утоляло свой голод плодами и съедобными корнями.

Но если дни проходили в непрерывной тревоге, то ночи были просто ужасны. Задолго до наступления сумерек Уламры начинали искать безопасное убежище для ночлега. Иногда это была естественная пещера; в другой раз им приходилось сооружать убежище из камней; порой они находили приют в глубокой яме под корнями деревьев или в чаще колючего кустарника.

Но обычно они проводили ночи на деревьях, выбирая группу близко расположенных друг к другу стволов.

Больше всего страданий причиняло Уламрам отсутствие Огня. В долгие безлунные ночи им казалось, что ночной мрак никогда больше не рассеется. Темнота угнетала их, наваливалась на них страшной тяжестью. Они тоскливо вглядывались в беспросветную тьму, ожидая, что вдруг где-нибудь вдали вспыхнет искра и веселые языки пламени начнут лизать сухие ветви...

Но во мраке ночи мерцали только искры далеких звезд да зеленые огоньки в глазах хищников.

В эти часы молодые воины мучительнее ощущали свою слабость и полное одиночество среди жестокого и враждебного мира. Со щемящей печалью вспоминали они о родном племени и думали, что самые тяжкие испытания угнетают человека меньше, если рядом с ним сородичи и соплеменники.

* * *

Наконец лес поредел. На запад он уходил такой же сплошной чащей, без единого просвета, но на востоке лежала равнина с редкими группами деревьев и островками невысокого кустарника. Зубры, бизоны, олени, сайги и лошади поедали молодые побеги деревьев и тем защищали саванну от наступления леса. Через равнину, по направлению к востоку, несла свои воды широкая река, берега которой заросли черными тополями, пепельными ивами, осинами, ольхой, тростником и камышами. Кое-где виднелись бурые груды ледниковых валунов.

День склонялся к закату, и на землю уже ложились длинные вечерние тени.

Многочисленные следы на берегу реки говорили о том, что в сумерки сюда сходится на водопой множество зверей. Поэтому Нао, Нам и Гав, поспешно утолив жажду, занялись поисками безопасного места для ночлега. Разбросанные кое-где валуны были непригодны для этой цели — пришлось бы затратить слишком много времени, чтобы построить из них хоть какое-нибудь прикрытие.

Нам и Гав, отчаявшись найти подходящее убежище, уже готовы были вернуться на ночь в лес, когда Нао вдруг заметил две огромные базальтовые глыбы, лежащие рядом и соприкасающиеся верхушками; они образовали нечто вроде пещеры с двумя входами. Один вход был доступен только мелким животным, не крупнее собаки. Второй оказался достаточно широким, чтобы, плотно прижавшись к земле, через него мог проползти человек; но для львов, тигров и медведей этот вход был слишком тесным.

Нам и Гав легко проникли в пещеру. Они боялись, что Нао из-за своего богатырского сложения не сможет протиснуться в узкое отверстие; но сын Леопарда, вытянувшись во всю длину и повернувшись на бок, без труда пробрался в пещеру и так же легко выполз обратно.

Огромные каменные глыбы были так тяжелы и массивны, что даже мамонты не могли бы разъединить их. Под ними свободно умещались три человека.

Уламры были бесконечно рады этой находке, обеспечившей им безопасный ночлег. Впервые за все время похода они проведут спокойную ночь, не опасаясь нападения хищников.

Подкрепившись сырым мясом молодого оленя и орехами, собранными в лесу, Нао, Нам и Гав выбрались из убежища, чтобы еще раз осмотреть местность. Несколько оленей и косуль пробежали к водопою. В воздухе с воинственным карканьем носились вороны; в облаках величественно парил орел. В зарослях ивняка крался пятнистый леопард. Рысь преследовала антилопу.

Тени деревьев удлинялись. Солнце садилось за лесом, зажигая гигантский пожар в облаках. Через несколько минут хищники должны были выйти из своих берлог, чтобы вступить во владение равниной. Но пока еще ничто не предвещало их появления.

Над равниной раздавался только многоголосый щебет птичек; повернув головки к закату, они торопились пропеть свой прощальный гимн дневному светилу, полный сожаления об уходящем дне и страха перед надвигающимся мраком ночи.

Неожиданно на опушке леса показался одинокий бизон. Откуда он пришел? Почему отбился от стада? Бежал ли он от какого-нибудь крупного хищника или просто отстал от своих сородичей и теперь брел наугад, не зная, где их искать?

Уламры не задавались подобными вопросами. Инстинкт охотников сразу проснулся в них. Люди в те времена не смели и подумать о нападении на стада этих огромных травоядных. Они отваживались охотиться лишь на одиноких, раненых или слабых животных.

Проворные и сильные, чуткие к малейшей опасности, смелые и осторожные, бизоны были великолепно приспособлены к борьбе за существование. Сознавая свою силу, они держались спокойно и уверенно.

Нао с глухим восклицанием вскочил на ноги. Сердце его учащенно забилось при виде широкогрудого, крутогорого, величественного зверя. Он знал, что сражение с этим огромным травоядным принесло бы ему не меньшую славу, чем победа над серым медведем. Кровь закипела в жилах сына Леопарда и горячей волной ударила в голову. Но тут же другой инстинкт вступил в борьбу с первым. И этот инстинкт властно приказывал Нао не уничтожать без нужды животное, могущее послужить пищей. А у молодых воинов был большой запас свежего мяса.

Вспомнив победу, только что одержанную над серым медведем, сын Леопарда решил, что борьба с бизоном едва ли прибавит что-либо к его охотничьей славе, и опустил палицу.

Ничего не подозревавший бизон медленно и спокойно прошел к реке.

Вдруг все трое Уламров насторожились — они почувствовали приближение опасности раньше, чем увидели ее. Сомнения быстро сменились уверенностью. По знаку Нао Нам и Гав скользнули в пещеру. Нао не замедлил последовать за ними, как только на опушке леса показался бегущий олень. Животное неслось в слепом ужасе. Ветвистые рога его были закинуты назад, с губ капала пена, окрашенная кровью.

Олень успел уже удалиться на тридцать скачков от опушки, когда из-за деревьев показался преследователь. Это был тигр — коренастый и приземистый, с гибкой спиной и мускулистыми лапами. Он продвигался гигантскими скачками, покрывая каждый раз расстояние не менее двадцати локтей. Со стороны казалось, что он не бежит, а скользит в воздухе, чуть касаясь лапами земли.

В конце каждого скачка тигр на неуловимо короткое мгновение останавливался, как бы собираясь с силами для нового рывка.

Олень мчался безостановочно, делая короткие, все убыстряющиеся прыжки. Но тигр настигал его; хищник только что вышел на охоту после дневного сна, в то время как олень был утомлен долгим дневным переходом.

— Тигр нагоняет большого оленя! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Нам.

Нао, с не меньшим возбуждением следивший за этой страшной охотой, возразил:

— Большой олень неутомим!

Вблизи реки расстояние, отделявшее оленя от тигра, сократилось наполовину. Однако, сделав неимоверное усилие, олень еще убыстрил свой бег. Некоторое время оба животных неслись с одинаковой скоростью, затем скачки тигра замедлились. Он оставил бы преследование, если бы не близость реки: в воде он рассчитывал быстро настигнуть оленя, потому что был великолепным пловцом.

Хищник достиг берега, когда олень проплыл уже лок-

тей пятьдесят. Не останавливаясь ни на секунду, тигр бросился в реку и поплыл с необычайной быстротой; однако олень не уступал ему в скорости. Жизнь его зависела от этой минуты. Река была неширока, и видно было, что олень первым доплывет до противоположного берега. Однако стоит ему споткнуться при выходе из воды — и он погиб!

Олень прекрасно понимал это: он осмелился даже уклониться от прямой, чтобы выбраться на берег в более удобном месте: на усыпанной галькой косе, отлого спускавшейся к реке. Расчет оленя был точным, но, ступив на сушу, он замешкался в минутной нерешительности. Этого было достаточно, чтобы тигр выиграл еще полтора десятка локтей.

Олень едва успел отбежать на двадцать локтей от берега, когда тигр в свою очередь вылез из воды и сделал свой первый скачок. Но тут хищника постигла неудача: он зацепился за что-то лапой, оступился и упал.

Олень был спасен! Теперь преследование становилось бесполезным. Тигр понял это и, вспомнив, что во время погони перед его глазами мелькнул бизон, немедленно кинулся снова в воду и поплыл обратно.

Бизон не успел еще скрыться из виду... Увидев погоню, он отступил к лесу; когда же тигр исчез в камышах, бизон остановился в раздумье. Однако осторожность взяла верх, и, решив скрыться в чаще, он затрусил к опушке мимо каменных глыб, где скрывались Уламры.

Запах людей напомнил бизону, как однажды, когда он был еще мал и слаб, человек тяжко ранил его острым камнем. Бизон бросился в сторону и стремглав понесся к лесу; он уже почти достиг опушки, когда снова завидел тигра, который приближался огромными скачками.

Понимая, что бегство бесполезно, бизон повернулся к хищнику. Нетерпеливо роя копытами землю, он низко склонил рогатую голову. Широкая грудь его, покрытая рыжеватой шерстью, порывисто вздымалась. Большие глаза горели лиловатым огнем. Теперь это было уже не мирное травоядное, а опасный боец; страх и колебания уступили место ярости боя. Инстинкт самосохранения претворился в храбрость.

Тигр увидел, что ему предстоит встреча с опасным

противником. Он не сразу напал на него. Крадучись и извиваясь всем туловищем, как пресмыкающееся, он подкрадывался к бизону, готовый при первом же поспешном или неловком движении противника прыгнуть ему на спину и одним ударом лапы переломить позвоночник или перегрызть незащищенную шею. Но настороженный и внимательный бизон следил за каждым движением хищника и все время обращал к нему массивный костистый лоб, вооруженный острыми рогами.

Вдруг тигр замер, забыв о бизоне. Изогнув спину дугой, он устремил желтые, сразу ставшие неподвижными глаза на приближавшегося огромного зверя, похожего на него, но более рослого и массивного, с широкой грудью и густой темной гривой.

В неуверенной поступи этого зверя чувствовалось, однако, колебание охотника, который забрел на чужую территорию.

Между тем тигр был у себя. Десять лун он владел этими местами, и все остальные хищники признавали его первенство — и леопард, и медведь, и гиена. Никто не осмеливался оспаривать у него добычу. Ни одно живое существо не становилось на пути тигра, когда он охотился на оленя, лань, муфлона, зубра, бизона или антилопу. Только серый медведь появлялся зимой в его охотничьих владениях. Другие тигры жили на севере, львы — возле Большой реки. Он уступал дорогу только непобедимому в своей слепой ярости носорогу и мамонту с толстыми, как стволы вековых деревьев, ногами.

До сих пор тигр ни разу не встречал этого странного зверя почти вымершей к тому времени породы. Но инстинкт сразу подсказал ему, что пришелец сильнее его, лучше вооружен и не менее ловок и проворен. И все же тигр не хотел признать свою слабость и без борьбы уступить местность, где так долго был полновластным хозяином.

Он не отступил перед соперником, но пригнулся, почти распластавшись на земле, выгнул спину и угрожающе оскалил клыки.

В свою очередь пещерный лев набрал воздуха в широкую грудь и зарычал; затем, оттолкнувшись от земли задними лапами, сделал прыжок длиной в целых двадцать пять локтей.

Тигр в страхе попятился назад. При втором прыжке льва он поджал хвост и, казалось, готов был уже обратиться в бегство. Однако тут же, словно устыдившись собственной трусости, зарычал на противника; его желтые глаза позеленели от бешенства: он принимал бой!

Внезапная перемена в поведении тигра скоро стала понятной Уламрам. Из камышей на помощь к своему самцу спешила тигрица; она неслась огромными скачками, почти не касаясь земли. Глаза ее сверкали, словно угли.

Теперь настала очередь пещерного льва усомниться в своей силе. Вероятнее всего, он без боя уступил бы чете тигров ее владения, если бы, возбужденный угрожающим рычанием своей самки, тигр-самец не прыгнул ему навстречу...

Пещерный лев готов был примириться с необходимостью отступить, но не мог оставить безнаказанным столь дерзкий вызов. Его чудовищные мускулы напряглись при воспоминании об одержанных им бесчисленных победах, об убитых, растерзанных и съеденных им существах. Один лишь прыжок отделял его от тигра. Он мигом перелетел это расстояние и встретил... пустоту, так как тигр отскочил в сторону. Очевидно, он хотел напасть на пещерного льва сбоку. Тот быстро повернулся, чтобы встретить нападение.

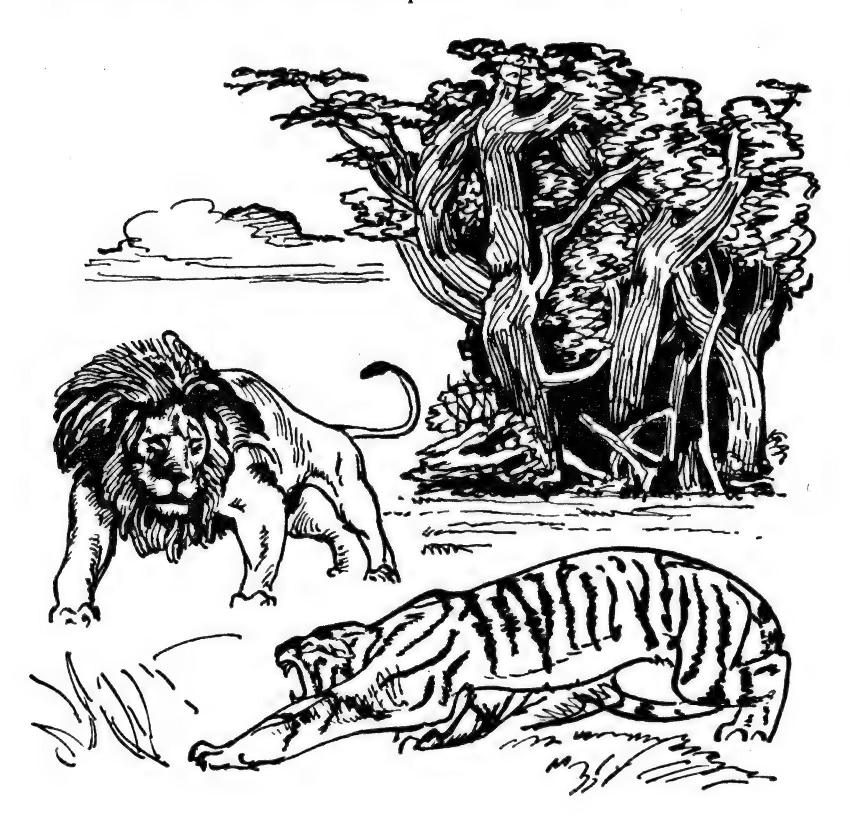
Когти и клыки сшиблись... Послышалось глухое рычание и щелканье страшных челюстей. Будучи ниже ростом, тигр попытался вцепиться в горло пещерного льва, но молниеносный удар огромной лапы опрокинул его на землю. В то же мгновение когтями другой лапы пещерный лев вспорол противнику брюхо. Внутренности вывалились из раны вместе с потоками крови. Неистовый рев огласил саванну.

Пещерный лев начал рвать на части свою жертву, когда подбежала тигрица. Почуяв запах свежей крови, она остановилась в нерешительности и издала призывное рычание.

Услышав ее зов, тигр невероятным усилием вырвался из лап пещерного льва, шагнул к тигрице... и остановился. Силы покинули его, и только глаза все еще были полны жизни.

Тигрица инстинктом поняла, как мало осталось жить тому, кто так долго делил с ней еще теплую добычу, охранял ее детенышей, защищал ее от всех опасностей. Смутная нежность к поверженному самцу шевельнулась в глубине ее не знавшего жалости сердца. Но она поняла также, что перед ней — сила еще более могучая и жестокая, чем сила тигров, и, трепеща за свою жизнь, тигрица глухо зарычала, бросила последний взгляд на своего самца и убежала в лес.

Пещерный лев не стал преследовать ее. Он наслаждался победой и следил за каждым движением издыхающего тигра, но не спешил прикончить его, так как был осторожен и остерегался получить рану, когда победа и без того была на его стороне.

Настал час заката. Багряный свет зари разлился по лесам, озарил кровавыми отблесками половину неба. Дневные животные затихли. Теперь слышались только вой волков, жуткий хохот гиен, крики ночных птиц, кваканье лягушек и стрекотание кузнечиков. Когда последние лучи солнца догорели в облаках, на востоке появился диск полной луны.

В саванне не было видно других зверей, кроме двух хищников,— бизон скрылся во время их битвы. В наступивших сумерках тысячи существ притаились без движения, чуя присутствие огромных зверей.

Бесчисленное множество дичи пряталось в каждой заросли, скрывалось за каждым деревом, и, несмотря на это, голод редкий день не терзал пещерного льва.

Лев издавал резкий запах, и этот запах всюду сопровождал его, предшествовал ему, предупреждая все живое о его приближении вернее, чем шорох камней под могучими лапами, шелест раздвигаемой листвы и треск ломающихся ветвей.

Этот запах был густым и едким, почти осязаемым. Он разносился далеко вокруг по притихшей чаще и даже по поверхности вод, ужасный и в то же время спасительный для слабых существ. Все бежало перед ним, исчезало, пряталось... Земля становилась пустынной. На ней не было жизни, не было добычи, и царь природы оставался в величественном одиночестве.

А между тем с приближением ночи огромного зверя начинал мучить голод. Осеннее наводнение изгнало его из привычных мест охоты, и, переплыв через несколько рек, он забрел в неизвестную область. Теперь, после победы над тигром, эта область безраздельно принадлежала ему. И лев глубоко втягивал ноздрями вечерний воздух, стараясь учуять прячущуюся в сумерках добычу. Но ветерок приносил лишь ослабленные расстоянием запахи.

Насторожив слух, пещерный лев слышал чуть уловимый шорох мелких зверьков, убегающих в траве, возню воробьев в гнездах. На верхушке черного тополя он увидел двух цапель. Но лев знал, что этих бдительных пернатых не застанешь врасплох. К тому же, с тех пор как он достиг зрелости, хищник лазил только на невысокие деревья с прочными и толстыми ветками.

От издыхающего тигра исходил острый запах крови,

раздражавший обоняние голодного льва. Он подошел к тигру. Но вблизи этот запах показался ему отвратительным, как отрава.

Внезапно разъярившись, пещерный лев бросился на тигра и одним ударом лапы переломил ему спинной хребет. Затем, бросив труп, стал бродить по саванне.

Огромные глыбы базальта привлекли его внимание. Они находились на подветренной стороне, и запах людей сначала не доходил до хищника. Но, приблизившись, он учуял их присутствие...

* * *

Уламры с трепетом следили за страшным зверем. Они были свидетелями всех событий в саванне после бегства оленя. В полусвете сумерек они видели, как пещерный лев кружит возле их убежища. Зеленые огоньки сверкали в его глазах. Тяжелое дыхание выдавало нетерпение и острый голод.

Обнаружив входное отверстие, лев попробовал просунуть в пещеру голову и плечи. Уламры с тревогой глядели на камни — выдержат ли они натиск гиганта? При всяком движении пещерного льва Нам и Гав крепче прижимались к каменной стене, испуская вздох ужаса. Но Нао не чувствовал страха. Ненависть кипела в нем — ненависть живого существа, которому угрожает гибель, бунт пробудившегося сознания против господства слепой и темной силы.

Эта ненависть перешла в ярость, когда зверь стал рыть землю у входа. Нао знал, что львы умеют копать ямы и разрушать препятствия, и его встревожила эта попытка расширить вход в пещеру. Он ударил льва палицей по ноздрям. Зверь зарычал и отскочил в сторону. Его глаза, великолепно видящие во мраке, ясно различали в глубине пещеры силуэты трех людей. Добыча была совсем близко, и это лишь обостряло его голод.

Лев снова принялся кружить вокруг пещеры, подолгу останавливаясь возле отверстия, и в конце концов опять начал расширять подкоп. Однако новый удар заставил его вторично отпрянуть. Лев понял, что проникнуть в пещеру невозможно, но все же не хотел отказаться от такой близкой и как будто доступной добычи. Еще раз вдохнув

запах пищи, он сделал вид, что отказался от охоты на людей, и побрел в лес.

Уламры ликовали. Убежище показалось им еще надежней, чем с первого взгляда. Они наслаждались ощущением безопасности, покоя, сытости — всем тем, что делало счастливым первобытного человека.

Не умея выразить словами это ощущение счастья, они обращали друг к другу улыбающиеся лица и весело смеялись. Правда, в глубине души все трое подозревали, что пещерный лев еще возвратится. Но представление первобытного человека о времени было настолько смутным, что это сознание не могло омрачить радость молодых воинов; промежуток времени, отделяющий вечернюю зарю от утренней, казался им нескончаемым.

* * *

По обыкновению, первым на стражу встал Нао. Ему не хотелось спать. В мозгу сына Леопарда, возбужденном событиями дня, роились образы, нестройные, смутные мысли о жизни и смерти.

Уламры накопили уже довольно много сведений об окружающем их мире. Они знали о движении солнца и луны; о том, что свет сменяется тьмой, а тьма — светом; что холодное время чередуется с жарким; они знали о вечном движении воды в реках и ручьях, о причудах дождя и жестокости молнии; о рождении, старости и смерти человека. Они безошибочно различали по внешнему виду, повадкам и силе бесчисленное множество животных; они наблюдали рост и увядание деревьев и трав; умели закалять на огне острие копья, делать топоры, палицы, скребки, дротики, умели и пользоваться этим оружием. Наконец, они знали Огонь, страшный, желанный и могучий Огонь, дарящий людям силу и бодрость, но способный пожрать саванну и лес со всеми находящимися там мамонтами, носорогами, львами, тиграми, медведями, зубрами и бизонами.

Жизнь Огня всегда занимала Нао. Огню, как всякому живому существу, нужна была пища: он пожирал ветви, сухую траву, жир; он рос, он рождал другие Огни; наконец, он умирал. Огонь мог вырастать до беспредельности, но его можно было поделить на мельчайшие ча-

стицы, и каждая из них продолжала жить и, в свою очередь, расти. Огонь хирел, когда его лишали пищи,— он становился меньше мухи; но стоило поднести к нему сухую травинку, как он возрождался и снова был способен охватить огромный лес. Это был зверь и вместе с тем не зверь. У него не было ног, но он соперничал в скорости с антилопой. У него не было крыльев, но он летал в облаках; не было у него и пасти, но он дышал, ворчал, рычал; не было у него ни лап, ни когтей, но он мог преодолевать любые расстояния.

Нао любил Огонь и в то же время ненавидел его, боялся его. В детстве он не раз испытывал его укусы. Нао знал, что Огонь нельзя приручить; Огонь всегда готов пожрать тех, кто его кормит; он свирепей тигра и коварней гиены. Но жизнь с ним сладостна — он отгоняет жестокий холод ночи, придает пище новый вкус, дарует отдых усталым и силу слабым.

В темноте пещеры Нао вспоминал яркое пламя костра в родном становище и красные отблески его на лице Гаммлы... Восходящая луна напоминала ему костер.

Из какого места земли выходит по ночам луна и почему она, подобно солнцу, никогда не гаснет? В иные

вечера она кажется тоньше травинки, которую лижет робкий язык пламени. Но в последующие дни она растет и увеличивается. Невидимые небесные люди заботятся о ней и кормят ее, когда она начинает худеть.

Сегодня вечером луна в полной силе. Вначале, появившись над верхушками деревьев, она была огромной и тусклой. Поднимаясь по склону неба, она становилась меньше, но свет ее от этого почему-то сиял ярче. Наверное, небесные люди дали ей сегодня много сухих сучьев...

Пока сын Леопарда предается этим размышлениям, ночные животные выходят на охоту. Пугливые тени скользят в траве. Нао различает в темноте землероек, тушканчиков, агути, легких куниц, ласок, похожих на змей. Затем в полосе лунного света появляется сохатый. Нао смотрит ему вслед: у него шкура цвета дубовой коры, тонкие сухие ноги и закинутые на спину ветвистые рога. Сохатый исчез. Теперь пробегают волки. У них круглые головы, острые морды и крепкие мускулистые ноги. Брюхо у них светлое, бока и спина рыжеватые, а по хребту тянется полоска почти черной шерсти; в поступи их есть что-то коварное, предательское, неверное; глаза косят по сторонам.

Волки учуяли сохатого, но и тот, в свою очередь, втянув ноздрями влажный ветерок, различил подозрительный запах и ускорил свой бег. Сохатый намного опередил волков. Запах его с каждой минутой становится слабее. Волки понимают, что сохатого им не догнать. И все же они бегут по его следу до самой опушки леса. Здесь даже самые упорные останавливаются. Преследовать его дальше бесполезно.

Разочарованные волки медленно возвращаются назад. Некоторые из них воют, другие сердито рычат. Затем тонкие, подвижные ноздри хищников снова начинают втягивать воздух. Поблизости нет ничего достойного внимания, если не считать трупа тигра и трех людей, укрывшихся под камнями. Но люди — слишком опасные противники, а мясо тигра волки, несмотря на свою прожорливость, терпеть не могут.

Тем не менее, обойдя стороной убежище Уламров, они подходят к тигру.

* * *

Сначала волки осторожно кружат вокруг трупа, опасаясь какой-либо ловушки. Но вскоре, осмелев, подходят вплотную и обнюхивают огромную пасть, из которой так недавно еще вырывалось грозное дыхание. Исследуя неподвижную тушу, они слизывают запекшуюся кровь. Но ни один из них не решается вонзить зубы в эту терпкую плоть, которую безнаказанно может переварить только железный желудок коршуна или гиены.

Неожиданно поблизости раздается взрыв жалобных воплей, рычание, пронзительный хохот. Волки настораживаются. Шесть гиен выбегают в полосу лунного света. У гиен широкая грудь, удлиненное туловище, слабые задние лапы, гривастые остроухие головы с треугольными глазами и сильными челюстями, способными сокрушить кости льву. От них идет резкий, отвратительный запах.

Эти рослые хищники могли бы помериться силой даже с тигром. Но гиены не любят открытой борьбы и принимают бой только тогда, когда на них кто-либо нападает. Впрочем, такие случаи — большая редкость. Никого из хищников не соблазняет зловонное мясо гиен, а соперничества других пожирателей падали гиены не боятся, потому что другие хищники намного слабее их.

Хотя гиены прекрасно знали, что они сильнее волков, они долго не решались оспаривать у них добычу. Они кружили вокруг падали, то удаляясь, то приближаясь, и временами оглашали воздух пронзительным воем. Но в конце концов, набравшись смелости, разом кинулись на приступ.

Волки не пытались даже отстаивать свое право. Уверенные в быстроте своих ног, они остались вблизи тигра. Но теперь хищники уже жалели об упущенной добыче. Они злобно рычали на гиен и делали вид, что хотят броситься на них; казалось, они были довольны тем, что могут хоть досадить своим соперникам.

Но гиены не обращали на них внимания и с угрюмым ворчанием рвали на части тушу тигра. Если бы не голод, они предпочли бы свежему трупу тухлятину. Но выбора не было, да и присутствие волков заставляло их спешить.

С радостным урчанием они насыщались мертвечиной,

вознаграждая себя за долгие дни скитаний с пустым желудком, за вечное голодное беспокойство.

Волки, напрасно рыскавшие по саванне с самых сумерек, завидовали сытости гиен.

Озлобленные неудачей, несколько волков стали обнюхивать убежище Уламров, а один осмелел настолько, что попробовал просунуть голову в отверстие. Нао пренебрежительно ткнул его копьем. Раненый зверь ускакал на трех лапах, оглашая воздух жалобным воем, и все волки завыли вдруг угрожающе и свирепо. Рыжеватые тела хищников качались в неверном свете луны, в глазах светилась жажда жизни и страх перед ней; белые клыки сверкали, тонкие мускулистые лапы злобно скребли землю... Голод становился нестерпимым. Но, зная, что под каменными глыбами прячутся сильные и хитрые противники, волки перестали рыскать вокруг убежища Уламров.

Сбившись в кучу, звери как будто держали совет. Один волк, казалось, призывал их к порядку, требовал внимания. Остальные почтительно обнюхивали и, видимо, слушали этого старого волка с облезлой шкурой и пожелтевшими клыками.

Нао не сомневался в том, что у волков есть свой язык, что они сговариваются между собой, как устроить засаду, окружить дичь, как сменяться во время погони и разделить добычу. Сын Леопарда с любопытством следил за ними и старался разгадать их замыслы.

Часть волков переправилась вплавь через реку. Остальные разбрелись по чаще. Теперь слышна была только возня гиен над трупом тигра.

Высоко поднявшаяся луна затмевала своим сиянием блеск звезд. Самых маленьких звезд не было видно совсем; яркие слабо мерцали в волнах лунного света. Какое-то напряженное оцепенение охватило лес и саванну. Только изредка в прозрачной синеве воздуха, бесшумно махая крыльями, проносилась сова да метались ночные бабочки, спасаясь от преследования летучих мышей.

И вдруг тишина нарушилась — перекликающийся вой донесся из чащи леса.

Нао понял, что волки окружили добычу. Вскоре его догадка подтвердилась. На опушку леса стремительно

выбежал какой-то зверь. Он походил на дикую лошадь, только грудь у него была более узкой. Джигетай спасался от трех волков, гнавшихся за ним по пятам.

Преследователи бежали не так быстро, как джигетай, но не оставляли погони и даже как будто берегли силы; все время они перекликались с другими волками, сидевшими в засаде.

Вскоре и эти последние появились в саванне. Джигетай был окружен. Еле держась на подгибающихся от страха ногах, он остановился и огляделся вокруг. С юга, с востока, с запада его обступили враги. Только на севере, казалось, была лазейка — здесь путь преграждал лишь один старый волк с посеревшей шкурой. Загнанный зверь бросился на север. Старый волк спокойно поджидал его, но, когда джигетай был уже совсем близко, вдруг протяжно завыл. И тотчас же рядом с ним на кургане появились еще три волка.

Несчастный джигетай остановился и жалобно заржал. Он почувствовал, что смерть обступила его со всех сторон... Ему не вырваться больше на простор, где быстрые ноги еще раз спасли бы ему жизнь... Теперь уже не помогут ни хитрость, ни сила, ни быстрота... Он взглянул на своих преследователей, словно моля о пощаде этих хищников, которые не едят ни травы, ни листьев, а жаждут лишь плоти живых существ...

Но волки только тесней сомкнули кольцо; тридцать пар глаз неотступно следили за каждым движением джигетая, и в каждом взгляде он читал свой смертный приговор.

Волки хотели запугать свою жертву, опасаясь ударов ее сильных копыт. Хищники, стоявшие впереди джигетая, делали вид, что готовы наброситься на него, чтобы он не заметил других волков, подкрадывавшихся с боков. Ближайшие уже подобрались на расстояние нескольких локтей.

С мужеством отчаяния затравленный джигетай еще раз попробовал искать спасения в бегстве. Он стремительно прыгнул на своих преследователей, пытаясь прорвать их строй. Один волк покатился по земле, другой пошатнулся — перед джигетаем открылся путь к свободе, к спасению... Но в эту же секунду на боку у беглеца повис волк, потом второй... И десятки пастей уже терзали его.

Джигетай отчаянно рванулся, лягнув противников своими крепкими копытами,— еще один хищник упал на землю со сломанной челюстью, но остальные, дружно набросившись, прокусили своей жертве горло, впились в шею, растерзали бока, и джигетай повалился на землю под тяжестью волков, пожиравших его живьем.

Еще некоторое время Нао слышал жалобные стоны несчастного животного. С радостным ворчанием волки грызли теплое, еще трепещущее мясо, пили горячую кровь, ощущая, как жизнь непрерывным потоком вливается в их ненасытные желудки.

Изредка старые волки беспокойно оглядывались на гиен. Гиены, разумеется, предпочли бы нежное и сладкое мясо джигетая жилистым останкам тигра, но они не осмеливались оспаривать добычу у волков, зная, что даже самые трусливые звери становятся храбрыми, когда защищают с таким трудом доставшуюся им добычу.

Луна прошла уже полдороги к зениту. Спокойные воды реки струились в отдалении. Гав стал на стражу, и Нао заснул.

Неожиданно в саванне снова поднялось смятение: в чаще раздалось рычание, захрустел кустарник. Гиены и волки подняли окровавленные морды и насторожились. Гав, просунув голову в отверстие, также напряг свой слух, зрение, обоняние...

Послышался короткий крик и грозное, отрывистое рычание. Затем кустарник раздался в стороны, и на поляну вышел пещерный лев. Он нес в пасти только что задранную лань. Рядом с пещерным львом, извиваясь на ходу, как гигантское пресмыкающееся, бежала тигрица. Оба зверя приближались к убежищу Уламров.

Охваченный тревогой, Гав поспешил разбудить Нао. Уламры долго следили за хищниками. Лев пожирал свою добычу уверенно и неторопливо, тигрица — жадно, но нерешительно, все время оглядываясь на страшного зверя, убившего ее самца.

Тяжелое предчувствие стеснило грудь Нао и сделало его дыхание коротким и прерывистым...

Глава пятая

ПОД БАЗАЛЬТОВЫМИ ГЛЫБАМИ

Утро застало пещерного льва и тигрицу на том же месте; они дремали рядом с останками убитой лани. Трое людей, скрывавшихся под каменными глыбами, не могли оторвать взгляд от своих страшных соседей.

Радостный свет утра разливался по саванне, по поверхности реки. Цапля вела своих птенцов на рыбную ловлю. Зимородок камнем упал в воду, и перламутровые круги всколыхнули зеркало реки. Проснувшиеся птицы, весело щебеча, порхали по ветвям; сойки красовались на солнце в своем великолепном голубом, серебристом и красноватом наряде; а насмешницы сороки трещали без умолку на развилках деревьев, покачивая длинными черно-белыми хвостами.

Во́роны, каркая, кружили над останками джигетая и тигра. Не найдя на них ни одного клочка мяса, ни одного нетронутого сухожилия, они разочарованно возвращались к туше лани. Но здесь дорогу им преграждали два больших пепельно-серых коршуна; не осмеливаясь покуситься на добычу льва, они то описывали в воздухе широкие круги, то садились на почтительном расстоянии от спящего царя зверей, чистили клювы, потом замирали, словно в глубоком раздумье, и, вздрогнув, снова взвивались в воздух, чтобы продолжать свое бесконечное кружение.

В саванне не было видно ни одного млекопитающего — запах опасных хищников удерживал их в надежных убежищах или в темной чаще леса. Только проворная рыжая белка на секунду высунула нос из листвы, но, завидев льва и тигрицу, тотчас же снова скрылась в густой зелени.

Нао подумал, что пещерный лев не снимает осады потому, что помнит о полученных ударах палицей. И он пожалел, что неосмотрительно раздразнил могучего хищника.

Уламр был убежден, что тигрица и лев сговорились между собой и будут по очереди сторожить убежище людей. Он вспомнил рассказы старых охотников о том, что хищники мстительны и злопамятны. Временами, в порыве

бессильной злобы, молодой воин вскакивал на ноги и хватался за палицу или топор. Но благоразумие тотчас же брало верх: Нао вспоминал, что человек неизмеримо слабее крупных хищников, и хитрость, с помощью которой ему удалось убить медведя в полутьме пещеры, нельзя было использовать в битве с пещерным львом и тигрицей. Вместе с тем он был уверен, что борьбы не избежать. Уламрам оставалось либо умереть от голода и жажды под базальтовыми глыбами, либо воспользоваться моментом, когда тигрица будет стеречь их убежище одна. Мог ли сын Леопарда положиться на помощь Нама и Гава в этой страшной битве?

Нао вздрогнул, словно от холода, но, увидев, что взоры молодых воинов устремлены на него, почувствовал необходимость ободрить их.

— Нам и Гав спаслись от клыков серого медведя,— сказал он.— Они спасутся и от когтей пещерного льва!

Молодые Уламры повернули головы и бросили взгляд на ужасную пару спящих хищников.

Нао ответил на их невысказанную мысль:

— Пещерный лев и тигрица не всегда будут вместе. Голод заставит их разлучиться. Когда лев уйдет на охоту в лес, мы нападем на тигрицу. Но Нам и Гав должны во всем слушаться меня.

Уверенная речь Нао вселила надежду в сердца обоих юношей. Рядом с могучим сыном Леопарда даже смерть не казалась им страшной.

Сын Тополя, более живой по натуре, воскликнул взволнованно:

— Нам будет повиноваться Нао до последнего дыхания!

Товарищ его в свою очередь воздел обе руки кверху и проговорил:

— Гав не боится ничего, когда Нао с ним!

Не находя слов для выражения теснившихся в их груди чувств, молодые воины издали воинственный клич, потрясая топорами. Нао смотрел на них с суровой нежностью.

При этом шуме лев и тигрица проснулись и вскочили на ноги.

Уламры с вызывающим видом закричали еще громче. Хищники ответили сердитым рычанием... Затем все успокоилось, и снова наступила тишина.

Поднявшееся над горизонтом солнце заливало своими щедрыми лучами лес и саванну. Мелкие зверьки, беспокойно оглядываясь на спящих хищников, сновали от леса к реке и обратно. Коршуны, осмелев, изредка урывали по куску мяса лани. Венчики бесчисленных степных цветов тянулись к солнцу. Жизнь ключом била в степи и в лесу.

Люди терпеливо ждали ухода льва. Время от времени Нам и Гав ненадолго засыпали. Нао напряженно размышлял о побеге, однако планы, возникавшие в его голове, были неясны и туманны.

У молодых воинов оставался еще небольшой запас мяса, но жажда уже начинала томить их.

Когда день стал меркнуть, пещерный лев проснулся. Метнув горящий взгляд на базальтовые глыбы, он удостоверился, что люди все еще находятся под ними.

Запах человека разбудил в хищнике злобу, напомнив о событиях вчерашнего дня. Лев зарычал и, вскочив на ноги, обошел кругом убежище Уламров. Памятуя, однако, что пещера неприступна и что спрятавшиеся в ней люди больно кусаются, пещерный лев вернулся к туше лани. Тигрица уже принялась за еду. Вдвоем они быстро уничтожили остатки мяса.

Насытившись, лев повернулся к тигрице; во взгляде свирепого зверя светился призыв. Тигрица ответила ласковым мяуканьем. Длинное туловище ее извивалось в траве. Потеревшись мордой о спину тигрицы, пещерный лев облизал ее своим гибким шершавым языком. Тигрица принимала ласки с полузакрытыми глазами, в которых вспыхивали зеленые огоньки. Вдруг она отскочила назад и приняла почти угрожающую позу. Лев зарычал глухо и призывно, но тигрица не слушалась; она распластывалась на земле, как огромный уж, ползла на брюхе по высокой траве, потом прыгала вверх. В ярких лучах заходящего солнца шерсть ее отливала оранжевым цветом, и казалось, что в воздухе пляшет гигантский язык пламени.

Лев сначала неподвижно стоял и смотрел на ее игры: потом молча, без звука, бросился к ней. Тигрица отскочила и, часто оборачиваясь, скользнула в ясеневую рощу. Лев последовал за ней.

Видя, что хищники скрылись, Нам сказал:

— Они ушли... Надо переправиться через реку.

— Разве Нам потерял чутье и слух? — возразил Нао.— Или он умеет бегать быстрее пещерного льва?

Нам опустил голову. Из рощи доносилось хриплое дыхание льва, подтверждавшее справедливость слов Нао. Молодой воин понял, что опасность продолжала оставаться такой же грозной, как и в то время, когда хищники спали возле самого убежища.

И тем не менее в сердцах Уламров зародилась надежда: брачный союз льва и тигрицы должен был заставить их искать логовище, ибо крупные хищники редко ночуют под открытым небом, особенно в период осенних дождей.

Но вот огненный шар солнца скрылся за лесом, и сердца трех людей стеснила тоска. Эту тоску испытывают и все травоядные с наступлением сумерек. Тяжелое чувство еще усилилось, когда из лесу снова вышли пещерный лев и тигрица. Поступь льва была размеренной и важной. Тигрица, наоборот, шаловливо резвилась вокруг него.

Сумерки окутали землю, и над саванной поднялся многоголосый рев голодных зверей. Хищники кружили вокруг убежища Уламров, зеленые огоньки сверкали в их глазах. Наконец пещерный лев прилег на траву вблизи каменных глыб, а его подруга побежала к прибрежным камышам на поиски добычи.

Несколько крупных звезд загорелось на темном небе. Вслед за ними повсюду высыпали крохотные светящиеся точки, и в бархатной синеве отчетливо вырисовались заливы, острова и реки Млечного Пути.

Гава и Нама звезды интересовали мало. Но Нао смутно ощущал величие и красоту ночного неба. Ему казалось, что большинство звезд — это огненная пыль, вспыхивающая и тут же угасающая, как искры от костра. Однако он заметил, что есть звезды, которые каждую ночь сияют на одних и тех же местах.

Вынужденное бездействие, в котором его деятельная натура находилась со вчерашнего дня, заставляло Нао пристальнее вглядываться в темный небосвод с его бесчисленными огнями. И странное волнение овладевало молодым Уламром, когда он думал, как далеки эти небесные огни от Земли, где он находился.

Луна всплыла над чащей деревьев, осветив пещерного льва, дремлющего в высокой траве, и тигрицу, рыскающую между лесом и рекой в поисках добычи.

Нао беспокойно следил за ней глазами.

Наконец тигрица надолго скрылась в непроходимой чаще, и Нао с тоской подумал, что, если бы силы Нама и Гава были равны его силе, они втроем попытались бы вызвать теперь на бой царя зверей.

Сына Леопарда мучила жажда. Нам страдал от нее еще сильнее. Хотя его очередь стоять на страже еще не наступила, сын Тополя никак не мог заснуть. Глаза молодого Уламра горели лихорадочным блеском...

Нао почувствовал приступ грусти. Никогда еще расстояние, отделяющее его от родного становища, не казалось ему таким огромным, никогда еще он не чувствовал так глубоко своего одиночества...

* * *

Незаметно грезы Нао перешли в сон, тот чуткий сон, который прерывается при малейшем шорохе. Однако кругом все было спокойно, и он проснулся лишь через несколько часов, когда возвратилась тигрица. Она не принесла никакой добычи и казалась утомленной бесплодными поисками.

Пещерный лев поднялся и долго обнюхивал ее, потом, в свою очередь, ушел на охоту. Он также сперва пробежал вдоль берега реки, осмотрел заросли камышей и кустарников и только после этого скрылся в лесу. Нао зорко следил за хищником. Несколько раз он порывался разбудить своих спутников, но инстинкт подсказывал ему, что пещерный лев все еще находится поблизости. Наконец он разбудил Нама и Гава и, когда они поднялись на ноги, прошептал:

— Готовы ли Нам и Гав к борьбе?

Юноши ответили:

— Сын Сайги пойдет за Нао!

— Нам готов сражаться!

Уламры не спускали глаз с тигрицы. Она лежала в траве, спиной к базальтовым глыбам, но не спала и чутко стерегла осажденных. Нао осторожно расчистил выход из убежища. Один, в лучшем случае два человека

могли выбраться наружу, прежде чем тигрица заметит их. Проверив оружие, Нао просунул в отверстие палицу и копье и с величайшей осторожностью пополз первым. Случай благоприятствовал ему: вой волков и крик выпи заглушили легкий шорох ползущего по камням.

Нао встал на ноги. Гав высунул голову вслед за ним, но молодой воин, поднимаясь с земли, сделал неосторожное движение, и тигрица тотчас же повернула голову на шум. Удивленная, она не сразу напала на них, так что и Нам успел присоединиться к своим спутникам. Только тогда, издав призывный рев, тигрица вскочила на ноги и не спеша двинулась к ним, уверенная, что людям не удастся ускользнуть.

Охотники между тем подняли копья. Нам первым должен был бросить свое, а за ним — Гав. Оба целились в лапы. Сын Тополя выждал удобный момент, и его копье, просвистев в воздухе, вонзилось в предплечье хищницы.

Тигрица как будто даже не почувствовала боли — то ли расстояние ослабило силу удара, то ли прицел был неверным и острие только скользнуло по шкуре. Она зарычала и поползла быстрей.

Гав в свою очередь бросил копье, но тигрица отскочила в сторону, и копье пролетело мимо, не задев ее. Настала очередь Нао. Он подождал, пока тигрица приблизилась на двадцать локтей, и только тогда с силой метнул копье. Оно впилось в затылок зверя, но не остановило его.

Сделав огромный скачок, тигрица, как вихрь, налетела на людей. Гав покатился по земле, опрокинутый ударом когтистой лапы. Но тяжелая палица Нао описала в воздухе круг и с размаху перебила лапу хищнице. Тигрица завыла от боли и поджала сломанную лапу. Нам кинул в нее дротик. Молниеносно обернувшись к нему, тигрица сильным ударом свалила юношу на землю и, встав на задние лапы, хотела подмять под себя Нао. Чудовищная пасть обдала лицо воина жарким и зловонным дыханием, острые когти рванули его плечо... Палица еще раз поднялась и опустилась со страшной силой, и зверь снова завыл от нестерпимой боли: Нао перебил ему вторую лапу.

Потеряв равновесие, тигрица зашаталась, но палица

Нао не знала ни секунды отдыха и беспощадно долбила зверя по спине, по голове, по лапам до тех пор, пока он не свалился в траву.

Нао легко мог добить тигрицу, если бы его не тревожили раны его спутников. Гав успел подняться на ноги; грудь его была обагрена кровью, хлеставшей из трех рваных ран, нанесенных чудовищными когтями. Нам лежал неподвижно. Хотя раны его казались легкими, у него так болели от ушиба грудь и поясница, что он не мог подняться с места. Юноша едва нашел в себе силы чуть слышным голосом отвечать на вопросы Нао.

— Может ли Гав дойти до реки? — спросил сын Леопарда.

— Гав дойдет до реки,— прошептал молодой воин.

Нао опустился на траву и прижал ухо к земле. Затем, поднявшись, долго нюхал воздух. Ничто не выдавало близости пещерного льва... Нао поднял Нама на руки и понес его к реке.

Достигнув берега, он помог Гаву напиться, утолил свою жажду и напоил Нама, пригоршнями вливая ему воду в рот. Затем он направился обратно к убежищу, прижимая к груди Нама и поддерживая шатающегося Гава.

Уламры не умели лечить раны. Они только прикрывали пораженные места листьями ароматических растений, руководствуясь в выборе этих растений скорее животным, чем человеческим инстинктом.

Нао снова вышел из убежища за листьями ивы и мяты и, растерев их руками, приложил к груди Гава. Кровь чуть сочилась теперь из ран, и ничто не давало повода предполагать, что они опасны для жизни юноши.

Нам очнулся от забытья, однако все еще не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Желая ободрить юношей, Нао сказал:

— Сын Тополя и сын Сайги сражались мужественно. Уламры узнают, что Нам и Гав — храбрецы!

Щеки молодых воинов зарделись от похвалы вождя.

— Нао победил тигрицу! — пролепетал прерывающимся голосом Гав.— Он сразил ее, как сразил раньше серого медведя!

— Нет воина сильнее Нао! — восторженно подтвердил Нам.

Сын Леопарда ласково посмотрел на своих молодых

спутников и сказал с уверенностью, пробудившей в сердцах обоих раненых надежду на будущее:

— Мы вернем племени Огонь!

И, поднявшись с места, добавил:

— Пещерный лев еще далеко... Нао пойдет на охоту.

Проходя мимо тигрицы, Нао остановился. Она была жива, и глаза ее ярко блестели. Раны на боках и спине были легкими, но перебитые лапы должны были срастись не скоро.

Тигрица пристально следила за каждым движением Уламра. Он остановился возле побежденной хищницы и, будучи убежден, что ей свойственны те же чувства, что и человеку, крикнул:

— Нао перебил тигрице обе лапы! Теперь она слабей волчицы!

Тигрица ответила ему глухим ворчаньем, исполненным страха и злобы, и попыталась приподняться.

Тогда Нао, погрозив ей палицей, сказал:

— Нао может убить тигрицу, если захочет. Но тигрица не в силах причинить вреда Нао!

Послышался какой-то неясный шум. Нао пригнулся и пополз в высокой траве. Показалось стадо ланей, преследуемое еще не видимыми собаками; их лай доносился издалека. Почуяв запах тигрицы, лани метнулись к реке, но дротик Нао просвистел в воздухе, и одна лань, раненная в бок, свалилась в воду.

Нао быстро подплыл к ней и, вытащив на берег, прикончил ударом палицы. Затем, взвалив добычу на плечо, бегом возвратился в убежище — он чуял приближение опасности... Действительно, не успел он проскользнуть между валунами, как на опушке леса показался пещерный лев.

Глава шестая

БЕГСТВО

Шесть дней прошло после битвы Уламров с тигрицей. Раны Гава зарубцевались, но сила молодого воина еще не вернулась к нему: он потерял слишком много крови. Нам почти оправился, но двигался с большим трудом.

Нао не находил себе места от нетерпения и тревоги.

Пещерному льву приходилось теперь с каждым разом уходить все дальше и дальше от убежища Уламров в поисках дичи; все окрестные животные уже знали о его присутствии. Прокормление беспомощной тигрицы было нелегкой задачей, и часто оба хищника голодали.

Тигрица тоже выздоравливала; она ползала уже по саванне, с трудом волоча перебитые лапы. Хищница не внушала теперь никакого страха Уламрам. Нао нарочно не убивал ее, потому что забота о ее пропитании утомляла пещерного льва и заставляла его дольше рыскать по саванне, вдали от убежища Уламров.

Человек и побежденный им зверь начинали привыкать друг к другу. Вначале при воспоминании о своем поражении тигрица рычала от злобы и страха. Слыша человеческий голос, столь не похожий на голоса других животных, которые умеют только рычать, визжать и выть, она поднимала голову и угрожающе раскрывала пасть, усаженную страшными клыками.

Нао взмахивал перед ней топором или палицей и насмешливо спрашивал:

— Чего стоят теперь когти тигрицы? Нао может раздробить ей череп палицей или проткнуть брюхо копьем. Тигрица так же слаба́ перед Нао, как лань или сайга.

Постепенно хищница привыкла к звукам человеческой речи, к виду оружия. И, хотя она помнила еще страшные удары, нанесенные этим странным существом, ходящим на задних лапах, она уже перестала бояться его.

В природе живых существ заложена способность верить в неизменность часто повторяющихся явлений. Нао так часто вращал палицей над головой тигрицы, не нанося удара, что в конце концов она привыкла к виду палицы и не думала об увечьях, которые та может нанести.

С другой стороны, тигрица оценила мощь человека и, уважая в нем опасного врага, перестала смотреть на него как на добычу. Она просто привыкла к его присутствию. Да и сам Нао с течением времени стал находить удовольствие в созерцании раненой тигрицы — это зрелище постоянно напоминало ему об одержанной победе.

Однажды, во время отсутствия пещерного льва, Гав

поплелся вслед за Нао к реке. Утолив жажду, они отнесли Наму воду в пустой ореховой скорлупе.

Тигрица, также страдавшая от жажды, ползком добралась до берега. Но она не могла дотянуться до воды, потому что берег в этом месте круто обрывался в реку.

Нао и Гав расхохотались.

Сын Леопарда воскликнул:

— Даже гиена теперь сильнее тигрицы! Волк и тот может победить ее!

И, наполнив водой скорлупу, он со смехом подставил ее тигрице. Та тихо взвизгнула и быстро вылакала воду.

Это зрелище так понравилось Уламрам, что Нао принес хищнице еще одну скорлупу.

Глядя, как она жадно лакает воду, сын Леопарда насмешливо сказал:

— Тигрица разучилась пить воду из реки!

Ему нравилась власть, приобретенная над страшным хищником.

* * *

Только на восьмой день Нам и Гав оправились настолько, что могли с прежней быстротой преодолевать пространство, и сын Леопарда назначил побег на ближайшую ночь.

Красноватый сумеречный свет долго мерцал в низко нависших над землей тяжелых тучах. Воздух был сырой и влажный. Густой туман окутывал деревья и камыши. Желтые листья падали на землю с легким шумом. Из чащи леса доносился тоскливый вой голодных зверей.

Все послеобеденное время пещерный лев проявлял признаки беспокойства. Он вздрагивал во сне, часто просыпался — его преследовало видение удобного логовища, подобного тому, в котором он жил до наводнения. Нао, пристально следивший за хищником, подумал, что этой ночью, отправляясь на охоту, лев будет искать себе логовище и, следовательно, долго пробудет в отсутствии. Воспользовавшись этим, Уламры смогут спокойно переправиться на другой берег реки; мелкий моросящий дождик будет способствовать их бегству, смывая запах следов и скрывая их.

Вскоре после наступления сумерек хищник принялся рыскать по саванне. Сначала он обследовал ближайшие окрестности, но, убедившись, что здесь нет никакой дичи, углубился в лес.

Нао был в затруднении: запахи влажных растений поглощали запах хищника, а шум дождя заглушал звук его шагов, и сын Леопарда не мог определить, далеко ли ушел пещерный лев.

После долгих колебаний Нао наконец решился и подал сигнал к выступлению в поход.

Прежде всего нужно было переправиться на другой берег. Нао заранее подыскал брод, доходящий почти до середины реки. Оттуда нужно было проплыть несколько десятков локтей по направлению к невысокой скале, где снова начиналось мелкое место.

Прежде чем войти в реку, Уламры спутали свои следы: они кружили по берегу, часто сворачивая в стороны, шли назад по своему же следу, подолгу топтались на одном месте. Они побоялись подойти прямо к броду и решили добраться до него вплавь.

На другом берегу они так же тщательно и долго путали свои следы, чтобы сбить с толку преследователя. Затем, нарвав травы, устлали ею землю и прошли несколько сот локтей, перекладывая по мере продвижения задние охапки вперед.

Эта хитрость была одним из доказательств превосходства человека над всеми остальными животными. Ни волк, ни олень не были способны придумать подобную уловку.

Приняв все эти меры предосторожности, Уламры сочли себя наконец в безопасности и скорым шагом пошли по прямой. Некоторое время над саванной царила полная тишина. Но вскоре Нам и Гав замедлили шаг, прислушиваясь. Нао последовал их примеру. До слуха их трижды донеслось мощное рыкание, сопровождаемое жалобным мяуканьем тигрицы.

Нам сказал:

— Пещерный лев вернулся!

— Идем скорее! — прошептал Нао.

Они прошли еще сотню шагов в безмолвии. И вдруг снова послышалось громовое рыкание, на этот раз гораздо более отчетливое.

— Пещерный лев на берегу реки!

Уламры бесшумно побежали. Рев следовал за ними по пятам, отрывистый, злобный, полный ярости и нетерпения. Люди поняли, что хищник запутался в их следах. Сердца их колотились с неистовой силой, кровь стучала в висках, словно клюв дятла, долбящего кору сухого дуба. Они чувствовали себя слабыми и беспомощными под давящим покровом темноты. Однако эта темнота была их единственным спасением: она скрывала их от глаз ночных врагов. Пещерный лев мог идти за ними только по следам, и, если он даже переплывет реку, их хитрость собьет его с толку и он не будет знать, в какую сторону они ушли.

Страшный рев снова потряс воздух.

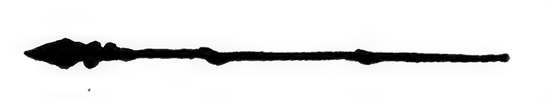
— Большой лев переплыл реку,— шепнул Гав.
— Идите вперед! — повелительно ответил Нао.
Он остановился и, опустившись на колени, припал ухом к земле. Рев повторился.
— Большой лев все еще на том берегу,— облегченно вздохнув, сказал Нао, поднимаясь на ноги.
Действительно, рыкание постепенно становилось тише. Хищник, видимо, отказался от преследования и удалялся к северу.
Трудно было предположить, что на этом берегу реки водятся другие львы или тигры. Серые медведи, редко встречающиеся даже в той местности, где Нао убил одного из них, никогда не заходили так далеко на юг. А втроем Уламры не боялись ни леопарда, ни большой пантеры.
Они долго шли в молчании ночи. Хотя дождик прекратился, мрак оставался таким же густым и непроницаемым. Плотная завеса облаков скрывала звезды. Только болотные огоньки вспыхивали над водой и тотчас же угасали.
Изредка в темноте слышался храп какого-нибудь животного. Ослабленные расстоянием, откуда-то доносились лай, рычание и визг охотящихся хищников.
Уламры часто останавливались, прислушиваясь к отдаленным шумам и принюхиваясь к запахам, которые доносил до них ток ночного воздуха.
Наконец Нам и Гав начали уставать. У Нама заныла больная нога, раны Гава снова воспалились. Надо было срочно искать пристанища на ночь. Но Нао упорно продолжал идти вперед. Так они прошли еще около четырех тысяч локтей.
Воздух снова стал влажным, потянул свежий ветерок.
Уламры поняли, что где-то поблизости находится большая масса воды. Вскоре они убедились, что не ошиблись.
Кругом все казалось спокойным; тишину нарушали только редкие шорохи. Это убегали испуганные приближением людей мелкие зверьки.
Нао выбрал наконец для привала подножие огромного тополя. Это дерево, конечно, не могло служить защитой в случае нападения хищников, но в темноте нечего было и думать о поисках более надежного, не занятого никем убежища.

Мох под деревом был пропитан водой, словно губка; погода стояла сырая и холодная. Но первобытные люди, закаленные суровой жизнью, были так же мало чувствительны к переменам погоды, как и все другие обитатели саванн и лесов.

Нам и Гав растянулись у подножия тополя на мокром мху и тотчас же погрузились в глубокий сон. Нао бодрствовал, охраняя их. Сын Леопарда не чувствовал усталости — за дни сидения в осаде он как будто накопил сил для дальних походов, трудов и битв.

Он решил сторожить до утра без смены, чтобы дать хорошенько отдохнуть своим ослабевшим молодым спутникам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ПЕПЕЛ

Долгие часы провел Нао один со своими думами в непроглядной темноте ночи, не озаряемой ни одним небесным огоньком. Наконец на востоке забрезжил слабый свет. Он медленно разлился по пушистым, словно пена, облакам, окрашивая их в жемчужные тона.

Прямо перед собой Нао увидел огромное озеро, преграждавшее путь на юг. Поверхность его была подернута мелкой рябью; противоположный берег терялся в тумане и мраке.

Нао смотрел на расстилавшуюся у его ног водяную равнину и спрашивал себя, с какой стороны им лучше обойти ее: с востока, где берег озера окаймляла длинная гряда холмов, или с запада, где простиралась плоская равнина, поросшая редкими деревьями.

Над землей дул слабый ветерок, чуть морщивший воду, но высоко в небе мощный поток воздуха быстро гнал облака, разрывая их на клочья и рассеивая. Окутанная легкой дымкой испарений, показалась наконец луна в последней четверти. Узкий серп ее отразился в синеве озерных вод.

Напрягая зоркие глаза, Нао увидел в неверном свете луны, что на юг и на запад простирается беспредельная водная гладь, а на востоке равнина ограничена волнистой линией поросших лесом холмов. Следовательно, им нужно идти на восток; другого пути нет.

Кругом царила нерушимая тишина, простиравшаяся над спящими водами и, казалось, охватившая весь небосвод с его бесчисленными звездами и серебряным серпом месяца. Ветерок улегся, и только время от времени под его дыханием чуть слышно шелестела высокая трава.

Устав от неподвижности, Нао вышел из тени, отбрасываемой старым тополем, и зашагал по берегу озера. Неровная поверхность местности то скрывала от него горизонт, то расширяла его до необъятных пределов.

С вершины небольшого бугра Нао ясно разглядел извилистую линию восточного берега озера. Многочисленные следы на земле свидетельствовали, что это место часто посещается стадами травоядных и хищниками.

Вдруг Нао вздрогнул и замер на месте, широко раскрыв глаза. Сердце его забилось от тревоги и странного восторга. Воспоминания вспыхнули в мозгу молодого воина так ярко, что ему на мгновение показалось, будто он вновь видит перед собой родное становище Уламров, пылающий костер и гибкую фигуру Гаммлы, освещенную красноватым пламенем...

Прямо перед ним в густой зеленой траве чернела плешь с полуобгорелыми ветвями и кучкой золы; ветер не успел еще развеять белого пепла.

Нао живо представил себе вечерний привал, яркое пламя костра, запах жареного мяса, красные языки Огня... Но тут же радужные видения рассеяла тревожная мысль о том, что у этого костра недавно грелись враги...

Взволнованный, Нао опустился на колени и стал внимательно изучать следы вокруг костра. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы распознать, что здесь побывало трижды столько людей, сколько у него было пальцев на обеих руках, и среди них не было ни стариков, ни женщин, ни детей. Вероятно, здесь останавливался один из тех охотничьих отрядов, какие племя посылает в дальние разведки. Множество обглоданных костей, разбросанных вокруг костра, подтверждало указания следов на траве.

Необходимо было узнать, откуда пришел отряд охотников и в каком направлении он удалился. Нао подозревал, что эти охотники принадлежали к племени Пожирателей Людей — Кзамов, которые с незапамятных времен жили к югу от Большой реки. Это были огромные

и свирепые люди, превосходившие силой не только Уламров, но и все другие известные Нао человеческие племена. Единственные среди людей, они еще употребляли в пищу человеческое мясо, хотя нельзя сказать, что они предпочитали его мясу сохатого и оленя, косули и кабана, лани и джигетая.

Племя Кзамов было немногочисленно: Уаг, сын Рыси, самый неутомимый и бесстрашный разведчик из всех Уламров, во время своих дальних странствий видел всего три становища людоедов; все остальные встреченные им племена человеческого мяса не ели.

Эти воспоминания теснились в голове у Нао, в то время как он шел по следу, оставленному охотничьим отрядом. Идти было нетрудно, так как, уверенные в своей силе, Кзамы не заботились о том, чтобы скрыть следы. Они обошли озеро с востока, видимо направляясь к берегам Большой реки.

Две возможности представлялись Нао: настигнуть охотничий отряд Кзамов прежде, чем тот вернется в становище своего племени, и похитить Огонь хитростью, или перегнать отряд, проникнуть в становище врагов и, пользуясь отсутствием лучших воинов, добыть Огонь силой.

Чтобы найти дорогу к становищу Кзамов, надо было немедленно двинуться по следам отряда. Мысленно Нао видел этих охотников, уносящих с собой через степи, реки и холмы самое драгоценное достояние человека — Огонь. И видение это было таким отчетливым, таким ярким, что руки Нао уже тянулись к заветному пламени, угрожая тем, кто преградит к нему путь...

Сын Леопарда долго предавался этим волнующим думам, а тем временем свежий ветер, поднявшийся перед рассветом, постепенно ослабевал и утихал, словно растворяясь среди густой листвы деревьев и высоких прибрежных трав.

Глава вторая

ПОГОНЯ ЗА ОГНЕМ

Три дня шли Уламры по следам людоедов. Вначале они пробирались вдоль берега озера, у подножия холмов. Затем углубились в саванну, где небольшие рощи чере-

довались с широкими лугами. Следить за отрядом охотников было нетрудно: Кзамы продвигались не спеша и не соблюдали никакой осторожности. Они разводили на привалах большие костры, чтобы поджарить убитую дичь и защититься от холода туманной ночи.

Сам Нао, напротив, прибегал ко всяческим хитростям, чтобы сбить со следа тех, кто захотел бы его преследовать. Он старался идти по каменистой почве или по упругим травам, сразу выпрямлявшим свои жесткие стебельки после прохода человека; пробирался там, где это представлялось возможным, по руслам ручейков; переходил вброд или переплывал по многу раз излучины озера и часто путал свои следы. Несмотря на эти меры предосторожности, замедлявшие продвижение вперед, Уламры быстро настигали охотничий отряд Кзамов.

К концу третьего дня они очутились так близко от людоедов, что надеялись догнать их за один ночной переход.

— Нам и Гав должны приготовить оружие,— сказал Нао своим спутникам.— Сегодня вечером они снова увидят Огонь.

Лица юношей просияли при мысли о близости Огня, но тотчас же вновь нахмурились, когда Нам и Гав вспомнили о силе отряда, который владел им.

— Прежде всего нам нужно отдохнуть,— продолжал сын Леопарда.— Мы подкрадемся к людоедам, когда они будут спать, и попытаемся обмануть бдительность сторожей Огня.

Нам и Гав содрогнулись, почувствовав приближение опасности, более грозной, чем все встреченные ими до сих пор препятствия.

Каких только страшных рассказов не наслушались они с детства о свирепом племени Пожирателей Людей — Кзамов! Старый Гоун утверждал, что Кзамы превосходят все знакомые ему племена своей жестокостью, силой и отвагой. Несколько раз Уламрам удавалось застичь врасплох и уничтожить малочисленные отряды их разведчиков. Но чаще случалось наоборот, и храбрейшие охотники племени погибали под ударами острых топоров и тяжелых дубовых палиц Пожирателей Людей.

По словам старого Гоуна, Кзамы были потомками серого медведя. От него они унаследовали непомерной

длины руки и густые волосы на всем теле, более густые, чем даже у Агу и его братьев. Но больше всего ужасало Уламров и все остальные племена то, что Кзамы пожирали трупы поверженных врагов...

Когда сын Леопарда кончил свою речь, Нам и Гав послушно склонили головы в знак согласия, хотя дрожь ужаса невольно пробирала их. Затем они улеглись на землю и до полуночи отдыхали.

* * *

Уламры поднялись на ноги перед восходом луны и двинулись в путь во мраке. Однако, когда месяц показался на небе, они убедились, что сбились с пути. К счастью, Нао быстро удалось разыскать потерянный след.

Уламры пробрались сквозь заросли кустарника, обогнули заболоченное место и переправились вброд через небольшую речку. Наконец, взобравшись на вершину холма, они увидели вдали Огонь.

Притаившись в высокой траве и еле переводя дыхание от охватившего их возбуждения, Нао, Нам и Гав смотрели не отрываясь на далекое пламя. После стольких ночей, проведенных в холоде, под дождем, в кромешной тьме, после мучений голода и жажды, после смертельных схваток с серым медведем, тигрицей и пещерным львом они видели наконец перед собой ослепительную цель, к которой так упорно стремились.

Костер раскинулся полукружием на равнине, вблизи небольшого озерка, берега которого заросли фисташковыми деревьями и сикоморами. Языки пламени медленно лизали головешки, искры летели во все стороны. Столбы дыма спирально поднимались в небо и здесь, подхваченные ветром, разрывались на клочки. Пламя извивалось, словно клубок змей, колыхалось, как волны, ежесекундно меняя очертания, как быстро бегущие облака...

Отряд спал у костра; охотники были укрыты оленьими и волчьими шкурами мехом к телу. Оружие их — топоры и рогатины, палицы и дротики — валялось возле них на земле. Двое воинов бодрствовали — это были стражи. Один сидел, опершись на палицу, на куче хвороста, заготовленного для костра. Красные отблески играли на

его лице, заросшем до самых глаз рыжими волосами. На плечи была наброшена козья шкура. Все тело покрывали густые, как у муфлона, волосы; плоский нос с широкими ноздрями чуть выступал над огромными толстыми губами; длинные руки почти касались земли; ноги же, напротив, были короткие, кривые и толстые.

Второй страж шагал вокруг костра, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться и втянуть ноздрями запахи, приносимые влажным ночным ветерком. Этот человек был такого же роста, как Нао, но с непомерно большой головой и острыми, словно у волка, ушами. Шафранно-желтое лицо его заросло густыми волосами. Ребра на груди конусообразно поднимались над впалым животом. Ступни ног казались бы маленькими, если бы не длинные пальцы. Неуклюжее, коротконогое существо должно было обладать чудовищной силой, но ясно было, что в состязании на скорость бега стройные, длинноногие Уламры имели перед ним несомненное преимущество.

Внезапно страж остановился и повернул лицо к холму, на вершине которого притаились Уламры. Должно быть, едва уловимый запах, доносившийся оттуда, встревожил его. Этот запах не был похож ни на запах хищного зверя, ни на запах людей его племени. Первый страж, обоняние которого не было, по-видимому, таким острым, продолжал спокойно дремать на куче хвороста.

— Мы подошли слишком близко к Пожирателям Людей,— тихо сказал Гав.— Ветер донес до часового шум наших шагов.

Нао покачал головой: он больше опасался тонкого чутья врагов, чем их зрения или слуха.

— Нужно обойти ветер,— предложил Нам.

— Ветер дует в сторону движения вражеского отряда,— ответил Нао.— Если мы обойдем ветер, они окажутся за нашей спиной.

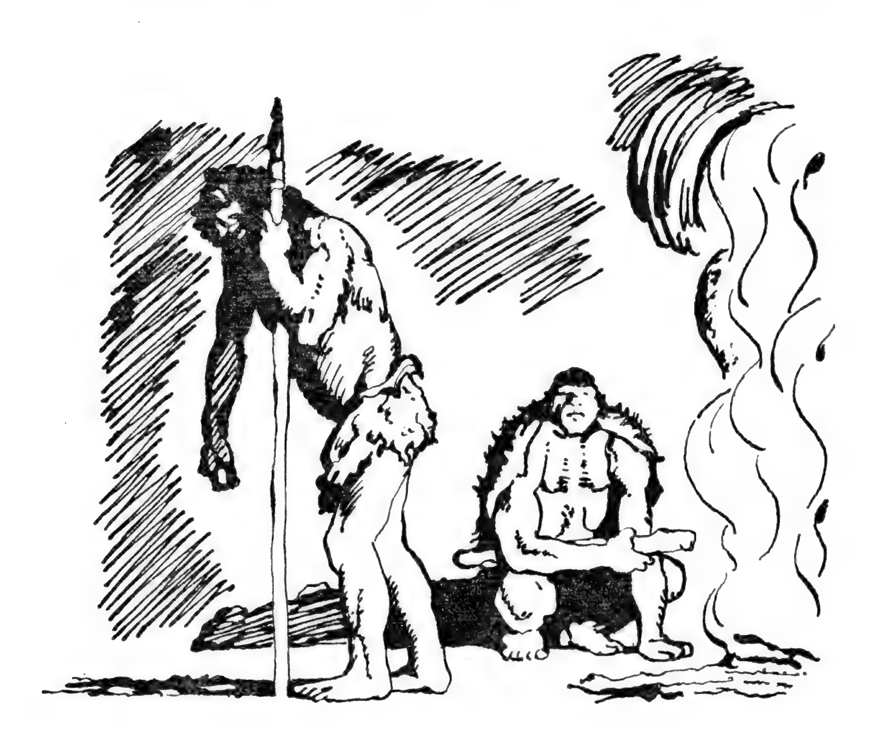
Ему не пришлось объяснять спутникам свою мысль; опытные охотники, Нам и Гав знали, что, преследуя дичь, надо не опережать ее, а идти по ее следам, если не собираешься ставить ловушку.

Тем временем сторожевой Кзам что-то сказал своему товарищу. Тот отрицательно покачал головой. Первый собрался было сесть рядом с ним, но вдруг спохватился и скорым шагом двинулся по направлению к холму.

— Надо отступить! — сказал Нао.

Он поискал глазами преграду, которая могла бы ослабить или заглушить исходящий от них запах. Густой кустарник рос близ вершины холма. Уламры забились в самую чащу. Теперь слабый ветерок уже не мог донести до врага никаких запахов. Кзам, сделав еще несколько шагов, остановился; шумно втянув несколько раз ноздрями воздух, он не обнаружил ничего подозрительного и, успокоенный, вернулся к костру.

Уламры долго оставались под прикрытием кустарника. Сын Леопарда не спускал глаз с догоравшего вдали костра. Тысячи замыслов, один фантастичнее другого, роились в его голове. Малейшая неровность почвы могла скрыть нападающих от самого острого зрения; можно было красться по степи так тихо, что самое чуткое ухо не услышало бы шороха. Но ничем нельзя было скрыть запах, распространяемый телом человека или животно-

го,— только расстояние или встречный ветер могли рассеять его.

Лай шакала вывел Нао из раздумья. Сначала он молча слушал, потом вдруг негромко рассмеялся.

— Мы в стране шакалов,— сказал он.— Пусть Нам и Гав постараются убить одного из них...

Молодые воины удивленно посмотрели на сына Леопарда. Тот продолжал:

— Нао будет сторожить людоедов... Шакал так же хитер, как волк: он никогда не подпустит к себе человека. Но шакал всегда голоден... Нам и Гав положат на землю кусок мяса, а сами притаятся на небольшом расстоянии. Шакал скоро подбежит и будет кружить около мяса, то приближаясь, то удаляясь. Если Нам и Гав не пошевельнут ни головой, ни рукой, если они будут неподвижны, словно камни, шакал в конце концов не выдержит и бросится на мясо. Он схватит его и тотчас же отскочит. Дротики Нама и Гава должны быть быстрее, чем прыжок шакала!

Молодые Уламры послушно отправились на поиски. Шакалов нетрудно выследить — лай всегда выдает их. Они не боятся хищников, так как знают, что ни одно животное не станет есть их мясо.

Четыре шакала жадно обгладывали в фисташковой роще кости какого-то зверя. Они не кинулись прочь при виде людей. Метнув на приближающихся Уламров зоркий взгляд, шакалы тихонько заворчали, готовые бежать, если непрошеные пришельцы подойдут слишком близко.

Нам и Гав в точности выполнили указания Нао: они положили на землю кусок оленьего мяса и, отступив на десяток шагов, замерли на месте, соперничая в неподвижности со стволами фисташковых деревьев. Шакалы вначале отпрянули, но затем подошли ближе и стали кружить возле приманки. Запах мяса привлекал их, и страх перед двуногими существами постепенно улетучивался.

Шакалы и раньше встречали человека, но ни один из них не знал его охотничьих хитростей. Тем не менее, сознавая, что человек сильнее их, шакалы всегда держались на почтительном расстоянии от него. Шакалы умные животные; они знают, что опасность подстерегает все живое и во тьме и при ярком свете, и в сухую погоду

и во время дождей. Поэтому звери сперва долго рыскали вокруг неподвижных Уламров, то прячась за фисташковыми деревьями, то выходя на открытое место. Серп месяца на востоке успел покраснеть, прежде чем кончились их сомнения и истощилось терпение.

Тогда они осмелели: стали подходить к приманке на двадцать локтей и подолгу с тихим ворчанием стояли на месте.

Наконец жадность одержала верх над страхом, и шакалы одновременно набросились на мясо, чтобы урвать по равной доле. Это произошло, как и предсказывал Нао, молниеносно. Но дротики молодых воинов оказались еще быстрей и глубоко вонзились в тела двух шакалов. Уламры добили топорами раненых зверей, в то время как оставшиеся в живых улепетывали с приманкой.

Когда Нам и Гав сбросили у ног Нао свою добычу, сын Леопарда сказал:

— Теперь мы сможем обмануть Пожирателей Людей — запах шакала поглотит наш запах!

* * *

Огонь оживился, получив новую порцию хвороста и зеленых ветвей. Дымные языки его поднялись высоко над равниной. При этом свете Уламры подробнее разглядели лица спящих людоедов, запасы пищи, разбросанное по земле оружие. Прежних стражей сменили двое новых. Оба сидели у костра, свесив головы и не подозревая ни о какой опасности.

Пристально рассмотрев их, Нао сказал:

— Этих нетрудно будет застигнуть врасплох. Нам и Гав только что охотились на шакалов. Теперь настала очередь сына Леопарда идти на охоту.

Захватив с собой шкуру одного из убитых шакалов, Нао спустился с холма и исчез в кустах. Сначала он отошел в сторону от стоянки людоедов, чтобы его не обнаружили. Выйдя из кустарников, он пополз по высокой траве, обогнул пруд, заросший камышом, скользнул в липовую рощу и очутился наконец едва в четырех сотнях локтей от костра, под прикрытием густого кустарника.

Стражи не шелохнулись. Один из них учуял запах шакала, но этот запах не внушал Кзаму никакой тревоги.

Нао мог теперь во всех подробностях рассмотреть стоянку врагов. Прежде всего он сосчитал их и на глаз определил силу каждого. Почти у всех были длинные руки, широченная грудь и короткие толстые ноги. Уламр с радостью убедился, что ни один из них не сможет обогнать его в беге.

Затем сын Леопарда внимательно осмотрел окрестности. Справа виднелся участок голой земли, примыкавший к невысокому кургану. Налево в густой траве росли отдельные группы деревьев. Стена трав тянулась до самого костра и только на расстоянии пяти-шести локтей от него была вытоптана Кзамами.

Нао колебался недолго. Воспользовавшись тем, что стражи сидели к нему спиной, он пополз к кургану. Он полз медленно, распластываясь, как ящерица, и замирая при всяком движении дозорных. Лунный свет и отблески костра, озарявшие его распростертую на земле фигуру, он ощущал, как прикосновение чьих-то рук.

Наконец добравшись до высокой травы, он пополз быстрее, проскользнул между невысокими деревцами и вскоре очутился совсем близко от Огня.

Теперь Нао находился в самой середине круга спящих воинов; стоило им протянуть руку, и они коснулись бы его. При малейшем неосторожном движении стражи поднимут тревогу, и тогда он безвозвратно погиб! По счастью, ветер дул прямо на него и вместе с дымом от костра относил в сторону его запах и запах шакальей шкуры. Кроме того, стражи как будто задремали, опустив головы на грудь; лишь изредка они вскидывали головы и оглядывались по сторонам...

Одним громадным скачком Нао очутился у костра, протянул руку и схватил горящую головню. В тот же миг он отскочил обратно в траву. Но тут раздался страшный крик, и один из стражей бросился к нему, в то время как другой метнул дротик. Спящие Кзамы мгновенно проснулись, и уже человек десять из них вскочили на ноги.

Опережая людоедов, Нао вырвался из круга и, издав воинственный клич, помчался прямо к холму, где его поджидали Нам и Гав. Кзамы, рыча, словно разъяренные волки, толпой бежали за ним. Короткие ноги не мешали им развивать большую скорость, недостаточную, однако, чтобы догнать сына Леопарда.

Уламр мчался как вихрь, размахивая горящей головней. Достигнув холма, он опередил своих преследователей почти на пятьсот локтей.

Нам и Гав стоя ожидали его там.

— Бегите! — крикнул Нао юношам, не останавливаясь.

Те молча побежали за ним, не отставая ни на шаг. Нао мысленно порадовался тому, что выбрал себе в спутники этих легких, быстроногих юношей вместо более крепких, но менее подвижных воинов зрелого возраста. С каждой минутой Уламры все дальше и дальше уходили от Кзамов.

Теперь сын Леопарда бежал позади Нама и Гава, временами останавливаясь, чтобы удостовериться, что Огонь по-прежнему теплится в головешке. Внимание его все время раздваивалось: он лихорадочно следил за тем, чтобы расстояние между ними и преследователями не уменьшалось, и в то же время, пожалуй, даже с большей тревогой наблюдал за тлевшей в сухом дереве искрой Огня, ради которого он претерпел столько страданий. Языки пламени уже давно угасли, и только красная точка на конце головни свидетельствовала о том, что Огонь еще жив.

Нао надеялся, что, опередив своих преследователей, он сумеет раздуть пламя и оживить Огонь, добытый с таким трудом и опасностями.

Луна не прошла еще и трети своего пути по небосводу, когда Уламры добежали до болота. Местность была им знакома — совсем недавно они проходили здесь по следам Кзамов. Узкая, извилистая каменистая тропа проходила среди болота. Не задумываясь, Уламры ступили на эту тропу и, пройдя несколько сот локтей, остановились.

Тропинка была настолько узкой, что два человека не помещались на ней в ряд. Здесь Кзамы не могли ни напасть на Уламров всем отрядом, ни обойти их с тыла, так как болотистая топь вокруг была непроходимой. Поэтому Нао решил сделать здесь остановку, чтобы позаботиться об Огне.

Красная точка на головне побледнела и стала чуть заметной.

Нао, Нам и Гав поспешно стали искать сухую траву или сучья. Кругом в изобилии рос тростник, валялись обломанные ветки тополя, пожелтевшие стебли болотных трав. Но все они были влажные от болотных испарений и ночной росы и не могли служить пищей умирающему Огню. Пришлось собирать тончайшие веточки, листья, сухие былинки...

Чуть тлеющий огонек уже почти не оживлялся от дыхания Нао, пытавшегося раздуть угасающее пламя. Несколько раз поднесенные к Огню былинки начинали дымиться и, казалось, вот-вот вспыхнут. Но крохотная красная искорка, померцав минуту на кончике травинки, вдруг бледнела и гасла, убитая болотной сыростью.

Тогда Нао вспомнил о шкуре шакала. Быстро вырвав из нее несколько пучков шерсти, он осторожно приложил их к багровому глазку на головне. Шерстинки только тлели и гасли, одна за другой, каждый раз заставляя сердца Уламров трепетать от надежды и страха.

А красный глазок на головне все тускнел и уменьшался. Сначала он был размером с осу, потом стал не больше мухи, затем — словно крошечная мошка, вроде тех, что мириадами толкутся в жаркий день над поверхностью болота...

Но вот он угас — и бесконечная грусть овладела молодыми Уламрами, оледенив их чувства и мысли...

В этом маленьком, слабом огоньке было заключено столько радужных надежд! Он должен был вырасти и набрать силу, озаряя жаркими кострами их ночные стоянки, внушая ужас тигру, серому медведю и пещерному льву, побеждая холод и мрак, согревая озябшие тела, придавая мясу восхитительный вкус и сочность. Торжествуя и гордясь, они принесли бы свою лучезарную добычу родному племени, и благодарные Уламры преклонились бы перед их хитроумием, ловкостью и отвагой.

И вот, едва завоеванный, Огонь умер...

А Уламрам после тяжелой борьбы со стихиями природы и хищниками теперь предстояла борьба с самым коварным и опасным врагом — человеком.

Глава третья

НА БЕРЕГАХ БОЛЬШОЙ РЕКИ

Нао, Нам и Гав спасались бегством от Кзамов. Вот уже восемь дней, как длилась упорная и непрерывная погоня. Людоеды стремились во что бы то ни стало истребить дерзких пришельцев — то ли потому, что приняли их за разведчиков враждебного племени, то ли по природной жестокости и ненависти ко всем чужеземцам.

Беглецы легко могли оставить своих преследователей далеко позади — каждый день они опережали их на пять-шесть тысяч локтей. В выносливости Уламры не уступали Кзамам, а в быстроте превосходили их. Но Нао

ни на мгновение не забывал о цели своего похода — завоевании Огня — и по ночам, оставив Нама и Гава на безопасном расстоянии спящими, возвращался вспять и часами бродил вокруг стоянки Кзамов. Он спал мало, но зато глубоко и крепко.

Стремясь сбить преследователей со следа, сын Леопарда незаметно для себя значительно уклонился к востоку, и на восьмой день погони Уламры неожиданно очутились на вершине высокого холма у берега Большой реки. Ветры, дожди и наводнения обнажили каменную основу холма, прорыли в порфире ущелья, оторвали огромные каменные глыбы, но он уже много тысячелетий незыблемо стоял на месте, несмотря на непрерывную атаку стихий.

Полноводная река омывала подножие холма. Мощный поток собрал на своем пути воду из множества ключей и родников, ручейков и речек, текущих среди камней, травы и деревьев. Его питали ледники, сползающие с неприступных гор, и подземные воды, пробивающие себе путь в граните, песчанике и известняке, водопады, низвергающиеся со скал, и темные тучи, проливающиеся над ним дождем. Стремительный и пенистый, когда его стесняли каменные берега, яростный и страшный у порогов, поток становился ленивым и спокойным на равнинах. Он питал влагой болотные топи, разливался озерами и протоками, омывал со всех сторон бесчисленные острова и островки.

Полная жизни река сама рождала неиссякаемую жизнь. На всем протяжении ее течения, от холодных горных областей до жарких равнин, на жирной наносной земле и на бедных каменистых почвах вдоль берегов тянулись нескончаемые леса: фиговые, оливковые, сосновые и дубовые рощи чередовались со смоковницами и платанами, каштанами и кленами, ясенями и березами. Белые, черные и серебристые тополи сменялись осинами, ольхой и плакучими ивами.

Жизнь изобиловала и в воде и на дне реки. В подводных известковых убежищах копошились целые армии моллюсков; важно ползали по дну бесчисленные ракообразные; проносились стаи быстрых, как молнии, мальков, неторопливо плыли у дна большие рыбы и скользили среди водорослей проворные рептилии.

Над рекой реяли птицы. Построившись треугольником, пролетали журавли, опускались на воду зеленые утки, гоготали жирные гуси, стаями вились ласточки, проносились неуклюжие цапли, чирки, зуйки, величественно и неторопливо плыли лебеди, стремительно падали в воду зимородки, задумчиво стояли на одной ноге чернобелые аисты.

Коршуны, ястребы и вóроны высматривали себе добычу; орлы парили под облаками, соколы купались в прозрачном воздухе; филины и совы бесшумно рассекали крыльями ночную тьму.

В прозрачных речных струях покачивались широкие спины гиппопотамов, похожие на стволы старых кленов; среди камышей скользили гибкие выдры и большеголовые водяные крысы. По берегам толпились пришедшие на водопой пугливые олени и кроткие лани, грузные лоси и легконогие сайги, бородатые муфлоны и осторожные джигетаи, онагры с точеными копытцами и дикие лошади с расширенными от вечного страха глазами. Никого не опасаясь, шли к реке стада хозяев Земли — мамонтов, великолепных зубров и неустрашимых бизонов. Носорог с наслаждением погружал в прохладную воду свое неуклюжее тело, одетое в непроницаемую для самых острых когтей и зубов шкуру. Дикие кабаны обдирали своими загнутыми кверху клыками кору старых ив. Пещерный медведь, огромный и миролюбивый, спускался, переваливаясь, с крутого берега. Рысь и пантера, леопард и тигр, желтый лев и серый медведь подстерегали у водопоев добычу и жадно пожирали еще теплое мясо. Резкий, острый запах возвещал о приближении лисы, шакала и пожирательницы падали — гиены. Стаи волков и диких собак выслеживали больных, раненых и слабых травоядных.

Прибрежные заросли кишели мелкими зверьками — зайцами, кроликами, белками, сусликами; в высокой траве ползали ужи и ящерицы, прыгали лягушки и кузнечики; в воздухе носились шмели и осы, пчелы и шершни, мухи и бабочки, жуки и стрекозы.

Вниз по течению плыли стволы деревьев, опавшие листья, сломанные ветви, корни растений...

Нао любил реку.

Он подолгу мог любоваться величественным, нескон-

чаемым движением ее мощных струй. Река с неутихающей яростью ревела на порогах, с грохотом низвергалась со скал, кипела и пенилась в стремнинах или неторопливо катила свои прозрачные волны по спокойному руслу.

Подобно Огню, Вода казалась Нао живым существом. Подобно Огню, она то слабеет и спадает, то растет и крепнет, возникая неизвестно откуда. Она пробегает огромные пространства, падает с неба дождем и бьет родниками из-под земли; утоляет жажду и безжалостно убивает людей и животных. Неутомимая и упорная, она точит скалы и влечет за собой горы песка, глины и камней. Она проникает туда, куда нет доступа мельчайшему из насекомых, забирается даже под землю. Она рождается в лесном роднике, растет в ручейке, а в реке становится сильнее мамонтов и грознее горной лавины. Ни одно животное и ни одно растение не может жить без воды; словно живое существо, она лепечет и поет, ревет и рычит, рыдает и хохочет. Она спит в болоте, отдыхает в озере, быстро бежит в реке, мчится в стремнинах и прыгает, как тигр, в водопадах.

* * *

Так думал Нао, глядя на реку.

Между тем Уламрам нужно было найти пристанище на ночь. Гав предложил забраться на один из островков посреди реки. Однако островок мог служить надежным убежищем от зверей, но не от людей. На островке Уламры очутились бы в западне, и Кзамам легко было бы уничтожить их. Кроме того, это отдаляло Уламров от Огня. Поэтому Нао предпочел искать место для ночлега на берегу.

После недолгих поисков молодые воины нашли невысокую сланцевую скалу с почти отвесными склонами и площадкой на вершине, где могли разместиться целых десять человек. Приготовления к ночлегу закончились до наступления сумерек.

Уламров отделяло от Кзамов такое значительное расстояние, что они могли спокойно отдыхать часть ночи, не боясь внезапного нападения.

Погода стояла прохладная. Редкие облака плыли по небу на западе в багровом свете заката. Поужинав сырым

мясом, грибами и орехами, молодые воины осмотрели окрестность. Сумеречный свет позволял разглядеть ближайшие острова, но противоположный берег реки уже тонул в вечерней мгле.

Стадо онагров прошло на водопой; табун лошадей спустился к воде. Это были невысокие, коренастые животные с массивной головой и густой спутанной гривой. Движения их были грациозны и осторожны, большие глаза отливали синевой; вечное беспокойство за свою жизнь держало их в постоянном напряжении. Склонившись к воде, они все время вздрагивали, пугливо озирались по сторонам и прислушивались, полные страха и недоверия. Вдруг что-то встревожило их, и, не успев утолить жажду, они кинулись прочь.

Ночь распахнула над землей свои черные крылья. Они закрыли плотной пеленой восток, в то время как на западе еще горела алая полоса. Внезапно где-то невдалеке послышалось грозное рычание.

— Лев! — прошептал Гав.

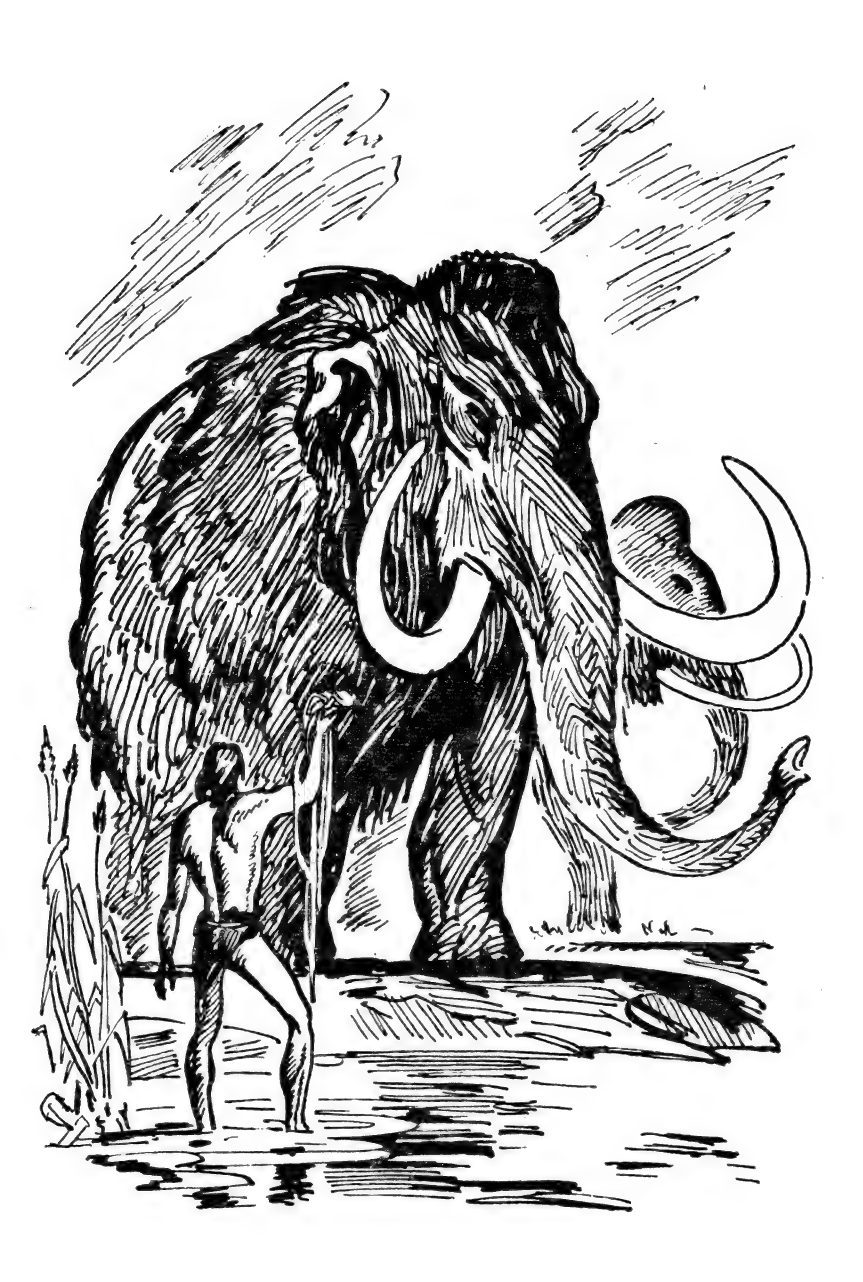
— Берега реки кишат дичью,— ответил Нао.— Лев осторожен: он охотнее нападет на антилопу или оленя, чем на людей.

Рычание замерло в отдалении. Теперь слышался только лай шакалов, рыскавших по берегам.

По очереди сменяясь на страже, Уламры отдыхали вплоть до зари. Затем они снова пустились в путь, вниз по течению Большой реки.

Вскоре они увидели перед собой мамонтов. Это было большое стадо, целиком заполнившее поляну длиной в тысячу и шириной в три тысячи локтей. Великаны спокойно паслись здесь, поедая молодые побеги растений. Трое охотников невольно позавидовали их беззаботному, уверенному и счастливому существованию. От избытка сил некоторые животные, играя, гонялись друг за дружкой или беззлобно боролись, нанося удары мягкими волосатыми хоботами. Чудовищные ноги этих исполинов могли в мгновение ока растоптать пещерного льва, словно комок глины. Их бивни способны были вырывать с корнем столетние дубы, а широкий лоб, не уступающий в крепости граниту, разбивал вдребезги любое препятствие.

Любуясь могучими животными, Нао восторженно воскликнул:

— Мамонт — владыка всего, что живет на Земле!

Он не боялся мамонтов, зная, что они никогда не причиняют вреда животным, которые не докучают им.

— Аум, сын Ворона, заключил союз с мамонтами,— добавил сын Леопарда после недолгого молчания.

— Почему бы нам не поступить так же, как Аум? — спросил Гав.

— Аум понимал язык мамонтов,— возразил Нао,— а мы не понимаем его.

Однако эта идея понравилась ему. Он обдумывал ее, обходя стороной гигантское стадо. Некоторое время Уламры шли молча. Затем Нао снова заговорил:

— Мамонты не владеют речью, как люди, но все-таки понимают друг друга. Они узнают крики своих вожаков. Старый Гоун говорил, что они умеют строиться в ряды по команде и совещаются перед походом на новые земли. Если бы мы могли понять их язык, мы заключили бы с ними союз!

Один из мамонтов, обрывавший побеги молодых тополей поодаль от других, вдруг поднял голову и посмотрел на Уламров.

Нао никогда еще не встречал такого огромного животного. Рост его достигал двенадцати локтей. Густая, как у льва, грива закрывала шею, хобот напоминал толщиной ствол дерева, а гибкостью — питона.

Люди, видимо, заинтересовали мамонта, так как нельзя было предположить, что они внушают ему опасение. Великан не спускал с них глаз.

Нао приблизился к нему и крикнул:

— Мамонт могуч! Он может ударом ноги раздавить, как червяков, тигра и льва. Одним толчком своей широкой груди он опрокинет десяток зубров. Нао, Нам и Гав — друзья большого мамонта!

Мамонт насторожил огромные уши, прислушиваясь к членораздельной речи Уламра.

— Мамонт слушает Нао! — радостно воскликнул сын Леопарда.— Он понимает, что Уламры признают его могущество! — И он снова крикнул: — Если Нао, Нам и Гав добудут Огонь, они испекут в золе каштаны и желуди и принесут их в дар большому мамонту!

Произнося эти слова, Нао случайно кинул взгляд на

болото и увидел там большие цветы кувшинок. Нао знал, что подводные стебли этого растения — любимая пища мамонтов. Он сделал знак своим спутникам, и все трое принялись рвать длинные красноватые стебли.

Нарвав большую охапку кувшинок, они тщательно вымыли их и понесли мамонту. Остановившись в пятидесяти локтях от огромного зверя, Нао снова заговорил:

— Вот! Мы сорвали эти растения для тебя, чтобы ты знал: Уламры — друзья мамонтов!

И, сложив охапку на землю, он отступил.

Мамонт с любопытством приблизился к приношению. Он хорошо знал это растение и любил его. Неторопливо пережевывая вкусные стебли, огромный зверь рассматривал трех охотников.

Временами он поднимал хобот кверху, принюхиваясь к запаху людей, затем миролюбиво помахивал им.

Тогда Нао медленно-медленно стал подходить к мамонту, пока не очутился прямо под его гигантским хоботом, между двумя бивнями, длинными, как туловище бизона. Рядом с этим великаном высокий Уламр казался крохотным ребенком. Одним движением мамонт мог превратить его в кровавую лепешку.

Но Нао был уверен, что мамонт не причинит ему зла. Гибкий хобот коснулся тела молодого воина и обнюхал его. В свою очередь Нао, затаив дыхание, тронул хобот рукой. Затем он нагнулся, сорвал несколько пучков травы и молодых побегов и предложил их мамонту в знак дружбы.

Нао сознавал, что он совершает что-то необычайное и значительное, и сердце его трепетало от восторга и гордости.

Глава четвертая

СОЮЗ С МАМОНТАМИ

Нам и Гав со страхом следили за Нао, в то время как тот подходил к мамонту. Они видели, как мал и слаб человек по сравнению с гигантским зверем.

Когда огромный хобот опустился на плечо Нао, Нам горестно прошептал:

— Ну вот! Мамонт сейчас раздавит Нао! Наму и Гаву придется одним обороняться от Кзамов и хищных зверей.

Но когда они увидели, что Нао гладит рукой хобот великана, сердца их забились от восхищения.

— Нао заключил союз с мамонтом! — воскликнул Гав.— Нао — сильнейший из людей!

Тут до их слуха донесся голос Нао:

— Пусть Нам и Гав в свою очередь подойдут к мамонту так же осторожно, как Нао... Они должны нарвать по охапке зеленой травы и поднести ее мамонту.

Полные веры в своего вождя, молодые Уламры послушно двинулись по направлению к мамонту, останавливаясь на пути, чтобы вырвать из земли молодой куст или пучок сочной травы. Подойдя вплотную к громадному животному, они протянули ему свое приношение. Нао также поднес мамонту сорванную траву, и тот спокойно принял дары из рук людей.

Так Уламры заключили союз с большим мамонтом.

* * *

Молодой месяц с каждой ночью все больше округлялся. Еще день-другой — и он должен был превратиться в круглый, как солнце, диск. В этот вечер между стоянками Кзамов и Уламров лежало расстояние в двадцать тысяч локтей. Преследуемые и преследователи по-прежнему держались берега реки.

Кзамы остановились на ночлег в нескольких шагах от обрывистого берега. Они грелись у огромного костра и жарили сочные куски мяса — местность изобиловала дичью, и дневная охота была удачной.

Уламры, дрожа от холода и сырости, молча ели сырое мясо дикого голубя и корни растений.

В роще сикомор, в десяти тысячах локтей от реки, спокойно спали мамонты. Днем они мирились с присутствием людей, но с наступлением ночи проявляли признаки недовольства: не то чтобы они опасались внезапного нападения, но просто не любили, чтобы чуждые существа нарушали их покой. Поэтому, как только на землю спускались сумерки, Уламры удалялись на такое расстояние, чтобы их запах не раздражал мамонтов.

После ужина Нао спросил своих спутников:

— Достаточно ли отдохнули Нам и Гав? Чувствуют ли они себя в силах совершить большой переход?

Сын Тополя ответил:

— Нам спал половину дня. Почему бы ему не быть готовым к борьбе?

Гав в свою очередь сказал:

— Сын Сайги может, не останавливаясь, пробежать все расстояние до становища Кзамов.

— Хорошо,— ответил сын Леопарда.— Молодые воины последуют за Нао к стоянке Кзамов. Этой ночью они будут завоевывать Огонь!

Нам и Гав одним прыжком очутились на ногах и бесшумно двинулись по берегу вслед за Нао.

Нечего было рассчитывать, что под покровом темноты Уламрам удастся застигнуть неприятеля врасплох. Полная луна уже поднималась из-за деревьев по ту сторону Большой реки. Ее красноватый диск то появлялся над островками, мимо которых проходили Уламры, то перерезался силуэтами стройных тополей, то исчезал за вершинами вековых дубов. В открытых местах отражение ночного светила уже дрожало на поверхности речных вод, искрясь и сверкая холодным, перламутровым светом и соединяя оба берега колеблющейся серебристой дорожкой.

Вначале Уламры быстро бежали вдоль берега. Но, приблизившись к стоянке Кзамов, они замедлили шаги. Они шли теперь не рядом, а цепочкой, на расстоянии нескольких десятков локтей один от другого. При таком строе они не боялись, что притаившийся враг внезапно окружит их.

Наконец, обогнув заросли ивняка, они увидели вдали слабый отблеск костра, пламя которого казалось бледным в ярком свете луны.

Людоеды спали. Трое дозорных поддерживали Огонь и охраняли спящих.

Уламры, притаившись в чаще кустарника, с вожделением и завистью смотрели на Огонь. О, если бы им удалось завладеть хоть одной искрой! Наученные горьким опытом, они заготовили для Огня обильную пищу: сухую траву и листья, тонко расщепленные смолистые веточки, древесную кору. Огонь не умрет теперь у них в руках до

тех пор, пока они не водворят его в плетенку из прутьев, выложенную внутри плоскими камнями...

Но как приблизиться к костру? Как обмануть бдительность Кзамов, ставших осторожными с тех пор, как сын Леопарда появился ночью перед их костром?

Нао сказал:

— Слушайте! Нао спрячется на берегу реки, а сын Тополя и сын Сайги тем временем будут бродить возле стоянки Кзамов, то прячась, то появляясь перед ними. Когда Кзамы заметят их, Нам и Гав бросятся бежать, но не со всей скоростью, на какую они способны. Пусть Кзамы не теряют надежды догнать их и преследуют как можно дольше. Нам и Гав храбрые воины и не станут бежать слишком быстро! Они должны увлечь Кзамов вплоть до Красного камня. Если Нао там не окажется, они проскользнут между пастбищем мамонтов и берегом Большой реки. Сын Леопарда сумеет найти их след.

Молодые Уламры вздрогнули. Их страшила мысль разлучиться с Нао и оказаться лицом к лицу со страшными Кзамами. Тем не менее они послушно побежали к стоянке, в то время как сын Леопарда пополз к берегу.

Прошло около получаса. Вдруг фигура Нама показалась на верхушке бугра и тотчас же исчезла; затем тень Гава скользнула по высокой траве и скрылась...

Дозорные людоедов мгновенно подняли тревогу. Кзамы вскочили в беспорядке и с громкими криками собрались вокруг своего вождя.

Это был человек невысокого роста, коренастый и волосатый, как пещерный медведь. Он дважды взмахнул палицей, что-то хрипло прокричал и подал сигнал к погоне.

Кзамы разбились на шесть групп и рассыпались полукругом.

Нао с замирающим сердцем следил за ними.

Людоеды ринулись вслед за молодыми Уламрами и вскоре скрылись в отдалении.

Тогда Нао перестал думать о Наме и Гаве и сосредоточил все свое внимание на Огне.

Четверо самых сильных Кзамов остались охранять его. Один из них казался особенно страшным. Он был так же

коренаст и так же густо оброс волосами, как вождь людоедов, но был значительно выше ростом.

Стоило взглянуть на огромную палицу, на которую он опирался, чтобы получить представление о его чудовищной силе.

Пламя костра ярко освещало Кзама. Нао отчетливо видел его огромные челюсти, маленькие глаза, прикрытые густыми косматыми бровями, короткие и толстые, как стволы деревьев, ноги. Трое других Кзамов были несколько ниже ростом, но также производили впечатление сильных неустрашимых воинов.

Нао выбрал удачное место для засады: слабый, но устойчивый ветерок дул в его сторону, относя к противоположному берегу реки его запах. Где-то невдалеке по саванне бродили шакалы, и их резкий запах заглушал слабые испарения человеческого тела. Кроме того, Нао опоясал свои бедра шкурой убитого когда-то шакала. Благодаря этому сын Леопарда мог незаметно подползти к костру на шестьдесят локтей. Здесь он долго выжидал благоприятного момента, сохраняя полную неподвижность.

Луна поднялась уже над верхушками тополей, когда Нао внезапно вскочил на ноги и испустил свой боевой клич.

Пораженные его неожиданным появлением, Кзамы, оцепенев, растерянно смотрели на него. Но замешательство их было недолгим. Яростно зарычав, они схватили свое оружие — кто кремневый топор, кто палицу, кто копье.

Нао крикнул:

— Сын Леопарда послан своим племенем на поиски Огня, потому что Огонь Уламров умер. Он прошел через саванны и леса, горы и реки. Если Кзамы позволят ему взять несколько головней из их костра, он уйдет, не вступая с ними в бой!

Но для людоедов слова этого чужака были понятны не более, чем вой волков.

Он был один, а их четверо, и этого было достаточно, чтобы страстное желание убить дерзкого пришельца овладело Кзамами.

Нао отступил в надежде, что они нападут на него порознь и он сумеет, обманув их, прорваться к Огню.

Но Кзамы бросились на противника все вместе, вчётвером.

Самый рослый людоед на бегу метнул в него копье с кремневым наконечником. Удар был направлен метко, и копье, задев плечо Нао, упало на землю. Уламр, желая сберечь свое оружие, поднял это копье и швырнул его обратно в своих врагов. Копье просвистело в воздухе и, описав дугу, вонзилось в горло одного из Кзамов. Тот пошатнулся, пробежал еще несколько шагов и упал. Его товарищи злобно завопили и одновременно метнули в Уламра копья. Нао упал ничком на землю, чтобы уберечься от кремневых наконечников. Решив, что он ранен, людоеды радостно вскрикнули и подбежали к лежащему врагу, чтобы прикончить его.

Но Нао уже вскочил на ноги и был готов к отпору. Один из Кзамов с разбегу налетел грудью на его копье и свалился замертво на землю. Два других метнули свои дротики; кровь брызнула из бедра Нао, но рана была не глубока, и Уламр даже не почувствовал боли. Теперь, не боясь больше быть окруженным врагами, он то отступал, то бросался вперед, так что наконец очутился между Кзамами и костром.

— Нао бегает быстрее, чем Кзамы! — торжествующе крикнул он.— Он возьмет Огонь, а Кзамы потеряли двух воинов!

Одним прыжком сын Леопарда подскочил к самому костру. Протянув руки, чтобы схватить головню, он с ужасом увидел, что все они сгорели и в костре оставались только одни угли, пылавшие жарким пламенем.

Он переворошил костер в надежде найти хоть одну несгоревшую ветку, которую можно было бы взять в руки, но тщетно...

А Кзамы приближались!

Нао хотел было бежать, но споткнулся о корень и чуть не упал. Тем временем Кзамы подбежали совсем близко и преградили ему дорогу к отступлению, прижав вплотную к Огню. Нао мог бы, разумеется, перескочить через костер и убежать, но мысль о том, что он снова вернется с пустыми руками в темноту и холод осенней ночи, была для него нестерпимой...

Подняв одновременно палицу и топор, он принял бой.

Глава пятая

БИТВА ЗА ОГОНЬ

Оба Кзама, постепенно замедляя шаг, подходили все ближе и ближе. Более рослый взмахнул последним своим дротиком и метнул его в Нао почти в упор. Нао без труда отбил дротик обухом топора, и тонкая палка, переломившись, исчезла в пламени костра.

В ту же секунду три палицы со свистом рассекли воздух.

Нао отбил палицы Кзамов с такой силой, что меньший из людоедов пошатнулся. Заметив это, Нао бросился к нему и страшным ударом проломил врагу голову. Но и сам он пострадал при этом: второй Кзам ударил его в левое плечо. К счастью, Нао в последнюю секунду успел отскочить, не то палица, направленная умелой рукой, раздробила бы ему череп. Ошеломленный Нао откинулся назад, чтобы обрести устойчивость. Подняв кверху палицу, он ждал врага.

Хотя теперь перед Нао оставался только один противник, положение Уламра было ужасное: он едва мог шевелить раненой левой рукой, тогда как Кзам, вооруженный палицей и топором, не получил ни одной царапины. Это был великан с широкой грудью, мощным торсом и длинными руками — на целую треть длиннее, чем руки Нао. Короткие кривые ноги его, не способные к быстрому бегу, были, однако, великолепными точками опоры и сообщали телу Кзама устойчивость гранитной глыбы.

Перед решительной схваткой людоед исподлобья окинул взглядом своего противника. Решив, что он легче добьется победы, если будет наносить удары обеими руками, Кзам отбросил в сторону топор, оставив в руках одну палицу. Затем он перешел в наступление.

Две палицы из твердого дуба, почти одинакового веса, столкнулись в воздухе. Удар, нанесенный Кзамом, был сильнее удара Уламра, который не мог пользоваться левой рукой. И все-таки ему удалось отбить нападение. Когда же Кзам вторично опустил палицу, она рассекла воздух, не встретив ничего на своем пути: Нао ловко отклонился в сторону.

В третий раз палица Нао обрушилась на врага, словно лавина. Она разбила бы вдребезги череп противника, если бы длинные жилистые руки Кзама не сумели вовремя отвести удар.

Снова узловатые дубины с треском сшиблись в воздухе, и Кзам был вынужден отступить. Однако он тут же пришел в себя и ринулся на Уламра с таким бешенством, что чуть не выбил палицу из его руки. Прежде чем Нао собрался с силами, Кзам снова взмахнул палицей. Уламр лишь несколько ослабил, но не мог отвести удар. Дубина обрушилась на его череп... У Нао подкосились ноги: деревья, земля, костер закружились перед его глазами... Чудовищным усилием воли он устоял на ногах и, прежде чем Кзам сообразил, что происходит, швырнул в него свою палицу с такой силой, что тот, даже не вскрикнув, свалился мертвым...

Еще не веря в свою победу, Нао взглянул на костер, где плясали веселые красные языки пламени, и засмеялся отрывистым, хриплым смехом. Радость бушевала в его груди, словно поток, несущийся весною с гор.

Кругом было тихо. Над головой мирно сияли далекие звезды, приглушенно рокотала река, чуть шелестела трава под дыханием ночного ветерка, и только издали, с противоположного берега реки, доносились лай шакалов и рыкание вышедшего на охоту льва... Победитель закричал прерывающимся от волнения голосом:

— Нао хозяин Огня!

Он медленно обошел вокруг костра, протягивая над ним руки, подставляя благотворному теплу грудь, радуясь давно не испытанному блаженству.

— Нао хозяин Огня! — повторял он, не помня себя от восторга.— Нао завоевал Огонь!

Но вскоре лихорадочное возбуждение улеглось. Он подумал, что Кзамы могут неожиданно вернуться и что надо поскорей унести в безопасное место свою драгоценную добычу. Он достал плоские камни, которые постоянно держал при себе после первой неудачной попытки похитить Огонь. Нужно было оплести их прутьями, корой и стеблями ползучих растений. В поисках этих растений Нао неожиданно обнаружил неподалеку от костра готовую плетенку, в которой людоеды переносили Огонь. Он вскрикнул от радости.

Это было нечто вроде гнезда, искусно сплетенного из древесной коры и выложенного изнутри плоскими камнями. В нем еще теплился маленький огонек.

Хотя Нао, подобно всем мужчинам племени Уламров, умел делать плетенки для хранения Огня, ему вряд ли удалось бы в столь короткий срок изготовить такую же прочную и удобную, как та, которую он нашел у людоедов. Для этого нужно было время.

Плетенка Кзамов была сложена из трех тонких слоев сланца, с оболочкой из коры зеленого дуба, скрепленной гибкими прутьями. В стенках были оставлены отверстия для доступа воздуха.

Такие плетенки с Огнем требовали неусыпных забот.

Нужно было защищать пламя от дождя и ветра; нужно было смотреть за тем, чтобы Огонь не хирел и не разгорался больше, чем следует; нужно было часто менять кору.

Нао знал все правила ухода за Огнем, выработанные тысячелетним опытом его предков. Он слегка раздул пламя, смочил водой кору оболочки, проверил вытяжные отверстия и состояние сланцевой прокладки. Затем он собрал разбросанные по земле копья и топоры и перед уходом окинул последним взглядом стоянку Кзамов и окружающую ее равнину.

Двое из его врагов были мертвы; они лежали на спине, лицом к звездам. Двое других, несмотря на страшные страдания, старались сохранять полную неподвижность, чтобы Нао счел их мертвыми. Жестокий закон войны и осторожность требовали, чтобы Нао прикончил их. Он подошел к первому, раненному в бедро, и занес над ним копье.

И вдруг какое-то странное, не понятное ему самому отвращение овладело сыном Леопарда при мысли, что еще одна жизнь сейчас угаснет. Он не чувствовал никакой ненависти к поверженным врагам. К тому же куда важней было загасить костер.

Нао раскидал во все стороны пылающие угли и палицей, принадлежащей одному из убитых врагов, разбил их на мелкие куски, которые не могли сохранить Огонь до возвращения Кзамов. Затем он связал раненым руки и ноги гибкими стеблями растений и крикнул, не в силах скрыть свое торжество:

— Кзамы не захотели дать сыну Леопарда даже одной головешки, а теперь у самих Кзамов нет Огня! Они будут страдать от темноты и холода до тех пор, пока не вернутся к своему племени! Уламры теперь стали сильнее Кзамов!

* * *

Когда Нао добрался до подножия холма, где он должен был встретиться со своими молодыми спутниками, их там не оказалось.

Это нисколько не удивило сына Леопарда: очевидно, Наму и Гаву пришлось сделать большой крюк, чтобы скрыться от преследователей.

Прикрыв ивовыми листьями свою рану, Нао уселся подле плетенки, в которой была заключена вся его дальнейшая судьба.

Время текло вместе с водами Большой реки. Луна все выше поднималась по небосклону. Когда ночное светило достигло зенита, Нао вдруг поднял голову.

Среди тысячи разнообразных звуков, наполнявших ночь, он расслышал характерный шум человеческих шагов.

Это был быстрый и четкий шаг, который никак нельзя было смешать с дробной поступью четвероногих. Сначала шум был чуть слышен, но по мере приближения становился все более отчетливым. Вскоре порыв ветерка донес до Нао запах этого человека.

«Вот сын Тополя, сбивший преследователей со следа!» — с облегчением подумал сын Леопарда.

Действительно, никакого шума погони позади Нама не было слышно. Над равниной царила тишина.

Вскоре тонкий силуэт молодого воина вырисовался между двумя сикоморами, и Нао с радостью убедился, что чутье не обмануло его: это и вправду был Нам, озаренный ярким серебряным светом полной луны. Минуту спустя юноша появился у подножия холма.

Нао спросил его:

— Кзамы потеряли след Нама?

— Нам увлек их за собой далеко на север, затем побежал во всю прыть и оставил врагов позади. Чтобы уничтожить следы, он долго шел по воде и остановился только тогда, когда ни глазом, ни слухом, ни обонянием не мог обнаружить близости людоедов.

— Хорошо! — сказал Нао, кладя руку ему на плечо.— Нам ловкий и хитрый воин. Но что же произошло с Гавом?

— Сына Сайги преследовали другие Кзамы. Нам нигде не встретил его следа.

— Мы подождем Гава. А теперь пусть Нам посмотрит...

Не выпуская руки юноши, Нао повел его за собой. Они обогнули выступ холма, и молодой воин увидел в небольшой расселине яркий огонек, весело мерцавший, словно скатившаяся с неба звездочка.

— Вот,— просто сказал сын Леопарда,— Нао добыл Огонь.

Молодой Уламр радостно вскрикнул; глаза его расширились от восхищения. Он простерся на земле перед Нао и, задыхаясь от волнения, прошептал:

— Нао — великий воин! Он один хитроумнее, чем целое племя людей. Он станет вождем Уламров, и никакой враг не сможет устоять против него!

Они уселись на землю возле крохотного огонька, и им показалось, что он согревает их так же жарко, как некогда большой костер на стоянке племени, охранявший их сон в родных пещерах, под холодными звездами, среди блуждающих огоньков Большого болота.

Теперь молодых воинов не страшила больше мысль о возвращении, об огромном расстоянии, отделявшем их от родных мест. Когда они покинут берега Большой реки, Кзамы вынуждены будут прекратить преследование, и на дальнейшем пути похитителям Огня могли угрожать только хищники и стихии природы.

Долго предавались радужным мечтам Уламры; будущее не пугало их, и жизнь, казалось, обещала одни только радости. Но, когда луна начала спускаться к западу, беспокойство незаметно закралось в их сердца.

— Что случилось с Гавом? — озабоченно проговорил Нао.— Неужели ему не удалось уйти от Кзамов? Вдруг он забрел в болото или попал в западню?

Вокруг все было по-прежнему тихо; голоса ночных хищников постепенно смолкали вдали. Даже ночной ветерок не шевелил больше камыши на берегах Большой реки. Лишь бессонный рокот речных струй нарушал торжественное молчание ночи.

Что же делать? Ждать ли рассвета или пуститься, не теряя времени, на поиски сына Сайги?

Нао претила мысль оставить только что завоеванный Огонь на попечение Нама. Но образ Гава, преследуемого по пятам свирепыми людоедами, неотступно стоял перед его глазами, побуждая к немедленным действиям. Конечно, долг перед племенем требовал, чтобы Нао думал в первую очередь об Огне, предоставив сына Сайги его судьбе. Однако за время совместных странствий сын Леопарда успел привязаться к своим молодым спутникам. Они стали как бы частью его существа, и опасности, грозящие им, тревожили Нао даже больше, чем те, ко-

торые угрожали ему самому, потому что он знал, что Нам и Гав менее приспособлены к борьбе со стихиями и хищниками, а тем более с людьми.

— Нао пойдет искать следы Гава! — сказал он наконец.— Он оставит сына Тополя ухаживать за Огнем. Нам не должен спать: он будет смачивать водой кору плетенки, если она перегреется, и может отлучиться от Огня только для того, чтобы дойти до берега реки и обратно!

— Нам будет охранять Огонь, как собственную жизнь! — решительно сказал молодой воин. И добавил гордо: — Сын Тополя хорошо умеет ухаживать за Огнем. Мать научила его этому, когда он был еще не больше волчонка.

— Слушай дальше. Если Нао не вернется к тому времени, когда солнце поднимется над верхушками тополей, Нам уйдет под защиту мамонтов. Если же Нао не придет до конца дня, Нам отправится один к становищу Уламров.

Бросив прощальный взгляд на драгоценную плетенку с Огнем, Нао ушел. На сердце у него было неспокойно. Много раз он оборачивался, чтобы еще раз посмотреть на хрупкую фигурку Нама, заботливо склонившегося над плетенкой.

Нао казалось, что он все еще различает в ней маленькое красноватое пламя, между тем как в действительности слабый свет Огня уже давно растворился в ярком сиянии луны.

Глава шестая

ПОИСКИ ГАВА

Для того чтобы отыскать следы Гава, Нао решил вернуться к становищу людоедов.

Он шел медленно. Раненое плечо горело под повязкой из листьев ивы, в голове шумело; на темени, в том месте, куда пришелся удар палицы, образовалась большая опухоль.

Грустные мысли терзали Уламра. Даже теперь, после завоевания Огня, ему и его молодым спутникам продол-

жали угрожать бесчисленные опасности. Когда-то они вернутся к своему племени и удастся ли им вообще вернуться живыми?

Наконец он дошел до опушки ясеневой рощи, откуда несколько часов назад он и его юные товарищи впервые увидели стоянку Кзамов. Но если тогда свет восходящей луны меркнул в ярком пламени костра, то теперь стоянка казалась покинутой; головни, которые Нао раскидал, уходя, давно угасли, и темная ночь нависла над неподвижными телами людей и разбросанными в беспорядке оружием и утварью.

Напрягая слух, зрение и обоняние, Нао попытался определить, вернулись ли назад преследователи. Но все было тихо в стане врагов, лишь изредка жалобно стонали раненые.

Тогда Нао решительно зашагал к становищу. Раненые мгновенно перестали стонать, и казалось, что у погасшего костра лежат одни трупы.

Но Нао не стал задерживаться здесь. Найдя место, откуда Гав пустился бежать, сын Леопарда легко разыскал его след. Вначале идти по нему было нетрудно: Гав бежал почти по прямой, и отпечатки его ног сопровождались многочисленными глубокими следами преследователей — Кзамов. Но вскоре след Гава отклонился в сторону и принялся описывать среди холмов петли и замкнутые круги, проникая в заросли кустарника, и наконец уперся в болото. Нао с трудом снова разыскал его на берегу реки. Следы теперь были влажными, как будто Гав и его преследователи вышли из воды.

На опушке густой рощи из высоких стройных сикомор следы Кзамов разошлись в разные стороны. Очевидно, людоеды разделились на несколько групп. Нао удалось все же разобраться в путанице следов и отыскать нужное направление.

Он прошел еще тысячи три-четыре локтей, но затем вынужден был остановиться: тяжелые тучи заволокли луну, а заря еще не занималась. Сын Леопарда сел у подножия смоковницы, видевшей на своем веку не менее десяти поколений людей, и стал ждать рассвета. Ночные хищники уже закончили охоту, дневные животные еще не проснулись в своих норах, в дуплах деревьев или в чаще густого кустарника, куда они забрались на ночь.

Нао отдыхал, нетерпеливо поглядывая на восток, где за линией холмов медленно занималась осенняя заря, тусклая, холодная и неприветливая. Мертвенный белесый свет, разливавшийся по вершинам деревьев, озарял поблекшие сухие листья и опустевшие птичьи гнезда. Предрассветный ветерок налетал порывами, и Нао казалось, что это вздыхают, пробуждаясь от сна, столетние смоковницы.

Он поднялся навстречу этому утреннему свету, еще бледному, словно пепел угасшего костра, съел кусок высушенного мяса и, пригнувшись к земле, снова двинулся по следу Гава.

Из рощи смоковниц след вывел Нао на песчаную равнину, поросшую редкой травой и низкорослым кустарником, затем свернул в тростниковую заросль на краю обширного болота, поднялся по косогору, долго кружил между пологими холмами и наконец оборвался на берегу небольшой реки, которую Гав, очевидно, перешел вброд.

Нао в свою очередь переправился на противоположный берег и там после долгих поисков обнаружил, что следы двух групп Кзамов здесь сходятся — видимо, они окружали Гава.

В продолжение нескольких минут сын Леопарда стоял в нерешительности, не зная, что предпринять. Он понимал, что целесообразнее было бы предоставить беглеца его судьбе и не рисковать ради него жизнью Нама и своей собственной. Но все его существо восставало против подобной жестокости. Увлеченный преследованием, он уже не мог остановиться, а смутная надежда, невзирая ни на что, продолжала жить в его сердце.

Теперь Нао должен был опасаться встречи не только с двумя группами преследователей Гава, но и с отрядом, который пустился в погоню за Намом и потерял его следы. Встреча с этим отрядом таила особую опасность. Кзамы, потерявшие след сына Тополя, имели достаточно времени для того, чтобы занять выгодную позицию, окружить Нао и отрезать ему путь к отступлению.

И все же, положившись на быстроту своих ног и присущую ему сообразительность, сын Леопарда, не колеблясь больше, пошел по следу Гава, лишь изредка останавливаясь, чтобы оглядеть окрестность.

Рыхлая почва равнины сменилась твердым гранитом,

едва прикрытым тончайшим слоем чернозема. След огибал подножие холма с отвесными, крутыми склонами.

Нао решил взобраться на холм. Отпечатки следов на земле были совсем свежие, и он надеялся увидеть с вершины холма самого Гава или хотя бы одну из групп его преследователей.

Цепляясь за кусты, Уламр стал карабкаться по крутому склону и вскоре достиг вершины. Бросив тревожный взгляд на открывшуюся перед ним равнину, он не смог удержаться от слабого восклицания. Нао увидел Гава; молодой воин бежал по участку красной глины, казавшемуся обагренным кровью бесчисленных стад.

За ним, на расстоянии тысячи локтей, бежали несколько широкоплечих, длинноруких, коротконогих Кзамов. С севера, наперерез беглецу, приближалась другая группа людоедов. Однако, несмотря на то, что погоня длилась уже несколько часов, сын Сайги, по-видимому, сохранил еще достаточно сил, и в поступи его не было заметно усталости. Во всяком случае, Кзамы были явно более утомлены, чем он.

В продолжение этой долгой осенней ночи Гав бережно расходовал свои силы, пускаясь бежать во всю силу, только чтобы избегнуть засады или подразнить своих преследователей. Но, к несчастью, в пылу бегства он потерял ориентировку и теперь не знал, в каком направлении находится холм, где Нао назначил ему свидание.

Осторожно высунув голову из густого кустарника, Нао с замирающим сердцем наблюдал за погоней. Гав бежал к сосновому лесу, темневшему на северо-востоке. Ближайшие к нему преследователи, рассыпавшись цепью длиной в тысячу локтей, преграждали отступление на юг. Группа, появившаяся с севера, разгадав замысел Гава, вдруг переменила направление. Очевидно, Кзамы решили добраться до опушки леса одновременно с сыном Сайги.

Положение беглеца не было ни безнадежным, ни даже опасным при условии, если, попав под прикрытие леса, он сразу же свернет на северо-запад. Проворный сын Сайги мог без труда значительно опередить Кзамов, и, если Нао к тому времени присоединится к нему, они вместе направятся к берегам Большой реки.

Оглядев окрестность, Нао увидел, что, скрываясь в

высоком кустарнике, можно незаметно подобраться почти вплотную к опушке леса с западной стороны.

Нао собрался было спуститься на равнину, чтобы привести свой замысел в исполнение, как вдруг новое грозное обстоятельство заставило его остановиться: на северо-западе появился третий отряд Кзамов. Гав мог теперь выбраться из окружения, только бросившись во всю прыть в западном направлении. Но он, по-видимому, не заметил новой опасности и не спеша бежал по прямой.

В груди Нао снова вспыхнули противоречивые чувства. Он понимал, что, пытаясь спасти Гава, подвергает опасности завоеванный им для племени Огонь, жизнь Нама и свою жизнь. И снова чувство привязанности к молодому воину одержало верх над осторожностью.

Бросив еще один пристальный взгляд на равнину и запечатлев в памяти ее особенности, сын Леопарда поспешно спустился с холма и под прикрытием кустарника побежал на запад.

Когда кустарник кончился, он скользнул в высокую траву и, согнувшись, понесся стрелой к опушке леса. Он бежал значительно быстрее, чем Гав и Кзамы, которые берегли дыхание и силы, и первым очутился на опушке.

Теперь следовало известить беглеца о своем присутствии. Нао трижды крикнул, подражая крику оленя,— это был обычный охотничий сигнал Уламров. Но расстояние было слишком большим, и Гав не расслышал, а быть может, озабоченный мыслью о преследователях, не обратил внимания на сигнал.

Тогда Нао решил показаться врагам. Он выскочил из высоких трав и издал громкий боевой клич Уламров. Протяжный рев, подхваченный всеми отрядами Кзамов, наступавшими с юга, севера и востока, был ему ответом.

Гав остановился как вкопанный, не веря себе от удивления и радости. Затем, убедившись, что слух и зрение не обманули его, со всех ног кинулся к сыну Леопарда.

Видя, что Гав заметил его, Нао побежал прямо на запад, уверенный, что сын Сайги последует за ним. Но вновь прибывший отряд Кзамов, разгадав его замысел, тоже изменил направление и несся теперь наперерез беглецам, между тем как первые два отряда бежали со всей скоростью в направлении, почти параллельном Нао.

План людоедов был понятен: они преграждали беглецам дорогу на север, юг и восток, тесня их к западу, где вставала высокая каменная гряда, казавшаяся неприступной.

Увидев, что Нао и Гав все-таки бегут к этой гряде, Кзамы испустили радостный вопль и еще теснее сжали кольцо вокруг Уламров. Некоторые уже были в пятидесяти локтях и на ходу метнули в них копья, к счастью просвистевшие мимо. Но Нао, увлекая за собою Гава, неожиданно нырнул в кусты и скрылся в узком ущелье, которое он высмотрел с вершины холма.

Людоеды заревели от бешенства; часть их последовала за Уламрами в ущелье, другие бросились в обход препятствия.

* * *

Нао и Гав вихрем неслись вдоль ущелья. Они намного опередили бы Кзамов, если бы почва здесь не была такой неровной и изрытой. Когда они выскочили из ущелья по ту сторону каменной гряды, трое людоедов, успевших обогнуть препятствие, преградили им путь к северу.

Нао мог бы податься в противоположную сторону, к югу, но и оттуда доносился нарастающий шум погони: и здесь дорога была отрезана. А из ущелья с минуты на минуту должны были появиться воины, устремившиеся туда вслед за беглецами. Каждая секунда колебания грозила гибелью.

Нао молниеносно принял решение. Держа палицу в одной руке и топор в другой, он смело бросился на Кзамов, Гав, не отставая от него, выхватил копье. Опасаясь упустить противников, людоеды кинулись в разные стороны. Нао с угрожающим криком ринулся на ближайшего молодого высокого воина. Тот поднял топор, готовясь отразить нападение. Сокрушительный удар палицы выбил у него из рук оружие, второй уложил Кзама на месте.

Тем временем двое других Кзамов набросились на Гава, рассчитывая быстро справиться с ним и затем соединенными силами напасть на сына Леопарда. Гав метнул дротик в одного из противников и ранил его, но не опасно. Прежде чем Гав успел поднять копье, Кзам ударил молодого Уламра в грудь. Сын Сайги быстро отскочил в сторону и тем спасся от второго удара, который был бы смертельным.

Кзамы ринулись за ним. Один атаковал сына Сайги спереди, другой в это время готовился ударить его сзади. Казалось, Гав был обречен. Но в ту же минуту на помощь подоспел Нао. Он взмахнул своей огромной палицей, и один из людоедов повалился на землю с раздробленным черепом. Второй отступил к северу под защиту большой группы сородичей, спешивших к месту сражения.

Но было уже поздно. Уламры вырвались из западни и устремились по открытому месту к западу, с каждым скачком увеличивая расстояние между собой и врагами.

Они бежали долго, то по гулкой каменистой равнине, звеневшей под их ногами, то по влажно хлюпающей почве болота, то среди свистящих от ветра степных трав. Местами дорогу им преграждал густой кустарник или крутой холм, на который они взбирались, задыхаясь, и стремительно скатывались вниз. Прежде чем солнце достигло зенита, расстояние между ними и Кзамами достигло почти шести тысяч локтей. Иногда им казалось, что враги уже оставили погоню, но, поднявшись на вершину какого-нибудь холма, они в скором времени обнаруживали разъяренную свору людоедов, упорно бежавших по их следу.

Гав заметно ослабел. Кровь сочилась не переставая из раны на его груди; иногда она текла тоненькой струйкой, и тогда Уламры надеялись, что рана закрывается. Но стоило юноше сделать резкое движение или споткнуться, как кровь снова заливала грудь молодого воина.

Встретив на пути группу молодых тополей, Нао поспешно оборвал с них листья и соорудил повязку, приладив ее кое-как к груди Гава. Но кровь продолжала капать из-под листьев. Гав бежал все медленней и медленней, и каждый раз, оборачиваясь, Нао убеждался, что передовые Кзамы догоняют их.

Сын Леопарда в бессильном гневе подумал, что, если Гав не сумеет собрать свои силы и бежать быстрее, людоеды настигнут их прежде, чем они очутятся под защитой стада мамонтов.

Между тем слабость Гава росла с каждым шагом. Он с огромным трудом взобрался по склону холма и, очутившись на вершине, остановился, шатаясь. Сердце юноши, казалось, готово было выскочить из груди, ноги подкосились, лицо стало пепельно-серым.

Нао обернулся и, увидев, что озверелая толпа Кзамов уже начала взбираться по склону холма, понял, что расстояние между ними и преследователями снова сократилось.

— Если Гав не соберется с силами и не побежит,— сказал Нао глухим голосом,— людоеды настигнут Уламров раньше, чем они доберутся до Большой реки.

— У Гава темно в глазах и в ушах шум, словно треск сверчка,— чуть слышно проговорил молодой воин.—

Пусть сын Леопарда продолжает путь один... Гав умрет за Огонь... и за Нао...

— Нет, Гав не умрет! — яростно воскликнул Нао.

Обернувшись в сторону Кзамов, Нао испустил боевой клич, затем схватил Гава на руки, перебросил через плечо и снова пустился бежать. Первое время ему с неимоверным напряжением сил удавалось сохранять расстояние, отделявшее его от преследователей, но вскоре его железные мускулы стали сдавать. Вниз, под уклон, увлекаемый тяжестью Гава, он бежал даже быстрее, чем Кзамы, но, очутившись у подножия холма, почувствовал, что дыхание его участилось и ноги стали тяжелыми. Если бы не рана на бедре, горевшая как в огне, если бы не удар палицей по черепу, от которого у него до сих пор стоял шум в ушах, Нао даже с Гавом на плече мог бы, пожалуй, опередить коротконогих Кзамов, утомленных к тому же долгим преследованием. Но сейчас это было свыше его сил. Ни одно живое существо в саванне и в лесу не смогло бы выдержать такое длительное, неимоверное напряжение...

С каждой минутой Кзамы догоняли Нао. Он слышал уже тяжелый топот их ног и, не оборачиваясь, знал, на каком они расстоянии: пятьсот локтей... четыреста... двести...

Нао остановился и осторожно положил Гава на землю. Глаза его растерянно блуждали по сторонам, дыхание со свистом вырывалось из груди, колени дрожали.

— Гав, сын Сайги,— сказал он после мучительной паузы,— Нао не может больше нести тебя, не может спасти от Пожирателей Людей...

Юноша с трудом поднялся на ноги и угасшим голосом прошептал:

— Нао должен оставить Гава и спасать Огонь!

Он расправил онемевшие от неудобного положения руки и встряхнулся, прогоняя тяжелую дремоту, овладевшую им от слабости, пока Нао тащил его на плечах.

Кзамы, бывшие теперь лишь в шестидесяти локтях от них, уже выхватили на бегу дротики, готовясь к атаке. Нао, решив отступить только в самую последнюю минуту, обернулся к ним. Первые дротики врагов уже свистели в воздухе, но большая часть их упала на землю,

не долетев до Уламров. Только один дротик слегка оцарапал ногу Гава, но не глубже, чем шип терновика. Зато дротик, брошенный Нао, пронзил насквозь одного людоеда, а другого, опередившего своих товарищей, Уламр убил наповал ударом копья. Этот мужественный отпор внес замешательство в ряды авангарда Кзамов. Испустив яростный вопль, они остановились, решив, по-видимому, дождаться подкрепления.

Уламры воспользовались этой передышкой. Укол дротика как будто заставил Гава очнуться. Дрожащей рукой он схватил копье, готовясь метнуть его в противников, когда они приблизятся.

Заметив это движение, Нао спросил:

— К Гаву снова вернулась сила? Тогда пусть он лучше бежит дальше! А Нао задержит погоню!

Молодой воин колебался, но сын Леопарда повелительно повторил:

— Беги!

И Гав побежал, сначала медленно и неуверенно, но с каждым шагом все тверже и быстрей. Нао попятился назад, держа наготове по копью в каждой руке.

Кзамы с опаской глядели на него, не зная, на что решиться. Наконец их вождь скомандовал атаку. Дротики просвистели в воздухе, и Кзамы бросились к Нао. Уламру опять удалось поразить двух противников, и, воспользовавшись новым замешательством в рядах людоедов, он повернулся и побежал.

Погоня возобновилась. Гав то бежал с прежней скоростью, то с трудом передвигал слабеющие ноги и едва переводил дыхание. Нао тянул его за руку, но это мало помогало. Кзамы не спеша бежали за ними, уверенные, что теперь добыча никуда не уйдет от них.

Нао уже не мог снова взвалить Гава на плечо и нести на себе: рана его горела, усталость сковывала тело, в голове стоял шум. В довершение всего он ушиб ногу о камень и теперь бежал прихрамывая.

— Оставь Гава! Пусть он умрет! — слабым голосом повторял молодой воин.— Сын Леопарда расскажет Уламрам, что Гав хорошо сражался!..

Нао мрачно молчал, прислушиваясь к топоту ног за своей спиной. Кзамы были едва в двухстах локтях, затем и это расстояние сократилось...

Беглецы с трудом поднимались по косогору. Собрав все свои силы, сын Леопарда помог Гаву добраться до вершины. Очутившись там, он, задыхаясь от волнения и страха, бросил взгляд на запад и вдруг радостно закричал:

— Большая река! Мамонты!

Могучая река величаво катила свои воды у самого подножия холма. Зеркальная поверхность ее ослепительно сверкала на солнце в обрамлении тополей, вязов, лозняка и ольхи. Мамонты виднелись в трех-четырех тысячах локтей.

Стадо спокойно паслось, поедая траву и молодые побеги деревьев.

Почувствовав внезапный прилив сил, Нао ринулся вниз, увлекая за собой Гава. В одну минуту Уламры опередили преследователей на сотню локтей. Но это был лишь короткий порыв.

Локоть за локтем Кзамы наверстывали потерянное расстояние, испуская время от времени протяжный боевой клич.

Еще целых две тысячи локтей отделяли беглецов от стада мамонтов, а людоеды уже преследовали их по пятам...

Они бежали ровной, уверенной поступью и не спешили напасть на Уламров, которые направлялись прямо к стаду мамонтов. Кзамы знали, что при всем своем миролюбии эти гиганты не терпят чужого присутствия; поэтому они думали, что раньше или позже беглецы вынуждены будут остановиться.

Уламры слышали уже тяжелое дыхание людоедов за своей спиной, а нужно было пробежать еще не меньше тысячи локтей...

Тогда Нао протяжно крикнул. В ответ на этот крик из платановой рощи выбежал человек, а один из мамонтов, подняв хобот, пронзительно затрубил. Тотчас же три мамонта отделились от стада и зашагали вслед за своим вожаком навстречу сыну Леопарда.

Кзамы радостно закричали и остановились. Им оставалось только ждать отступления Уламров, чтобы окружить их и уничтожить.

Но, к их глубочайшему изумлению, Нао и Гав продолжали бежать прямо навстречу могучим животным.

Пройдя сотню локтей, сын Леопарда остановился, повернул к людоедам свое осунувшееся от безмерной усталости лицо с глубоко запавшими глазами, в которых горело торжество, и крикнул:

— Уламры заключили союз с мамонтами! Нао не страшны теперь Пожиратели Людей!

Пока он говорил это, мамонты приблизились к беглецам, и вожак стада положил свой хобот на плечо Нао.

Сын Леопарда продолжал:

— Нао отнял у людоедов Огонь! Он убил четырех стражей Огня на стоянке Кзамов и еще четверых во время погони!

Кзамы завыли от бешенства, видя, что добыча ускользнула от них. Но, так как мамонты приближались к ним, они поспешно обратились в бегство, не смея и думать о каком-либо противодействии признанным властителям Земли.

Глава седьмая

ПОД ЗАЩИТОЙ МАМОНТОВ

Нам хорошо заботился об Огне в отсутствие Нао. Огонь горел в плетенке чистым и ярким пламенем. И несмотря на то, что усталость была непомерной, что боль от раны терзала тело, словно острые волчьи клыки, а голова кружилась и пылала от жара, сын Леопарда почувствовал себя бесконечно счастливым. Мысль о близкой смерти не угнетала его больше, и сердце большого Уламра снова было полно надежд. Не умея еще ни предвидеть будущее, ни даже думать о нем, он всем существом своим отдавался сладостному ощущению покоя и безопасности. В памяти вставали картины родных мест: он видел весеннее убранство болот, камыши, словно вонзившие в небо зеленые стрелы своих прямых стеблей, свежую листву ольхи, ив и тополей, стремительный полет чирков, цапель, диких голубей, звонкое щебетание синиц и зябликов и теплые струи весеннего дождя, который падает на проснувшуюся землю, словно сама жизнь.

И в разливе весенних вод, и в буйном цветении степных трав, и в зеленой чаще деревьев ему мерещился образ гибкой и стройной Гаммлы... Вся радость жизни была сосредоточена для Нао в ее больших темных глазах, то задумчивых, то веселых, то лукавых, то ласковых...

Помечтав перед Огнем, Нао принялся собирать травы и съедобные корни растений, чтобы поднести их своему покровителю — вожаку мамонтов. Он понимал, что союз с властителями Земли будет прочным только в том случае, если возобновлять его каждый день.

После этого он выбрал наконец место для отдыха в самой середине громадного стада и растянулся там, приказав Наму стать на страже.

— Если мамонты покинут пастбище,— сказал Нам,— я разбужу сына Леопарда!

— Пастбище обширно, и мамонты не покинут его до вечера,— ответил Нао.

И, положив под голову руку, он заснул как убитый.

Когда Нао проснулся, солнце уже клонилось к закату. Розовые облака постепенно заволакивали пожелтевший диск, похожий на громадный цветок кувшинки.

Нао чувствовал себя разбитым — все суставы мучительно ныли, голова горела, озноб то и дело пробегал по спине. Но шум в ушах ослабел, и рана на плече начала затягиваться.

Он с трудом поднялся, бросил взгляд на плетенку с Огнем и только потом спросил сына Тополя:

— Кзамы вернулись?

— Они никуда не уходили... Враги стерегут нас на берегу реки, напротив того островка с высокими тополями.

— Пусть стерегут,— ответил с усмешкой сын Леопарда.— У них нет Огня, который мог бы согреть их в холодную осеннюю ночь. Скоро они потеряют терпение и вернутся к своему племени. А теперь пусть Нам в свою очередь ложится спать.

Нам послушно улегся на охапку сухих листьев и лишайника, а Нао подошел к Гаву, метавшемуся в беспокойном сне. Голова юноши пылала, дыхание со свистом вырывалось из груди, но рана больше не кровоточила, и Нао понял, что опасность не угрожает жизни его

молодого спутника. Сыну Леопарда страстно хотелось развести большой костер, но он понимал, что это может не понравиться мамонтам. А ему во что бы то ни стало нужно было узнать, согласится ли вожак мамонтов, чтобы Уламры провели ночь под защитой стада.

Нао стал искать глазами большого мамонта. По обыкновению, тот стоял один поодаль, чтобы лучше видеть окрестности и следить за стадом. Он срывал молодые побеги деревьев, чуть выступавшие на поверхность земли.

Сын Леопарда снова нарвал съедобных корней папоротника и травы, присоединил к ним болотные бобы и, держа на вытянутых руках свой дар, направился к большому мамонту.

При его приближении мамонт перестал обгладывать молодые побеги; он дружелюбно взмахнул мохнатым хоботом и сделал несколько шагов навстречу человеку. Увидев в руках Нао вкусную пищу, мамонт проявил признаки явного удовольствия. Он уже начинал чувствовать привязанность к этому странному двуногому существу.

Уламр протянул мамонту угощение и сказал:

— Вождь мамонтов! Кзамы еще не покинули берега Большой реки. Они стерегут Уламров. Мы не боимся Кзамов, но нас всего трое, а Кзамов больше, чем у всех нас пальцев на руках и на ногах. Они убьют Уламров, если те уйдут от мамонтов.

Мамонт не был голоден, так как пастбище изобиловало сочной травой. Он задумчиво жевал принесенные Уламром коренья и бобы. Затем он не спеша оглядел окрестности, несколько мгновений смотрел на заходящее солнце, потом улегся на землю и обвил хоботом торс Нао.

Нао понял, что союз с сильнейшими существами на Земле стал еще более прочным и что сам он, Гав и Нам могут оставаться под защитой стада мамонтов до полного выздоровления. И, быть может, им будет даже позволено зажечь вечером костер, чтобы вкусить наконец сладость жареного мяса, печеных каштанов и съедобных кореньев.

Солнце скатилось уже к самому горизонту, и диск его стал багровым, словно налился кровью. Облака вспых-

нули, охваченные гигантским небесным пожаром: то красные, как цветы канны, то оранжевые, как поля цветущего лютика, то лиловые, как вересковые заросли весной. Огни их отражались в зеркальной глади речных вод и, казалось, пронизывали темную глубину.

Этот осенний вечер совсем не походил на пышное великолепие долгих летних закатов, но было в нем столько красоты и грусти, что суровая душа Нао невольно поддавалась его обаянию. И в который уже раз сын Леопарда с изумлением спрашивал себя: кто же зажигает по вечерам в небе эти величественные костры, что за живые существа обитают на высокой небесной горе, среди звезд и облаков?

* * *

Трое суток Нао, Гав и Нам жили среди мамонтов. Мстительные Кзамы по-прежнему прятались в зарослях на берегу Большой реки, надеясь застигнуть врасплох ненавистных Уламров и отомстить им за украденный Огонь и гибель своих соплеменников.

Нао не боялся больше людоедов; его союз с мамонтами крепнул изо дня в день. Он быстро поправлялся, набирая силу; шум в голове уже не мучил его, рана на плече затягивалась, жар прошел. Гав также выздоравливал.

Часто трое Уламров, взобравшись на вершину холма, издевались над своими врагами.

Нао кричал им:

— Зачем Кзамы бродят вокруг пастбища? Перед силой мамонтов вы все равно что шакалы перед серым медведем! Топоры и палицы Кзамов не могут устоять перед топором и палицей Нао! Если Кзамы не уберутся к своему племени, Уламры заманят их в ловушку и перебьют всех до единого!

Нам и Гав издавали воинственные крики и потрясали копьями. Но Кзамы не обращали никакого внимания на насмешки и продолжали бродить по саванне, среди камышей и кустарников. В роще сикомор, меж тополей, ясеней и кленов Уламры вдруг замечали косматый торс или всклокоченную голову притаившегося Кзама, который подстерегал их. По вечерам неясные силуэты врагов внезапно возникали из темноты и снова скрывались.

И хотя Уламры не испытывали больше страха перед Кзамами, эта упорная слежка раздражала и озлобляла их. Она мешала молодым воинам отдаляться от стада мамонтов, чтобы исследовать местность; она угрожала их будущему, потому что Уламры скоро должны были покинуть своих могучих союзников и направиться на север, к становищу родного племени. Как сделать, чтобы враги оставили их след? Нао думал об этом в долгие часы вынужденного бездействия.

Трижды в день сын Леопарда приносил вожаку мамонтов стебли растений, сладкие корни и болотные бобы. Он часто и подолгу просиживал возле могучего зверя, стараясь понять его язык или научить мамонта понимать человеческий.

Мамонт охотно прислушивался к человеческой речи. Он шевелил перепончатыми ушами и, словно в раздумье, медленно покачивал большой головой; странный свет загорался иногда в глубине его маленьких коричневых глазок, веки прищуривались, и Нао казалось, что мамонт смеется.

В такие минуты Нао думал:

«Большой мамонт понимает Нао... но Нао еще не понимает речи мамонта...»

Принося мамонту угощение, Уламр кричал издалека:

— Вот! Нао принес мамонту пищу!

Мамонт привык к этому крику и тотчас же устремлялся навстречу Нао. Он разыскивал Уламра даже тогда, когда тот нарочно прятался в кустарнике или за деревьями, и брал из рук человека вкусные корни, свежие, влажные стебли или спелые плоды.

Мало-помалу человек и мамонт научились звать друг друга без всякого повода. Мамонт, призывая Нао, тихонько трубил. Нао же внятным голосом произносил какое-нибудь короткое слово. Они любили бывать вместе.

Человек садился на землю, и мамонт бродил вокруг него, а иногда, играя, осторожно обхватывал его хоботом и поднимал над землей.

Для того чтобы закрепить этот союз, Нао приказал своим молодым спутникам приносить дары двум другим мамонтам, и те также привыкли к молодым Уламрам, как их вожак к Нао. Затем Нао показал Наму и Гаву, как

приучить животных к своему голосу, и на пятый день еще два мамонта стали приходить на зов юношей.

Однажды вечером, перед наступлением сумерек, Нао собрал большую кучу хвороста и опавших листьев и осмелился поджечь ее.

Воздух был сухой и холодный, ветерок едва колыхал ветви деревьев. И Огонь принялся расти, сперва черный от дыма, а затем яркий, гулкий и багровый, словно осенняя заря.

Мамонты со всех сторон сбежались к костру. Видно было, как тревожно шевелятся их перепончатые уши и волосатые хоботы, как испуганно блестят маленькие глазки. Некоторые нервно затрубили. О, они хорошо знали Огонь! Они встречались с ним в саванне и в лесу во время страшных пожаров, когда молния падала с неба и зажигала траву и деревья. Он гнался за ними по пятам, грозно воя и треща; его красные зубы разрывали их неуязвимую для всех зубов и когтей кожу, причиняя нестерпимую боль. Самые старые вспомнили товарищей, схваченных этим страшным чудовищем и не вернувшихся больше к стаду. И могучие звери боязливо и недоверчиво созерцали коварное пламя, вокруг которого сидели странные двуногие существа.

Чувствуя недовольство мамонтов, Нао подошел к вожаку и сказал:

— Огонь, зажженный Уламрами, не может побежать. Он не начнет пожирать траву и деревья. Он не бросится на мамонтов и не причинит им вреда. Нао держит Огонь в своей власти и не дает ему возможности делать зло.

Огромный зверь, стоя в десяти шагах от Огня, с интересом смотрел на пламя, более любопытный, чем его сородичи, проникнутый смутным доверием к своим маленьким слабым друзьям, которые так спокойно сидели у костра, протягивая к нему руки. Постепенно большой мамонт перестал испытывать страх и успокоился. А так как поведение вожака в течение долгих лет служило образцом для всего стада, остальные мамонты тоже перестали тревожиться. Они с удивлением смотрели на неподвижный Огонь Уламров и уже не боялись его, как того страшного красного зверя, который мчится, словно вихрь, по необозримой саванне, уничтожая все живое на своем пути.

Так Нао добился права разводить костер посреди стада мамонтов. И в этот вечер впервые за долгие месяцы Уламры насладились жареным мясом, грибами и съедобными кореньями.

* * *

На шестой день осады упорство Кзамов стало нестерпимым для Нао.

Он уже вполне оправился от ран, и бездействие томило его невыносимо. Большого Уламра тянуло на север, к знакомым местам, к становищу родного племени.

Заметив как-то притаившихся среди платанов косматых людоедов, он крикнул им, охваченный внезапным гневом:

— Кзамам не удастся уничтожить Уламров!

Затем он позвал своих спутников и сказал им:

— Пусть Нам и Гав кликнут мамонтов, с которыми они заключили союз, а Нао заставит следовать за собой вожака мамонтов. Тогда Уламры смогут дать бой Пожирателям Людей.

Спрятав Огонь в надежное место, Уламры нарвали достаточный запас вкусных трав и побегов и позвали своих покровителей. Те немедленно откликнулись на призыв и охотно пошли за ними. Приманивая мамонтов все новыми и новыми охапками любимого корма, Уламры отвлекли их на большое расстояние от пастбища. Время от времени Нао говорил им что-нибудь тихим, ласковым голосом. Однако чем дальше, тем неохотней шли мамонты. Они часто останавливались и, оборачиваясь, глядели назад — видимо, вожака тревожило сознание ответственности за покинутое стадо. Наконец мамонты окончательно остановились, и вожак, вместо того чтобы пойти вперед на призывный крик Нао, в свою очередь позвал его.

Сын Леопарда вернулся вспять, подошел к большому мамонту и положил руку на хобот своего союзника.

— Кзамы спрятались вон в том кустарнике! — сказал он.— Если мамонты помогут нам сразиться с ними, Кзамы не осмелятся больше бродить вокруг стада.

Огромный зверь задумчиво слушал слова человека, по-прежнему поглядывая назад, в сторону оставленного им стада, и не трогался с места. Но Нао, зная, что Кзамы

находятся поблизости, на расстоянии полета дротика, не мог отказаться от своего замысла. Приказав Наму и Гаву следовать за ним, он бросился в кусты. Засвистели пущенные врагами дротики; несколько Кзамов поднялись во весь рост среди зарослей, чтобы вернее целиться в Уламров. И тогда сын Леопарда испустил пронзительный призывный крик...

Вожак мамонтов, по-видимому, понял, что́ от него требовалось. Подняв кверху хобот, он оглушительно затрубил, приказывая стаду следовать за собой, и, сопровождаемый двумя другими мамонтами, ринулся на Кзамов. Нао, Нам и Гав также бросились вперед, потрясая палицами, копьями и топорами. Кзамы, обезумев от страха, разбежались в разные стороны, пытаясь укрыться в зарослях. Но мамонтами внезапно овладел гнев, и они набросились на людоедов с такой яростью, словно встретились со своим давнишним врагом — носорогом. А с берега Большой реки к ним на подмогу мчалась серая лавина стада. Кустарники и деревья гибли под ногами огромных животных, и все звери, скрывавшиеся в зарослях,— волки и шакалы, косули и лани, сайги и кабаны — в ужасе бросились бежать, словно перед наводнением или степным пожаром.

Вожак первым настиг одного беглеца.

Вопя от страха, Кзам распластался на земле. Но мускулистый хобот обвился вокруг дрожащего тела, поднял его в воздух и отшвырнул на десяток локтей. Не успел Кзам упасть на землю, как на него опустилась огромная волосатая нога и раздавила, словно насекомое. Другого Кзама пригвоздили к земле гигантские бивни, в то время как третий, еще молодой воин, поднятый высоко над землей, отчаянно кричал и корчился в смертельном объятии.

Стадо приближалось. Как горная лавина, обрушилось оно на заросли, все сметая на своем пути. Земля содрогнулась под его чудовищным натиском. Все Кзамы, прятавшиеся в кустах по берегам Большой реки и в ясеневой роще, были растоптаны, раздавлены, уничтожены.

Только тогда ярость мамонтов утихла.

Вожак, остановившийся у подножия холма, затрубил отбой, и мамонты послушно двинулись к нему. Глаза их

еще сверкали от возбуждения, бока тяжело вздымались.

Избежавшие гибели людоеды без оглядки бежали на юг. Нао, Нам и Гав могли больше не бояться их — Кзамы навсегда отказались от преследования Уламров. Они несли своему племени удивительную весть о союзе людей севера с мамонтами. Сказания об этом необычайном союзе передавались из поколения в поколение еще много тысячелетий спустя...

* * *

Опустошив пастбище, мамонты отправились на поиски нового в низовья Большой реки. Десять дней кочевало стадо вдоль берега. Властители Земли не спешили. Жизнь их была спокойной и размеренной. Они находили корм повсюду: и в камышовых зарослях, и на черноземных просторах равнин, и в чаще старых лесов, и на влажной почве болот. Огромные, могучие животные были неприхотливы и заботились больше о количестве, чем о качестве пищи.

Ни одно живое существо не осмеливалось встать на их дороге. С незапамятных времен мамонты были владыками Земли, полновластными хозяевами своих странствий и своего отдыха. Когда-то давно предки их завоевали мир и потом в течение тысячелетий накапливали опыт и знания, установив строгую иерархию внутри стада и незыблемый распорядок жизни — от походного строя и тактики нападения до выбора пастбища и места для стоянки, заботясь о защите слабых и согласии между сильнейшими. Мамонты обладали высоко развитым мозгом и совершенными чувствами: великолепным зрением, тонким обонянием, отличным слухом, хорошим осязанием.

Огромные и в то же время гибкие, тяжеловесные, но подвижные, мамонты свободно передвигались по воде и по суше. Их могучие и чувствительные хоботы, которые могли обвиваться подобно змее, душить не хуже медведя и работать, как человеческие руки, ощупывали и удаляли с пути все препятствия, определяли источники запахов, разыскивали и выкапывали из-под земли коренья, срывали траву и ветви деревьев. Гигантские ноги могли одним ударом раздавить льва. Не было на свете животных, которые не боялись бы их страшных бивней.

Казалось, ничто не могло остановить победное шествие мамонтов по Земле. Время и пространство принадлежали им. Кто осмелился бы нарушить покой царственных животных, помешать им существовать, размножаться, давая жизнь новым поколениям, таким же многочисленным и могучим, как и предыдущие?

Так думал Нао, следуя за гигантским стадом. Он с трепетом слушал, как гудела земля под ногами огромных животных, и с гордостью взирал на длинные ряды серых колоссов, мирно шествующих под ветвями вековых деревьев вдоль берегов Большой реки. Все живые существа спешили очистить им дорогу, а птицы, желая взглянуть на гигантов, стаями спускались с неба или взлетали из тростниковых зарослей.

Для усталых и измученных трудным походом Уламров это были дни полного отдыха от всех опасностей и тревог. И, если бы не воспоминание о Гаммле, Нао, вероятно, не пожелал бы их завершения. Теперь он хорошо изучил характер мамонтов и убедился, что они совсем не так жестоки и коварны, как другие животные и даже люди. Их вожак был мало похож на Фаума, который внушал недоверие даже самым близким своим друзьям. Он управлял стадом спокойно и мудро, без угроз и вероломства. И не было в стаде ни одного мамонта, который обладал бы таким свирепым и злобным нравом, как Агу и его Косматые братья.

* * *

Мамонты просыпались рано, когда лента реки чуть светлела в предрассветном сумраке и жизнь кругом еще не пробуждалась от сна. Они поднимались с сырой земли и, подняв кверху хоботы, оглушительно трубили, приветствуя рождение нового дня.

Огонь весело трещал, досыта накормленный ветками сосны или сикомора, тополя или липы. И в лесной чаще, и на утонувших в густом тумане берегах Большой реки просыпались звери и птицы, счастливые, что утро снова пришло к ним.

Когда же солнце поднималось над горизонтом, заливая яркими лучами бледное осеннее небо, мамонты принимались резвиться в саванне. Радуясь свежему дыханию утра, они, играя, гонялись друг за другом по берегам реки, затем

собирались вместе и не спеша лакомились вырытыми из-под земли кореньями, свежесорванными молодыми побегами деревьев и травой.

Они искали грибы — моховики и грузди, лисички и трюфели, грызли каштаны и желуди. Потом все стадо спускалось к водопою.

Нао, взобравшись на вершину холма или на скалу, любил смотреть, как мамонты шагают к реке.

Бурые спины гигантов казались издали волнами морского прилива; массивные ноги оставляли в прибрежном иле глубокие впадины, огромные уши шевелились на ходу, словно гигантские летучие мыши, готовые улететь; гибкие, подвижные хоботы были похожи на толстые ветви деревьев; густая шерсть покрывала их, словно мох — вековые стволы, а загнутые кверху мощные бивни, гладкие, будто отполированные, грозно сверкали, как копья сотен воинов, идущих в атаку.

День проходил спокойно, неторопливо и размеренно. Солнце склонялось к западу, и вечер снова спускался на землю. С наступлением сумерек Уламры разводили костер, и Огонь начинал расти. Он пожирал обильную пищу, предложенную ему людьми, жадно набрасывался на смолистые сосновые ветки и сухую траву, задыхался и бледнел, когда в костер подбрасывали зеленые ветви тополя, сырые стебли и листья. Разгораясь, он начинал ровно дышать, высушивал сырую землю, отгонял мрак на тысячу локтей и извлекал из сырого мяса, каштанов и кореньев скрытый в них пленительный аромат и вкус.

Вожак мамонтов скоро привык к Огню и каждый вечер приходил смотреть на него, видимо получая удовольствие от его тепла и света. Он задумчиво глядел на пламя и с интересом следил за движениями Нао, Нама и Гава, которые бросали охапки хвороста в багровую пасть чудовища. Быть может, он догадывался, что мамонты могли бы стать еще более могущественными, если бы научились пользоваться Огнем, как это делали люди.

Однажды вечером большой мамонт подошел к костру совсем близко и протянул к нему хобот, словно желая уловить дыхание этого странного существа с такими изменчивыми очертаниями. Неподвижный и огромный, как гора, он долго следил за пляшущими языками пламени,

потом, схватив хоботом толстую ветвь, подержал ее над костром и бросил в Огонь.

Поднялся столб искр и густого дыма, огненные языки упали, но через несколько мгновений ветвь вспыхнула ярким пламенем. Тогда, покачав головой с довольным видом, мамонт приблизился к Нао и положил свой хобот ему на плечо. Нао, застыв от удивления, стоял неподвижно. Он решил, что мамонты, так же как и люди, умеют обращаться с Огнем, и с изумлением спрашивал себя, почему же они в таком случае проводят ночи в холоде и сырости?

* * *

После этого случая большой мамонт еще теснее сблизился с людьми. Он помогал Уламрам собирать дрова и хворост для вечернего костра и сам подбрасывал их в Огонь, а потом долго стоял неподвижно, словно задумавшись, в багровых отблесках пламени. Он понимал теперь многие слова и жесты Нао и в свою очередь умел показать своим новым друзьям, что́ он от них хочет. Язык первобытных людей в те далекие времена не отличался сложностью; люди разговаривали друг с другом лишь о самых простых, повседневных вещах. Между тем знание мира и ум мамонтов достигли в ту эпоху наивысшего развития.

Если бы вожак мамонтов научился говорить с Нао на языке людей, он мог бы рассказать ему многое такое, чего не знал даже старый Гоун, самый мудрый и долголетний из Уламров.

Но в то время как люди в течение тысячелетий непрерывно развивали и совершенствовали свою речь, а руки их у́чились делать всё новые и новые вещи, мамонты по-прежнему общались между собой с помощью немногих звуков и жестов. И даже когда наиболее смышленым и сообразительным удавалось подметить что-то новое и обогатить свой опыт и знания, они были лишены возможности поделиться своим открытием с другими, обсудить его, обменяться мнениями, как это делали люди. Мудрость каждого мамонта была как бы замкнута в его мозгу и не передавалась остальным. Между тем продолжительность жизни у мамонтов была значительно больше,

чем у людей, потому что люди каменного века обычно погибали задолго до наступления старости. А мамонты жили долго и умирали лишь естественной смертью.

Нао был уверен, что его могучий друг и союзник, сохранивший в старости всю остроту чувств и силу юности, во много раз мудрее старого Гоуна, ум и память которого хранили множество сведений, между тем как суставы уже сгибались с трудом, движения были медленны и неуверенны, глаза видели плохо, а обоняние и слух совсем ослабели.

* * *

Мамонты медленно, но неуклонно продолжали свое шествие вдоль берегов Большой реки, направляясь к ее низовьям. Путь их постепенно расходился с тем, который должен был привести Уламров к становищу родного племени. Река, которая сначала текла прямо на север, здесь отклонялась к востоку, а дальше, сделав крутой поворот, устремлялась обратно, на юг.

Нао забеспокоился. Он понимал, что, если стадо не захочет покинуть богатые кормами берега реки, Уламрам придется расстаться со своими могущественными союзниками.

Между тем и Нао, и Нам, и Гав уже привыкли к спокойному, беззаботному существованию под покровительством огромных животных, и опасности одинокого странствования среди враждебной природы страшили их.

Там, в лесах и равнинах севера, которые им предстояло пересечь в эту дождливую и мрачную осеннюю пору, путников на каждом шагу подстерегали хищники. Смерть караулила у каждой переправы...

Однажды утром Нао подошел к вожаку мамонтов и сказал ему:

— Сын Леопарда заключил союз с мамонтами. Сердце его радуется, когда он среди них. Он был бы готов следовать за мамонтами до конца своей жизни. Но он должен вернуться к своему племени, увидеть Гаммлу на берегах Большого болота. Его дорога лежит на север и на запад. Почему бы мамонтам не свернуть в эту сторону, покинув берега Большой реки?

Он оперся плечом на огромный бивень своего друга,

и вожак, чувствуя его волнение и важность произносимых слов, прислушивался к ним не шевелясь.

Когда Нао кончил говорить, большой мамонт медленно покачал тяжелой головой. Потом тихо тронулся с места и повел за собой стадо вдоль берегов Большой реки.

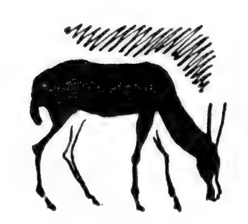
Нао подумал, что это было ответом вожака на его вопрос.

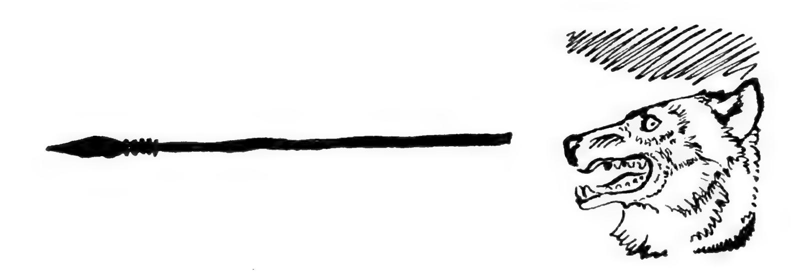
Он сказал себе:

«Мамонтам нужны вода и корм. Если бы Уламры были на их месте, они тоже предпочли бы не расставаться с рекой...»

Он тяжело вздохнул и позвал своих спутников. Они поднялись на вершину холма и долго смотрели вслед огромному стаду. Нао не сводил глаз с удаляющейся фигуры большого мамонта, который приютил их и спас от Кзамов.

На сердце у него было тяжело; горе разлуки и страх перед грядущими опасностями, словно камни, давили на грудь. Бросив унылый взгляд на северо-запад, где расстилалась бескрайняя степь, покрытая пожелтевшей и увядшей травой, сын Леопарда остро почувствовал свою беззащитность и слабость и снова с тоскливой нежностью подумал о мамонтах, об их могуществе, спокойствии и силе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

РЫЖИЕ КАРЛИКИ

Дожди лили не переставая. Нао, Нам и Гав, увязая в грязи, брели под оголенными ветвями деревьев, взбирались на холмы, покрытые бурой, увядшей травой, укрывались на ночь в дупле дерева, в углублении скалы или в расселине почвы.

Пора грибов была в разгаре. Однако молодые воины были очень осторожны в их выборе, помня, что грибы коварны и могут убить человека так же легко, как укус ядовитой змеи. Они ели только те грибы, которые старики научили их когда-то отличать по форме, по цвету и по запаху. Когда мяса не хватало, они собирали белые грибы, моховики, лисички и грузди. Они разыскивали их в сырой чаще, под мокрыми дубами и замшелыми вязами, среди липкой опавшей листвы, в лесных оврагах и под сенью скал.

Теперь, когда у молодых воинов был Огонь, они могли жарить грибы, нанизав их на вертела из прутьев или же разложив на плоских камнях. Они пекли на Огне каштаны, и желуди, и съедобные коренья, грызли плоды букового дерева и запивали пищу сладким кленовым соком.

Огонь был для Уламров источником радости и неустанных забот. Сколько нужно было труда, изобретательности и терпения, чтобы защитить его от ураганов и ливней! Когда дожди лили непрерывно по нескольку часов подряд, они принимались искать убежище для Огня. Если

поблизости не было естественного прикрытия — скалы или дупла дерева,— приходилось создавать искусственное — навес из ветвей или пещеру в земле. Это отнимало много времени.

Немало времени тратили Уламры и на обход препятствий, на поиски брода в тех реках, которые они попросту переплыли бы, если бы не необходимость сберечь Огонь.

Иногда, отыскивая более короткий путь, Уламры забредали в непроходимые топи и потом долго обходили их, чтобы выбраться на сухое место. Путь их все удлинялся, странствие затягивалось, но они только смутно догадывались об этом. День за днем они упорно шли на север, к стране Уламров, руководимые почти звериным инстинктом, лишь изредка сверяя направление по солнцу и звездам.

Неожиданно они очутились на границе пустыни, где однообразие желтых песков изредка нарушалось нагромождениями базальтовых скал. Унылая и неприветливая пустыня преграждала дорогу на северо-запад. Кое-где из-под песка пробивалась редкая колючая трава, несколько чахлых сосен одиноко торчали на склонах дюн, бурые лишайники покрывали скалы.

Эту угрюмую местность обходили даже звери — редко-редко можно было увидеть здесь тощего зайца или невзрачную антилопу, да и те, едва показавшись, поспешно скрывались за дюнами.

Ливень перешел в мелкий, моросящий дождик, и сплошная пелена туч разорвалась на серые клочья, которые стремительно неслись к югу вместе с бесчисленными стаями журавлей, диких гусей и уток, улетавших в теплые края от близящейся зимы.

Нао остановился в нерешительности, боясь углубиться в эту безрадостную местность. День клонился к вечеру, сумерки надвигались на землю, и холодный ветер уныло завывал над голой равниной.

Трое Уламров долго стояли в раздумье, глядя на расстилавшееся перед ними море песка и скал. Их страшило это мертвое пространство. Но у них был большой запас мяса и Огонь так весело горел в плетенках, что они в конце концов решились.

Пять дней шли молодые воины по пескам и голым дюнам, а конца пустыне все еще не было видно. Им

мучительно хотелось есть — запасы мяса истощились, а дичи кругом не было. К страданиям от голода скоро присоединились муки жажды — дожди прекратились, и песок давно всосал всю влагу.

Не раз они опасались за судьбу Огня, который скоро нечем будет поддерживать...

На шестой день трава стала более густой и не такой жесткой; сосны сменились сикоморами, платанами и тополями. Лужи и болотца стали попадаться чаще, песок уступил место серой глине, небо затянулось тяжелыми, низкими тучами, и дождь снова полил, нескончаемый и унылый.

Уламры остановились на ночь под старой осиной. С большим трудом удалось разжечь костер из полусгнившего от сырости хвороста и опавших листьев. Костер трещал и шипел под струями дождя и, казалось, вот-вот захлебнется водой и угаснет.

Первым стал на стражу сын Леопарда; затем наступила очередь Нама. Нао улегся на влажный мох, а сын Тополя принялся хлопотать вокруг костра, мешая угли острым дубовым суком и подсушивая в дыму хворост, прежде чем бросить его в пасть Огню.

Тусклый красноватый свет едва пробивался сквозь дым и влажные испарения, ложился на мокрую глинистую почву, скользил по обнаженным ветвям ближних кустарников и деревьев. За ними плотной, непроницаемой стеной стоял мрак, загадочный и угрожающий.

Грея руки над костром, Нам напряженно прислушивался к звукам, рождавшимся в этом мраке. За черной завесой ночи притаилась незримая опасность. Возникнув внезапно из тьмы, она могла разодрать человека зубами и когтями, растоптать тысячью ног огромного стада, беззвучно ужалить смертельным жалом, раздробить топором череп или пронзить грудь острием копья...

Вдруг молодой воин вздрогнул и выпрямился; чувства его напряглись и обострились до предела. Всем своим существом он ощутил, что кто-то бродит в темноте вокруг костра, и тихонько толкнул спящего Нао.

Сын Леопарда бесшумно вскочил на ноги и в свою очередь стал прислушиваться, широко раздувая ноздри. Нет, Нам не ошибся! Какие-то живые существа притаились во мгле. Дым костра и терпкие испарения мокрых

трав мешали распознать запахи, но Нао сразу определил, что это люди. Тремя сильными ударами копья он разворошил костер, и высокое яркое пламя столбом поднялось к небу, отбросив мрак далеко в стороны. Прямо перед ним в кустарнике притаились темные фигуры...

Нао разбудил Гава.

— Пришли люди! — прошептал он.

Стоя плечом к плечу, они долго вглядывались в густую темноту. Ничто не шевелилось, не слышно было ни звука,— только однообразный шум падающего дождя. Ни одного подозрительного запаха не доносилось до их ноздрей. Но они чувствовали, что опасность существует, что она близко.

Кто скрывался в темноте: целое племя или несколько воинов? Как следовало поступить: бежать или сражаться?

— Стерегите Огонь! — приказал Нао юношам.

Он шагнул в сторону от костра, и тотчас же исчез из глаз Нама и Гава, словно растворился во мраке.

Обогнув кустарник, Нао пригнулся и двинулся к тому месту зарослей, где при вспышке пламени он увидел людей. Огонь помогал ему ориентироваться: слабый красноватый отблеск обрисовывал кусты и указывал верное направление; сам же Нао был невидим для врагов. Он продвигался медленно, зигзагами и часто останавливался, сжимая в руках палицу и топор; иногда он ложился, прикладывал ухо к влажной земле и слушал. Глинистая почва размякла от непрерывных дождей, и благодаря этому он крался совершенно бесшумно; даже самое чуткое ухо не смогло бы уловить звук его шагов. Не доходя до кустов, Нао остановился и долго стоял неподвижно. Время шло, но вокруг по-прежнему был слышен только дробный стук дождевых капель да шорох колеблемых ветром трав.

Тогда Нао обогнул кустарник, вышел с другой стороны и вернулся вспять по собственным следам, но нигде не обнаружил присутствия людей.

Нисколько не удивившись, так как инстинкт еще раньше оповестил его об этом, Нао выпрямился и, уже не скрываясь, направился к небольшому холму, который он заприметил еще до наступления сумерек. Добравшись до подножия холма, он стал взбираться на него, нащупывая руками дорогу, и вскоре достиг вершины, поросшей густым кустарником. Нао раздвинул ветки и увидел вдали, в небольшой лощине, слабое сияние, едва просвечивавшее сквозь частую сетку дождя.

Это был Огонь, зажженный людьми. Расстояние до него было так велико, что Нао мог только смутно разглядеть близ костра несколько неясных силуэтов. Но никакого сомнения не было: его охватило то же чувство, которое он испытал когда-то на берегу озера, наткнувшись на остатки костра Кзамов. Однако опасность на этот раз была более грозной, потому что неведомые люди обнаружили присутствие Уламров раньше, чем те заметили их самих.

Нао вернулся к своим спутникам. Он шел медленно и, только увидев Огонь, ускорил шаг.

— Там люди! — сказал он вполголоса, уверенно указав рукой на восток.

И, помолчав немного, добавил:

— Надо разжечь Огонь в плетенках!

Пока Нам и Гав выполняли его приказание, Нао соорудил вокруг костра высокую ограду из ветвей. Теперь издали виден был только отблеск Огня, но нельзя было рассмотреть, есть ли возле него люди.

Когда Огонь разгорелся в плетенках и запасы пищи были распределены между спутниками, Нао приказал выступить в путь.

Дождик постепенно стихал; влажный воздух был неподвижен. Если враги не обнаружат немедленно бегства Уламров и не преградят дороги, они сначала осторожно окружат горящий в одиночестве костер и, думая, что Нао, Нам и Гав по-прежнему спят у Огня, нападут на него только после ряда уловок и предосторожностей. А Нао и его спутники тем временем уйдут далеко...

Перед рассветом дождь прекратился. Тусклый свет осенней зари пополз по низко нависшим над землей тяжелым тучам. Уже долгое время Уламры поднимались по отлогому склону холма. Добравшись до вершины, они остановились, глядя на открывшуюся перед их глазами саванну. Сначала они увидели только унылые кустарники, большие участки голой земли и в отдалении — густой лес в багряно-желтом осеннем убранстве.

— Люди потеряли наш след,— сказал Нам.

— Люди преследуют нас,— ответил Нао.

И в самом деле, две человеческие фигуры показались вдали, у развилины какой-то реки; за ними шел отряд человек в тридцать. Несмотря на большое расстояние, Нао заметил, что эти люди странно приземисты и малорослы. Он не мог еще разглядеть как следует их вооружение.

Преследователи не видели Уламров, притаившихся за стволами деревьев, они шли, часто останавливаясь, чтобы проверить след. Число их росло. Теперь Нао насчитал уже более пятидесяти врагов. Заметно было, что они подвигаются вперед значительно медленней Уламров.

О возвращении назад нечего было и думать. Впереди лежала унылая, неприветливая равнина, поросшая жесткой травой. Вернее всего было идти прямо вперед со всей возможной скоростью в расчете на то, что противники скоро устанут и бросят преследование.

Нао и его спутники стали быстро спускаться по откосу. Вначале дорога была легкой, и, когда беглецы, оглянувшись, увидели преследователей, размахивавших руками на гребне холма, расстояние между ними составляло не менее пяти тысяч локтей.

Мало-помалу местность становилась неровной. За меловой равниной, размытой дождями, открылась поросшая колючками каменистая степь, вся в рытвинах и складках, где на каждом шагу можно было провалиться в трещину почвы или попасть в глубокую яму, наполненную водой.

Обходя бесчисленное множество препятствий, Уламры вынуждены были продвигаться вперед крайне медленно. Наконец вдали показалась снова саванна, и беглецы обрадовались ей. Но радость их оказалась преждевременной: неожиданно слева от них показалась кучка людей, которых Нао сразу узнал по росту. Были ли это их утренние преследователи? Быть может, лучше зная местность, чем беглецы, они прошли более коротким путем? Или это был другой отряд того же племени? Теперь, на близком расстоянии, Уламры увидели, что эти люди очень маленького роста — самый высокий из них едва достал бы макушкой до груди Нао. У них были большие головы, огненно-рыжие волосы, короткие шеи, почти треугольные лица и желтая, как шафран, кожа. Несмотря на малорослость и тщедушность, видно было, что это живой и подвижный народец.

Заметив Уламров, Рыжие Карлики испустили крик, похожий на воронье карканье, и стали угрожающе размахивать копьями и дротиками.

Сын Леопарда с удивлением смотрел на новых врагов. Если бы не бороды, окаймлявшие их лица, и старообразный вид, он принял бы их за детей. Но у них была широкая грудь, и они держали в руках оружие. Нет, это были не дети...

Нао подумал, что Рыжие Карлики не осмелятся на открытое нападение. И действительно, они как будто

колебались. Когда Уламры подняли свои палицы и копья и боевой клич Нао раскатился по равнине, как рыкание льва, заглушая хриплые голоса врагов, они попятились назад. Но Карлики, очевидно, были воинственным племенем; отступив, они снова угрожающе закричали и рассыпались полукругом по равнине. Нао понял, что они хотят окружить его. И, опасаясь больше их хитрости, чем силы, сын Леопарда дал сигнал к отступлению.

Нао, Нам и Гав без труда оставили далеко позади Рыжих Карликов, которые бегали даже хуже, чем людоеды. Ясно было, что, несмотря на тяжесть плетенок с Огнем, Рыжие Карлики не смогут настигнуть Уламров, если только те не встретят впереди какое-нибудь неодолимое природное препятствие.

Наученный горьким опытом, Нао одинаково остерегался предательства стихийных сил природы и людей. Он приказал своим спутникам продолжать путь, а сам остановился и, поставив плетенку с Огнем на землю, стал наблюдать за противниками.

Увлеченные погоней, Рыжие Карлики бежали врассыпную. Трое или четверо наиболее проворных намного опередили остальной отряд.

Сын Леопарда подобрал с земли несколько камней и со всех ног кинулся навстречу Рыжим Карликам. Озадаченные его поведением и опасаясь какой-нибудь хитрости, они остановились. Один из них, по-видимому, вождь, пронзительно закричал. Но Нао уже был перед ними. Стоя перед врагами, он крикнул громким голосом:

— Нао, сын Леопарда, не хочет причинять вред Рыжим Карликам! Он не тронет их, если они прекратят преследование Уламров!

Карлики молча выслушали его. Лица их были непроницаемы. Видя, что Уламр стоит на месте, не делая попыток приблизиться, они, словно по команде, снова побежали, охватывая его кольцом.

Тогда Нао, подняв над головой камень, гневно крикнул:

— Сын Леопарда поразит Рыжих Карликов!

Три или четыре дротика просвистели в воздухе в ответ на его угрожающий жест, но не долетели до Уламра, так как расстояние было слишком велико для слабых рук

врагов. Нао размахнулся и бросил камень. Карлик, в которого он целился, упал. Нао сейчас же бросил второй камень, но ни в кого не попал. Зато третий камень сбил с ног еще одного воина.

Четвертый камень он не бросил, а только показал противникам, одновременно погрозив им копьем.

Рыжие Карлики понимали язык жестов лучше, чем людоеды и даже сами Уламры. Они и между собой чаще объяснялись жестами, чем с помощью членораздельной речи. Карлики хорошо знали, что копье опаснее камней. Бежавшие впереди поспешно отступили и смешались с другими воинами отряда, а сын Леопарда медленно вернулся к ожидавшим его спутникам. Карлики следовали за ним на почтительном расстоянии. Нао часто оборачивался и, если замечал, что кто-либо из преследователей опередил других, останавливался и, сердито крича, потрясал копьем. После нескольких таких случаев Рыжие Карлики сообразили, что им безопасней держаться вместе, и Нао, достигнув своей цели, скоро догнал Нама и Гава.

Весь день Уламры безостановочно бежали вперед. Когда они наконец остановились на отдых, Рыжих Карликов уже давно не было видно.

Прорвав завесу облаков, солнце ярко осветило угрюмую равнину. Почва, вначале твердая и каменистая, снова стала болотистой. Под зеленым травянистым покровом скрывалась бездонная топь; ноги увязали в ней, и надо было поскорей вытаскивать их, чтобы болото не засосало. Крупные пресмыкающиеся ползали по илистым кочкам; бурые водяные змеи извивались среди водорослей, лягушки прыгали под ногами, оглушительно квакая; в воздух с пронзительным криком поднимались тучи болотных птиц.

Уламры наспех подкрепились холодным мясом. Они стремились поскорее выбраться из этого гиблого места, где на каждом шагу их подстерегала опасность. Временами им казалось, что они уже близки к цели: почва становилась тверже, на ней росли смоковницы, платаны и тополи. Но затем снова возникали трясины, заросли камыша и болотных трав, бездонные топи, где продвижение вперед требует неимоверных усилий.

Надвигалась ночь. Кроваво-красный диск солнца ска-

тился за горизонт, затянутый мрачными тучами, и словно утонул в болоте.

Зная, что им не на что надеяться, кроме собственного мужества и бдительности, Уламры шли вперед до тех пор, пока ночной мрак не поглотил последние лучи света. Только тогда, достигнув края бесплодной песчаной равнины, они остановились. Позади лежало хаотическое пространство огромного болота, которое они с таким трудом преодолели.

Молодые воины быстро наломали веток, подкатили друг к другу несколько крупных валунов и, соорудив из них с помощью хвороста и лиан нечто вроде ограды, обезопасили себя от внезапного ночного нападения. Однако они остерегались разжигать большой костер и удовольствовались тем, что дали пищу маленьким огонькам, мерцавшим в плетенках, скрытых под валунами.

Затем, истомленные усталостью, они растянулись на земле и крепко заснули, выставив, как обычно, одного дозорного.

Глава вторая

ГРАНИТНАЯ ТРОПА

Ночь прошла спокойно. Ни Нао, ни Нам, ни Гав, по очереди сторожившие до рассвета, не заметили ни одной человеческой фигуры; ветер доносил до них только гнилые испарения болота и запахи ночных птиц и хищников.

Когда утренний свет разлился над землей серебряным туманом, перед глазами их предстала унылая плоская равнина, за которой снова поблескивало болото, усеянное многочисленными илистыми островками.

Удалиться от берегов болота значило наверняка встретить снова Рыжих Карликов. Безопаснее всего было, по-видимому, идти вдоль кромки болота, отыскивая выход из этой неприветливой местности. И так как ничто не указывало им правильного направления, Уламры решили следовать тем путем, где они рассчитывали избежать по крайней мере засады или ловушки.

Сначала дорога оказалась как будто бы проходимой.

Почва под ногами была достаточно твердой; лишь изредка попадались глубокие ямы с водой, поросшие по берегам густой травой.

К полудню на пути все чаще стали встречаться заросли кустарника и низкорослых деревьев; видимое пространство сузилось, и приходилось все время быть настороже. Однако Нао не думал, чтобы Рыжие Карлики были близко. Если они не отказались от погони и по-прежнему шли по следу Уламров, они должны находиться далеко позади.

* * *

Запасы мяса пришли к концу. Желая пополнить их, Уламры углубились в кишащие дичью заросли на берегу болота.

Сначала они погнались за жирной дрофой, но она укрылась от их преследования на илистом островке. Затем Гаву удалось поймать в устье ручейка небольшого леща. Нао убил дротиком водяную курочку, а Нам наловил с десяток угрей.

Уламры развели костер из сухой травы и веток и вскоре с наслаждением стали вдыхать аромат жареного мяса. Жизнь снова показалась им привлекательной и радостной, и молодость обрела новую силу. Они были уверены, что Рыжие Карлики, утомленные погоней, оставили их в покое.

Сидя вокруг костра, молодые воины с наслаждением обгладывали нежные косточки водяной курочки, как вдруг из кустов прямо на них выскочило несколько зверьков. Нао сразу понял, что они спасаются бегством от какого-то невидимого врага. Он быстро поднялся на ноги и успел заметить в просвете между ветвями неясные очертания человеческой фигуры.

— Рыжие Карлики догнали нас,— сказал он.

Опасность на этот раз была несравненно большей, чем накануне: Рыжие Карлики прятались в зарослях кустарника и под этим прикрытием, невидимые, могли следовать за Уламрами, устраивая засады и выжидая благоприятного случая для нападения.

Узкая полоска лишенной растительности земли тянулась между болотом и зарослями. Уламры быстро погасили костер, поделили между собой остатки мяса, подняли

с земли оружие, плетенки с Огнем и бегом бросились к этой тропинке. Никто не препятствовал их бегству. Нао облегченно вздохнул при мысли, что продиравшиеся сквозь заросли кустарника преследователи неминуемо должны остаться далеко позади.

Каменистая тропа извивалась между деревьями, кустарником и берегом, то расширяясь, то снова суживаясь. Однако почва все время оставалась твердой, и Нао не сомневался, что ему и его спутникам удалось намного опередить Рыжих Карликов. Если только не возникнут неожиданные препятствия, они и в дальнейшем смогут сохранять эту дистанцию.

Но препятствия скоро возникли: сначала болото протянуло на равнину свои предательские щупальца — лужи с гниющей водой, канавы, полные вязкой тины, глубокие заводи. Беглецам приходилось поминутно сворачивать с пути, делать обходы, а порой и возвращаться вспять. После долгих блужданий они очутились на узкой полосе твердого гранита, ограниченной справа бескрайним болотом, а слева — котловиной, залитой осенним наводнением.

Пройдя несколько сот локтей, Уламры вынуждены были остановиться: гранитная тропа опускалась и уходила под воду. Теперь беглецов с трех сторон окружала вода. Нужно было либо спешно возвращаться обратно, либо ждать здесь нападения.

Положение было угрожающим: если Рыжие Карлики устроили засаду в начале тропы, путь к отступлению отрезан. Опустив голову, Нао горько упрекал себя за то, что расстался с мамонтами и пустился странствовать по враждебной земле. Мужество его поколебалось, он почувствовал неуверенность и страх...

Но это была лишь минутная слабость. В следующее мгновение обычная энергия и спокойствие снова вернулись к нему, и он уже думал только о том, как спасти своих спутников и самого себя.

Уламры лихорадочно принялись искать выход. Впереди, в сотне локтей, из воды выступала рыжеватая гранитная глыба. Быть может, это был островок среди болота, но глыба могла также служить продолжением гранитной тропы.

Нам и Гав стали нащупывать брод. Но всюду бы-

ла лишь бездонная топь, предательская тина и вязкий ил.

Итак, единственным шансом было возвращение назад. Без долгих размышлений Нао первым зашагал по тропе. Молодые воины последовали за ним.

Они прошли более двух тысяч локтей, выбрались из болота и очутились перед густыми зарослями кустарника, кое-где перемежавшегося полянками с низкой травой. Нам, шедший первым, внезапно остановился и, протянув руку вперед, сказал:

— Рыжие Карлики там!

Нао не сомневался в этом. Желая удостовериться окончательно, он набрал камней и стал кидать их один за другим в то место, куда указывал Нам. Кусты заколебались: кто-то поспешно удалялся, невидимый среди ветвей.

Путь к отступлению оказался отрезанным; надо было готовиться к бою. Но позиция Уламров была явно невыгодной: скрытые в кустарнике Рыжие Карлики могли незаметно окружить их со всех сторон. Лучше отступить снова на гранитную тропу и занять на ней оборону. При свете Огня там, по крайней мере, можно не опасаться нападения с тыла.

Нао, Нам и Гав испустили свой боевой клич. Затем Нао, потрясая палицей, воскликнул:

— Рыжие Карлики напрасно преследуют Уламров, которые сильны, как львы, и проворны, как олени! Если Рыжие Карлики нападут на Уламров, многие из них погибнут! Один Нао уничтожит не менее десяти врагов. Нам и Гав тоже будут убивать их... Неужели Рыжие Карлики хотят лишиться двух десятков лучших своих воинов ради гибели трех Уламров?

В ответ на эту речь из кустарников и высокой травы раздались хриплые воинственные крики. Сын Леопарда понял, что Рыжие Карлики хотят войны и крови. Это нисколько не удивило его: разве Уламры во все времена не поступали так же с людьми чужого племени, которые появлялись близ их становища? Старый Гоун всегда говорил: «Лучше оставить в живых волка или леопарда, чем человека другого племени, потому что человек, которому ты даровал жизнь, придет потом с остальными людьми своего племени и убьет тебя и твоих близких». Нао

не стал бы убивать Рыжих Карликов, если бы они дали ему возможность спокойно уйти, но он прекрасно понимал, почему они преследуют его с таким упорством и ожесточением.

Он знал также, что люди разных племен всегда питали друг к другу вражду, гораздо более сильную, чем та, которую испытывает носорог к мамонту... Широкая грудь его наполнилась гневом, он громко закричал, вызывая врагов на бой, и двинулся к кустам, потрясая оружием. Тоненькие дротики просвистели в воздухе, но ни один из них не достиг цели. Нао презрительно засмеялся.

— Руки Рыжих Карликов слабы, как руки детей! — сказал он насмешливо.— Каждый удар палицы Нао будет стоить жизни одному Карлику...

В чаще дикого винограда мелькнула рыжая голова, почти неразличимая на фоне красновато-желтой листвы. Но Нао успел заметить острый блеск глаз... Ему еще раз захотелось продемонстрировать врагам свою силу, не прибегая к оружию. Он поднял камень и швырнул его в гущу листвы. Ветки заколебались, раздался пронзительный крик.

— Вот! — торжествующе крикнул сын Леопарда.— Такова сила Нао! Острый дротик пронзил бы Рыжего Карлика насквозь!

И, не обращая внимания на крики разъяренных врагов, он повернулся к ним спиной и ступил на гранитную тропу.

Уламры решили дойти до самого конца тропы и там принять бой. Тропа в этом месте была достаточно широкой, чтобы на ней могли поместиться в ряд все трое Уламров, а дальше сужалась. Рыжим Карликам пришлось бы атаковать Уламров небольшими группами, а не всем отрядом сразу. Со стороны болота нападение было исключено: предательская топь тотчас же засосала бы смельчака, отважившегося переправиться по ней вплавь или на плоту из древесных стволов. Также невозможно было добраться до небольшого гранитного островка, возвышавшегося над водой на расстоянии шестидесяти локтей от конца тропы.

Набрав огромную кучу сухого тростника для вечернего костра, Уламры стали ждать нападения. Это было томительное и мрачное ожидание. В берлоге серого медведя,

завидев зверя, они надеялись несколькими меткими ударами убить его; осажденные среди базальтовых глыб, они твердо знали, что рано или поздно пещерный лев вынужден будет уйти на охоту. Людоедам ни разу не удавалось окружить их. Теперь же их осаждало племя, сильное своей многочисленностью, терпеливое и хитрое.

Дни будут тянуться за днями, а Рыжие Карлики и не подумают снять осаду. Если же они решатся напасть на Уламров, как долго смогут трое воинов противостоять натиску целого племени?

Нао понимал, что они попали в ловушку, из которой вряд ли сумеют выбраться. Особенно нестерпимо было сознавать, что окружавшие их враги принадлежат к самым слабым представителям человеческой расы. Даже лучший воин этого низкорослого племени не смог бы задушить руками волка, поразить копьем сердце льва или вступить в единоборство с зубром, как это делали многие охотники племени Уламров. И он, Нао, бессилен против этих хилых созданий!

Мрачные мысли обуревали сына Леопарда. Он безучастно смотрел на простиравшуюся перед ним бескрайнюю массу воды, ослепительно сверкавшую под лучами полуденного солнца. Не переставая лихорадочно думать о Рыжих Карликах и предстоящей битве, о засадах и путях спасения, он в глубине души изумлялся, как может маленький небесный костер давать столько света и тепла. Болото огромно, ему не видно ни конца ни края, а солнце — совсем небольшой Огонь, пожалуй, меньше, чем круглый лист водяной лилии, но сияние его заливает болото до самого горизонта, заполняет все небо, опрокинутое над землей, словно гигантская голубая чаша...

Кровь все сильнее стучала в висках Нао. Сердце прыгало в груди, словно пантера; он слышал, как оно бешено колотится о грудную клетку. Временами, стряхивая с себя оцепенение, сын Леопарда вскакивал на ноги и хватался за палицу. Ему хотелось биться, нападать, крушить врагов. Но осторожность и предусмотрительность — два качества, без которых первобытный человек не мог бы просуществовать и одного дня,— заставляли его смиряться и выжидать.

Смерть Нао доставила бы слишком много радости его врагам, если бы он добровольно ринулся ей навстречу. Нет, сначала нужно помучить Рыжих Карликов ожиданием, внушить им страх, убить многих из них... Да он и не собирался вовсе умирать! Он хотел увидеть снова Гаммлу, принести Уламрам Огонь!

Нао не знал еще, как он обманет бдительность своих врагов и вырвется из ловушки, но надежда на спасение одержала в его душе верх над мрачными мыслями. Она крепла в нем час от часу, пока не овладела всем существом молодого воина, и он снова почувствовал себя сильным и полным мужества. Он верил, что жизнь его не оборвется в самом расцвете, что она будет длиться долго, такая же нескончаемая, как эти сияющие воды и солнечный свет.

* * *

Сначала Рыжие Карлики не показывались вовсе, не то боясь попасть в засаду, не то выжидая какой-нибудь оплошности со стороны Уламров. Только в конце дня они наконец обнаружили свое присутствие.

Выскользнув из кустов, где они скрывались, Рыжие Карлики подошли к началу гранитной тропы и стали осматривать болото. То один, то другой воин вдруг издавал отрывистый крик, но вождь отряда хранил настороженное молчание. В сумерках рыжие фигурки сбились в кучу. Издали они напоминали стаю шакалов, поднявшихся на задние лапы.

Настала ночь.

Костер Уламров бросал на поверхность болота кровавые отблески. В чаще кустарника запылали костры Рыжих Карликов. Фигуры стражей явственно выделялись на темном фоне ночи, то появляясь, то исчезая.

Однако, несмотря на угрожающие приготовления, осаждающие не посмели приблизиться к Уламрам, и ночь прошла спокойно.

* * *

Следующий день тянулся нестерпимо долго. Теперь Рыжие Карлики беспрерывно сновали перед самым лагерем Уламров, то поодиночке, то целыми толпами. Их тяжелые челюсти свидетельствовали о большом упорстве

и настойчивости характера. Ясно было, что они неотступно будут добиваться смерти чужеземцев,— так приказывал им инстинкт, выработавшийся у людей их племени за сотни лет. Без этого упорства Рыжие Карлики давно были бы истреблены другими племенами, более сильными, но менее сплоченными.

На вторую ночь Рыжие Карлики тоже не решились напасть на Уламров. Они хранили глубокое молчание и не показывались из-за прикрытий. Исчезли даже огни их костров: то ли они не разводили их вовсе, то ли перенесли так далеко, что зарева не было видно.

На заре со стороны врагов вдруг послышался шорох: кустарник сдвинулся с места и пополз по земле, как живой. Когда стало светло, Нао увидел, что у входа на гранитную тропу вырос огромный вал из хвороста. За этим укреплением, вызывающе крича, копошились Рыжие Карлики.

Уламры поняли, что Рыжие Карлики собираются постепенно продвигать вперед свое укрепление и, прячась за ним, забрасывать осажденных дротиками и копьями или, улучив удобный момент, внезапно атаковать их. Положение Уламров и без того было тяжелым. Съев запас мяса, они занялись ловлей рыбы в болоте. Но рыбы почему-то попадалось мало; редко-редко им удавалось поймать угря или леща. И хотя они не брезговали ни лягушками, ни другими земноводными, их молодой, крепкий организм никак не мог насытиться, и осажденные непрерывно испытывали муки голода.

Особенно тяжело переносили недостаток пищи Нам и Гав. Юноши заметно ослабели.

Третий день не принес изменений. Сидя неподвижно у вечернего костра, Нао погрузился в грустное раздумье. Он укрепил как мог свою позицию, но понимал, что, если голодовка продлится еще несколько дней, у Нама и Гава останется меньше сил, чем у любого из Рыжих Карликов. Да и сам Нао не сможет с прежней твердостью метнуть копье или нанести сокрушительный удар тяжелой палицей.

Не лучше ли попытаться бежать под прикрытием темноты, пока силы не иссякли окончательно? Однако сын Леопарда тут же отказался от этой мысли: застать Рыжих Карликов врасплох немыслимо — их слишком много,—

а прорваться через их лагерь силой нечего и думать.

Бросив взгляд на запад, Нао увидел, что молодой месяц уже заметно увеличился и рога его затупились. Он опускался к горизонту рядом с яркой голубой звездой, влажно мерцавшей на потемневшем небе. Лягушки перекликались в болоте старчески хриплыми, печальными голосами, летучие мыши бесшумно скользили на мягких крыльях прямо над головой Нао; среди водорослей временами поблескивала чешуя какого-нибудь пресмыкающегося.

Нао вспомнил вдруг вечера в своем родном становище, когда племя располагалось на отдых у берегов зеркальных вод, под ясным северным небом. Образы недавнего прошлого, словно живые, вставали перед глазами молодого воина, и сердце его становилось мягким, как воск в руках ребенка. Одна картина была особенно яркой.

...Уламры сидели вокруг вечернего костра, отдыхая после утомительного перехода, и старый Гоун дал волю своим воспоминаниям, к которым с таким жадным любопытством прислушивались всегда молодые воины. Дразнящий аромат жареного мяса плавал в воздухе, а за широкой полосой прибрежного камыша искрилась серебром водяная гладь, залитая сиянием полной луны.

Три девушки отделились от группы женщин и стали кружить вокруг костра в избытке молодых сил, не истраченных до конца за долгий день трудной работы. Они пробежали мимо Нао, лукаво смеясь, полные безотчетного веселья, свойственного юности. Тяжелая прядь волос, взметенная шальным порывом ночного ветра, ударила сына Леопарда по лицу. Он вздрогнул, как от толчка, и поднял на девушку глаза. Это была Гаммла...

Бесконечно далеким было сейчас родное становище, и картина, возникшая перед взором сына Леопарда, наполнила его сердце щемящей тоской.

...Видение побледнело и исчезло. Нао низко опустил голову на грудь; дыхание его стало прерывистым.

Сделав над собой усилие, он тряхнул головой, отгоняя сладостные воспоминания и горькие мысли, и снова принялся думать о способах спасения. Вскоре лихорадочная жажда деятельности овладела им. Он встал, обогнул

костер и пошел по гранитной тропе к неприятельскому лагерю.

Пройдя несколько шагов, Нао остановился, скрипнув зубами от ярости: за вечер укрепление Рыжих Карликов продвинулось еще на десяток локтей. Вероятно, следующей ночью враги нападут на них.

Вдруг впереди прозвучал жалобный крик, и из болота на тропу выползло какое-то существо. Приглядевшись, Нао понял, что это человек. Он еле двигался, кровь струей текла из раны на бедре.

У человека был очень странный вид: длинное, тонкое тело, почти лишенное плеч, и узкая голова. Он не был похож ни на Уламра, ни на Кзама, ни на Рыжего Карлика. Нао никогда не видел людей такого удивительного сложения.

Рыжие Карлики, по-видимому, не сразу заметили странного человека. Но вскоре послышались их злобные крики, и в воздухе замелькали дротики и копья.

Непонятное чувство овладело Нао. Он забыл, что незнакомый человек может быть врагом, и, не ощущая ничего, кроме бешеной ненависти к Рыжим Карликам, бросился к раненому, как бросился бы на помощь Наму и Гаву. Дротик просвистел в воздухе и впился ему в плечо, но не остановил его. Испустив боевой клич, сын Леопарда подбежал к незнакомцу, взвалил его на плечо и понес к своему костру. Камень, пущенный врагами вдогонку, ударил его в затылок, острие дротика оцарапало лопатку... Но он уже был вне пределов досягаемости...

В эту ночь Рыжие Карлики не осмелились еще дать Уламрам решительный бой.

Глава третья

НОЧЬ НА БОЛОТЕ

Обогнув костер, сын Леопарда положил спасенного им человека на подстилку из сухой травы и принялся разглядывать его со смесью любопытства и недоверия. Незнакомец разительно отличался от людей тех племен, которые были известны Нао. На узкой, заостренной кверху голове росли пучками редкие, тонкие волосы; глаза были мутные и грустные, с каким-то отсутствующим взглядом; щеки впалые, челюсти слабые, причем нижняя значительно короче верхней, которая выдавалась вперед и придавала рту сходство с крысиным. Но больше всего удивляло Нао цилиндрическое туловище с едва обозначенными плечами, отчего руки торчали в разные стороны, словно лапы у крокодила. Кожа, сухая и жесткая, будто покрытая чешуей, была собрана в глубокие складки. Весь облик незнакомца напоминал ужа или гигантскую ящерицу. С той минуты, как Нао положил его на подстилку, раненый не сделал ни одного движения. Только изредка он медленно поднимал веки и обводил Уламров безжизненным взглядом. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди и скорее напоминало стоны.

Наму и Гаву раненый внушал отвращение. Они охотно швырнули бы его обратно в болото. Но сыну Леопарда

этот человек был не безразличен: во-первых, он спас его от гибели, рискуя собственной жизнью; во-вторых, он был любознательнее своих спутников и хотел выяснить, откуда взялся незнакомец, как он попал в болото, кто и где его ранил и, наконец, был ли он действительно человеком или только помесью человека и пресмыкающегося?

Нао пытался объясниться с раненым жестами и прежде всего дал ему понять, что не собирается его убивать. Затем он показал рукой на укрепление Рыжих Карликов, поясняя, что опасность может угрожать только с той стороны.

Раненый с трудом повернул к нему лицо и издал глухой, гортанный звук. Нао решил, что незнакомец понял его.

Молодой месяц коснулся края горизонта; голубой звезды рядом с ним уже не было видно. Раненый медленно приподнялся, опираясь на локоть, и стал прикладывать травы к своей ране. В его тусклом взгляде внезапно блеснул огонек.

Когда месяц закатился, звезды засияли ярче на потемневшем небе. С противоположного конца гранитной тропы доносился непрерывный шум шагов и шорох ветвей. Это Рыжие Карлики продвигали свое укрепление к стоянке Уламров. Одни таскали всё новые и новые охапки хвороста, другие складывали их.

Несколько раз Нао вскакивал на ноги, чтобы броситься на врагов и помешать их работе. Но всякий раз благоразумие одерживало верх: Рыжие Карлики были многочисленны и бдительны; они пристально следили за каждым движением Уламров, и напасть на них врасплох не представлялось возможным.

Так прошла и эта ночь. Утром Рыжие Карлики метнули дротик, который упал всего в нескольких локтях от костра Уламров. Враги огласили воздух торжествующими криками.

Очевидно, осада приближалась к концу. С наступлением ночи Рыжие Карлики еще ближе пододвинут свое укрепление и нападут на Уламров сразу же после того, как месяц появится на небе.

Нао, Нам и Гав с тоской и гневом всматривались в зеленоватую спокойную воду. Лютый голод терзал их желудки.

При ярком утреннем свете раненый производил еще более странное впечатление. Его длинное, узкое туловище изгибалось с необычайной легкостью; глаза были зеленоватого цвета; сухие тонкие руки странно откинуты назад.

Неожиданно он схватил дротик и с размаху воткнул его в круглый лист кувшинки. Вода забурлила, в ней что-то сверкнуло, и, потянув к себе дротик, раненый вытащил из воды огромного карпа. Нам и Гав вскрикнули от радости. Рыба была так велика, что ее хватило бы на несколько обедов.

Молодые Уламры больше не сожалели о том, что их вождь спас жизнь этому удивительному существу.

Изумление Нама и Гава скоро сменилось восхищением, когда незнакомец раз за разом выхватил из воды еще несколько рыбин. Он оказался необычайно искусным рыболовом.

Юноши приободрились. Теперь они не думали больше об угрожающей им смерти; надежда воскресла в их сердцах. Они снова верили, что Нао сумеет перехитрить Рыжих Карликов, выбраться из засады и спастись от гибели.

Но сын Леопарда не разделял радужных надежд своих молодых спутников. Планы бегства, которые он придумывал, чтобы тут же отвергнуть, утомили его воображение, и он ясно видел теперь, что не может найти спасительный выход. В конце концов он пришел к выводу, что может надеяться только на силу своих рук да на ту счастливую неожиданность, в которую страстно верит человек, попавший в смертельную беду.

Перед закатом небо на западе вдруг затянула темная туча, поминутно менявшая свои очертания. Приглядевшись, Уламры поняли, что это не туча, а огромная стая перелётных птиц.

Воздух наполнился оглушительным карканьем, клёкотом, писком, гоготаньем. Над болотом неслись громадные стаи черных во́ронов, серых журавлей с вытянутыми назад тонкими ногами, пестрых уток и грузных гусей, проворных скворцов, мчавшихся подобно выпущенному из пращи камню. За ними летели вперемежку сороки и цапли, дрозды и синицы, ржанки и козодои.

Очевидно, там, за пределами горизонта, произошла

какая-то страшная катастрофа, напугавшая их и согнавшая с насиженных мест.

В сумерках за птицами последовали звери. По берегу болота с головокружительной быстротой мчались легконогие олени и дикие лошади, пугливые сайги и стройные джигетаи. За ними следовали стаи волков, шакалов и диких собак. Огромный желтый лев со своей львицей неслись гигантскими скачками.

Достигнув берега болота, многие беглецы остановились, чтобы утолить жажду.

Здесь извечная война между животными, забытая во время панического бегства, вспыхнула с новой силой. Леопард вскочил на круп лошади и перегрыз ей холку; волки накинулись на тонконогую сайгу и растерзали ее; орел унес за облака цаплю. Желтый лев, свирепо рыча, гонялся за разбегавшейся в страхе добычей. Вдруг откуда-то появился приземистый, коренастый зверь, ноги которого были массивными, как ноги мамонта, а кожа толстой и морщинистой, словно кора старого дуба. Вероятно, льву не приходилось прежде встречать этого зверя, потому что он испустил устрашающий рык, тряхнул тяжелой головой с взъерошенной густой гривой и оскалил грозные клыки. Этот громовой звук привел носорога в бешенство; задрав кверху тупую морду с огромным острым рогом, он ринулся на льва.

То, что произошло дальше, нельзя было даже назвать битвой.

Гибкое желтое тело взлетело в воздух, перекувырнулось и упало под ноги носорога, тут же растоптавшие его. Носорог продолжал бежать в слепой ярости, словно не заметив одержанной победы.

Нао с лихорадочным нетерпением ждал, что нашествие зверей заставит Рыжих Карликов снять осаду. Но его надежде не суждено было оправдаться. Лавина бегущих зверей пронеслась мимо становища врагов, не задев его даже краем.

С наступлением ночи огни костров разгорелись в начале гранитной тропы, и до Уламров явственно донеслись свирепый смех и хриплые торжествующие крики Рыжих Карликов. Вскоре, однако, все умолкло во вражеском стане. Лишь кваканье лягушек да шорох ползущих в кустах ящериц нарушали тишину.

Неожиданно на поверхности воды мелькнули какие-то странные тени и бесшумно поплыли по направлению к соседнему со стоянкой Уламров островку. Плывущие оставляли на поверхности длинный темный след; время от времени из воды появлялись их круглые головы, облепленные водорослями.

Нао и спасенный им Человек-без-плеч, напряженно всматривавшиеся в темноту, различили пять, потом шесть теней. Они доплыли до островка, вылезли на гранитный уступ и, уже не скрываясь, насмешливо и злобно закричали. Нао с удивлением узнал голоса Рыжих Карликов. Если бы он даже сомневался в этом, радостный ответный крик, донесшийся из-за вражеского укрепления, быстро рассеял его сомнения.

Нао понял, что Рыжие Карлики обманули его, воспользовавшись тем, что внимание Уламров было отвлечено бегством животных.

Но как они достигли островка? Как удалось им переплыть вязкое болото?

Сын Леопарда угрюмо размышлял об этом, когда Человек-без-плеч вдруг протянул руку в направлении берега. Нао повернулся в ту сторону, но ничего не увидел. Между тем раненый настойчиво проводил пальцем в воздухе линию от берега болота к островку и затем указывал на гранитную тропу. Нао понял, что он хочет сказать: островок соединен с берегом болота подводной гранитной тропой. Но он узнал об этом слишком поздно; теперь островок был уже занят врагами, и Уламрам надо было прятаться за гранитным выступом, чтобы избежать дротиков и камней, которыми Рыжие Карлики легко могли забросать осажденных.

* * *

Снова над болотом воцарилась тишина. Нао продолжал бодрствовать под мерцающими в ночном небе созвездиями.

Рыжие Карлики медленно, но неуклонно продвигали по тропе свое укрепление из ветвей и хвороста. Еще до полуночи укрепление почти вплотную придвинется к костру Уламров. Тогда враги нападут на них...

Атакующим предстоит трудная задача: пробиться

сквозь пламя костра Уламров, который горит во всю ширину гранитной тропы и тянется в глубь ее на несколько локтей.

В то время как Нао, напрягая все свои чувства, следил за продвижением врагов, в середину костра внезапно упал камень, брошенный с островка. Огонь зашипел, и в воздух поднялась тоненькая струйка пара. Затем второй камень упал рядом с первым. Нао сразу разгадал новый замысел врагов: они хотели загасить костер камнями, обернутыми влажной травой, или хотя бы ослабить пламя. Тогда нападающим из-за прикрытия не так трудно будет пробиваться через костер Уламров.

Как помешать осуществлению этого гибельного для осажденных плана? Выйти из-под прикрытия и начать в свою очередь обстреливать Рыжих Карликов? Но они притаились в кустах и не видны, а освещенные пламенем костра Уламры, наоборот, представляют отличную мишень для вражеских камней и дротиков.

Камни продолжали сыпаться один за другим, и струйки пара над шипящим костром все умножались. В бессильном бешенстве Уламры смотрели то на этот губительный град камней, то на укрепление из ветвей, все ближе подбиравшееся к их лагерю.

Вскоре часть костра стала гаснуть.

— Готовы ли Нам и Гав? — спросил Нао.

И, не ожидая ответа, он издал свой боевой клич. Но в голосе сына Леопарда не было обычной уверенности; в нем звучали лишь тоска и ярость затравленного зверя.

Молодые воины покорно ждали сигнала к последнему бою. Но Нао как будто снова заколебался. Вдруг глаза его блеснули, радостная улыбка озарила лицо, и победный смех вырвался из груди. Протянув вперед руки, он крикнул торжествующим голосом:

— Вот уже четыре дня, как укрепление Рыжих Карликов сохнет на солнце!

И, выхватив головню из костра, он с силой швырнул ее в ветви движущегося укрепления. Нам, Гав и Человек-без-плеч тотчас же поняли его замысел, и все четверо стали забрасывать сухой валежник пылающими головнями.

Изумленные странными действиями врагов, Рыжие Карлики метнули наугад несколько дротиков, но не попали

в цель. Когда же они наконец догадались, что затеял Нао, было уже поздно: высокие языки пламени лизали сухую листву и ветви их укрепления. Еще минута, и все оно превратилось в гигантский пылающий костер.

Нао снова издал свой боевой клич; теперь он звучал гордо и уверенно, и эта уверенность наполнила надеждой сердца его юных спутников.

— Уламры победили людоедов! — кричал Нао.— Неужели они не справятся с жалкой кучкой рыжих шакалов?

Огонь продолжал пожирать укрепление, озаряя красным светом застывшую поверхность болота. Рыбы, пресмыкающиеся и насекомые стаями стремились к свету. В кустарнике зашевелились птицы и звери. Шелест крыльев потонул в поднявшемся вое волков, лае гиен и визге шакалов.

Вдруг Человек-без-плеч выпрямился с хриплым криком. Мутные глаза его сверкнули фосфорическим блеском, протянутая рука указывала на запад.

Нао обернулся и увидел над дальними холмами красноватое зарево, похожее на свет восходящей луны.

Глава четвертая

СРАЖЕНИЕ В ИВНЯКЕ

Утром следующего дня Рыжие Карлики, взбешенные неудачей своей военной хитрости, часто показывались из зарослей. Они издали грозили Уламрам копьями и дротиками. Глаза их сверкали яростью. Затем они собрали огромную кучу хвороста и, часто поливая ее водой, вновь стали двигать вдоль гранитной тропы.

* * *

Солнце было уже почти в зените, когда Человек-без-плеч вдруг снова испустил протяжный крик. Он вскочил на ноги и призывно замахал руками. Откуда-то издали ветер донес ответный крик, гулко раскатившийся над водой. И тогда далеко на берегу болота Уламры увидели человека, как две капли воды похожего на того, кто был спасен Нао. Человек стоял среди камышей и потрясал

каким-то странным, неведомым Уламрам оружием.

Рыжие Карлики тоже заметили незнакомца, и в то же мгновение несколько воинов устремились к нему. Но человек уже исчез в камышах.

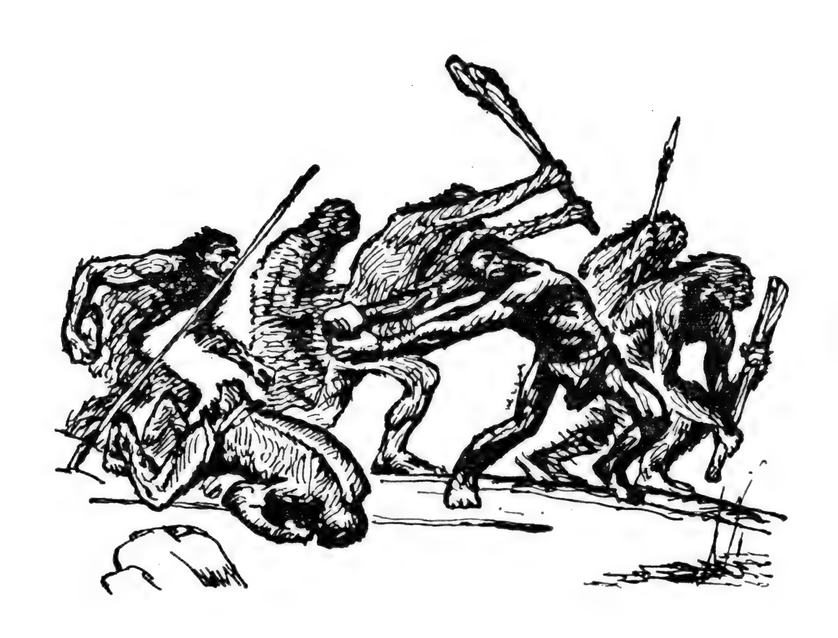
Нао с волнением следил за погоней. Вначале Рыжие Карлики рыскали вдоль берега, исследуя каждую камышовую заросль, мало-помалу все они скрылись из виду, и над болотом снова воцарилась тишина. Но через некоторое время двое преследователей вернулись в лагерь Рыжих Карликов и тотчас же направились назад во главе нового отряда.

Нао понял, что происходит какое-то значительное событие. Раненый, очевидно, думал то же самое и даже догадывался, какое именно. Несмотря на глубокую рану в бедре, он стоял на ногах и с волнением смотрел вслед отряду Рыжих Карликов, временами издавая какие-то отрывистые гортанные возгласы.

Загадочные события между тем множились. Еще четыре отряда Рыжих Карликов отправились в заросли на берегу болота. Наконец среди ив показались человек тридцать мужчин и женщин, длинноголовых, с узкими туловищами и едва намеченными плечами. Рыжие Карлики окружили их с трех сторон.

Бой уже начался. Люди-без-плеч метали в своих противников дротики, но не руками, а при помощи какого-то странного приспособления, которое Уламры видели впервые в жизни и устройство которого не могли понять. Это была толстая палка с крючком на конце. Дротик, брошенный при помощи такой палки, летел дальше и бил сильнее, чем когда его бросали просто руками.

В начале сражения Рыжие Карлики несли большие потери: несколько их воинов валялись на земле, пораженные дротиками противников. Но подкрепления прибывали к Карликам непрерывно; рыжие головы то и дело показывались из зарослей. Карлики выли от бешенства и лезли в самую гущу свалки. Осторожность, которую они проявляли в отношении Уламров, покинула их; быть может, это объяснялось тем, что они хорошо знали Людей-без-плеч и не боялись рукопашной схватки с ними, а может быть, давняя ненависть вспыхнула в них с такой силой, что они забыли об осторожности.

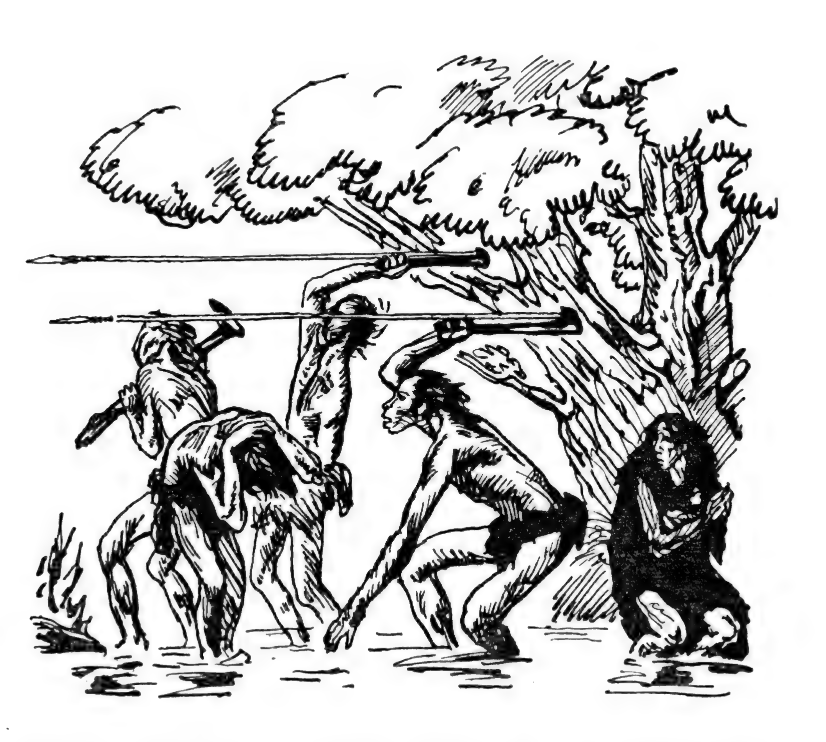

Нао следил за тем, как пустело укрепление, воздвигнутое Рыжими Карликами на гранитной тропе. В самом начале сражения он принял решение и теперь выжидал только удобного момента, чтобы осуществить его.

Всем своим существом Нао жаждал открытого боя. Он понимал, что победа Рыжих Карликов над Людьми-без-плеч означала неминуемую гибель его самого и его спутников.

Нао тревожило только одно: можно ли оставить без охраны Огонь? Плетенки стеснили бы движения Уламров и несомненно пострадали бы в бою. Но он подумал, что в случае победы Огонь можно будет достать и у Рыжих Карликов, а при поражении... при поражении племя Уламров все равно не получит Огня...

Выбрав благоприятную минуту, Нао подал сигнал к выступлению, и трое Уламров с громким боевым кличем выбежали из-под прикрытия скалы. Они ринулись на

Рыжих Карликов со всей быстротой, на какую были способны, и, несмотря на то что несколько вражеских дротиков оцарапали их, мигом настигли своих противников.

Человек десять — двенадцать Рыжих Карликов встретили Уламров остриями копий.

Нао метнул в гущу толпы два дротика и копье, затем бросился вперед, подняв над головой палицу.

Трое врагов замертво свалились на землю в тот самый момент, когда Нам и Гав вступили в бой.

В следующее мгновение в Уламров полетела туча копий, и все они получили ранения. Но копья были брошены издалека, слабыми руками, и раны не представляли опасности. Три пáлицы одновременно опустились над головами врагóв, и еще несколько Рыжих Карликов были убиты; уцелевшие же, видя, что на помощь Уламрам спешит и спасенный Нао Человек-без-плеч, обратились

в бегство. Сын Леопарда успел настигнуть и убить еще двоих, прежде чем беглецы скрылись в зарослях камыша. Горя нетерпением соединиться с Людьми-без-плеч, Нао не стал терять время на их преследование.

* * *

Рукопашная схватка в ивняке тем временем продолжалась. Только нескольким из Людей-без-плеч удалось прорвать окружение и отбежать в сторону; укрывшись позади стволов, они метали дротики с помощью своих странных крючковатых палок. Но положение остальных Людей-без-плеч было безнадежным: Рыжие Карлики сражались с неослабевающей яростью и, кроме того, имели большое преимущество в численности.

Победа явно клонилась в сторону Рыжих Карликов, и только вмешательство Уламров могло изменить положение. Нам и Гав понимали это так же отчетливо, как Нао, и спешили на помощь к окруженным со всей быстротой, на какую они были способны. Когда они подбежали к полю битвы, двенадцать Рыжих Карликов и десять Людей-без-плеч уже лежали на земле мертвыми.

Боевой клич Нао прогремел над головами Рыжих Карликов, словно мощное рыкание льва, и огромный Уламр обрушился на противников подобно горной лавине. Ярость овладела сыном Леопарда. Тяжелая палица крушила без разбора черепа, позвонки, грудные клетки... Рыжие Карлики и раньше догадывались о его большой физической силе, но не могли даже предположить, как она громадна. Прежде чем противники успели прийти в себя, Нам и Гав в свою очередь набросились на них, сея смерть на своем пути.

Ободренные неожиданной помощью, Люди-без-плеч снова принялись метать в Рыжих Карликов свои дротики.

Ряды Рыжих Карликов смешались в беспорядке. Несколько человек в страхе бросились бежать, но яростный окрик вождя остановил их, и они снова собрались в тесную кучу, ощетинившуюся остриями копий. Битва на мгновение приостановилась.

В противоположность Рыжим Карликам Люди-без-плеч воспользовались передышкой, чтобы рассыпаться

в разные стороны. Они больше надеялись на действие метательных снарядов, чем на силу своих рук, и предпочитали сражаться на расстоянии, не вступая в рукопашную схватку.

Снова засвистели в воздухе дротики Людей-без-плеч; те, кто израсходовал уже свой запас оружия, подбирали с земли небольшие камни и, вложив их в крючки на концах удивительных палок, с большой ловкостью метали в противников. Одобряя тактику своих новых союзников, Нао тоже метнул в Рыжих Карликов свои дротики и копья, которые он подобрал с земли после первой атаки, а затем принялся осыпать сбившихся в кучку врагов камнями.

Рыжие Карлики быстро поняли, что их поражение неминуемо, если они не завяжут снова рукопашный бой. Они ринулись в атаку, но встретили на своем пути пустоту: Люди-без-плеч отхлынули к флангам, в то время как Нао, Нам и Гав, более проворные, чем их новые союзники, настигали отставших Карликов и поражали их.

Если бы Люди-без-плеч обладали подвижностью Уламров, они могли бы легко избежать рукопашной. Но они как-то медленно и неуверенно передвигались на своих тонких, длинных ногах и, когда враги стали преследовать их поодиночке, быстро пали духом и почти не сопротивлялись.

Победа снова стала клониться в сторону Рыжих Карликов.

Окинув долгим взглядом поле сражения, Нао увидел того, кто своим властным голосом направлял боевые действия врагов. Это был плотный, коренастый человек с огромными зубами; в огненных волосах его заметно пробивалась седина. Вождя окружало двенадцать или пятнадцать отборных воинов. Если поразить этого человека, исход битвы будет сразу решен...

Выпрямившись во весь свой исполинский рост, сын Леопарда испустил боевой клич и ринулся вперед, презирая опасность и смерть. Все рушилось под ударами его палицы.

Но кучка воинов вокруг седого вождя ощетинилась копьями и преградила Уламру путь, нанося удары с флангов. Нао сокрушил их всех. Тотчас же на месте поверженных выросла шеренга новых противников. Тогда

Нао призвал на помощь Нама и Гава и, собрав все свои силы, прорвал ряды защитников, пробился к вождю и страшным ударом палицы расколол ему череп, словно скорлупу ореха...

В ту же секунду подоспели на помощь Нам и Гав.

Паника охватила Рыжих Карликов. Пока голос вождя вел их в бой, они сражались с неукротимой энергией и готовы были биться до последнего издыхания; теперь же, когда этот голос умолк, мужество покинуло их, и они сразу почувствовали себя беспомощными и обреченными.

Смешав ряды, Рыжие Карлики бросились наутек. Они бежали без оглядки к своим родным землям, к своим рекам и озерам, к своему племени, у которого они всегда черпали мужество и силу и где надеялись обрести их вновь.

Глава пятая

ВЫМИРАЮЩЕЕ ПЛЕМЯ

Тридцать мужчин и десять женщин лежали распростертыми на земле. Многие были еще живы. Кровь текла ручьем из глубоких ран. Часть раненых должна была умереть до наступления ночи; другие могли прожить еще несколько дней, но большинству суждено было выздороветь. Однако раненым Рыжим Карликам предстояло стать жертвами сурового закона войны. Сам Нао, неоднократно нарушавший, по своему мягкосердечию, этот закон, на этот раз понимал, что к таким безжалостным врагам, как Рыжие Карлики, закон должен быть применен без всякой пощады. Он не препятствовал своим спутникам и Людям-без-плеч добивать раненых врагов. Это отняло не много времени.

Затем над полем боя наступила угрюмая тишина. Люди-без-плеч занялись своими ранеными. В уходе за ранами они проявляли искусство и сноровку, неведомые Уламрам.

Нао казалось, что Люди-без-плеч вооружены более совершенными знаниями, чем все другие известные ему племена, но жизнь чуть теплится в их теле. Движения их

были медленны и неуверенны; только вдвоем или втроем они могли поднять раненого товарища. Временами, охваченные каким-то странным оцепенением, они подолгу стояли или сидели совершенно неподвижно, вперив глаза в одну точку, с руками, бессильно повисшими вдоль тела, словно сломанные ветви.

Женщины были, пожалуй, более подвижными, чем мужчины. Они казались также более ловкими и находчивыми. Пробыв некоторое время среди Людей-без-плеч, Нао заметил, что племенем управляет одна из женщин.

Но и у женщин были такие же грустные лица и такие же блуждающие мутные глаза, как у мужчин, и волосы на голове росли такими же редкими пучками.

Глядя на них, сын Леопарда невольно вспоминал о пышных волосах женщин своего племени, о густой копне блестящих волос, украшавшей голову Гаммлы.

Две женщины в сопровождении двух мужчин подошли к Уламрам и осмотрели их раны. Они нежно прикасались к ним пальцами, не причиняя боли. Женщины обтерли кровь ароматическими листьями, прикрыли раны мятой травой и ловко привязали ее лианами.

Этот дружеский поступок свидетельствовал о том, что союз между Уламрами и Людьми-без-плеч заключен. Нао подумал, что новые союзники несравненно менее жестоки, чем его соплеменники, не говоря уже о Кзамах и Рыжих Карликах. И он не ошибся в своем суждении, как не ошибся и в их слабости.

Предки Людей-без-плеч начали обтесывать камни и обжигать концы своих копий раньше всех других людей. В продолжение тысячелетий племя Людей-без-плеч, или Ва, безраздельно властвовало над лесами и равнинами. Они были сильнейшими из людей. Их оружие наносило врагам смертельные раны, они умели пользоваться Огнем и при столкновении с другими племенами неизменно одерживали победу. В те времена Ва были выше ростом, обладали несокрушимыми мускулами и не знали усталости. Язык их был самым совершенным из всех человеческих языков того времени. Племя Ва плодилось, размножалось и процветало.

Так было много тысячелетий назад.

Но наступило время, когда без всяких внешних причин

рост племени прекратился. Ва и не заметили этого, как не замечали затем своего медленного, но непрерывного вырождения. Каждое следующее поколение рождалось более слабым, чем предыдущее. Тела их становились все более хилыми, а движения медленными; язык перестал обогащаться новыми словами, а затем постепенно обеднел. То же самое произошло и с охотничьими приемами и военными хитростями: Люди-без-плеч утратили способность придумывать новые и позабыли старые. Оружие их ухудшалось, и они почти разучились пользоваться им.

Но самым грозным признаком вырождения была все увеличивающаяся вялость мысли и движений. Ва быстро утомлялись теперь от всякого напряжения, много спали и мало ели. Случалось, что зимой они впадали в спячку, подобно медведям.

Из поколения в поколение ослабевала способность Ва к размножению. Женщины с трудом рождали одного или двух детей, и дети эти были хилыми и слабыми. Однако по сравнению с мужчинами женщины сохраняли бóльшую подвижность и мускулы их были более крепкими. Мало-помалу стерлась грань между женским и мужским трудом; женщины охотились, ловили рыбу, изготовляли орудия и оружие наравне с мужчинами и вместе с мужчинами принимали участие в сражениях.

Постепенно другие, более крепкие, деятельные и жизнеспособные человеческие племена оттеснили Ва на юго-запад. Множество Ва было истреблено Рыжими Карликами. Кзамы перебили их без счета.

Ва бродили по земле, словно во сне; из всех былых достижений они сохранили только кое-какие орудия, более сложные и эффективные, чем те, которыми пользовались их противники, да несколько навыков, свидетельствовавших о присущей им когда-то высокой культуре ума.

В конце концов Ва переселились в низменные, болотистые местности, изобиловавшие реками и озерами и ежегодно заливаемые паводковыми водами. Многие жили под землей, в обширных пещерах, промытых в толщах известняков подземными ручьями и соединенных между собой узкими извилистыми проходами, где они безошибочно находили дорогу в тесноте и мраке.

Хотя Ва и не отдавали себе ясного отчета в своем вырождении, но, будучи слабыми и вялыми и быстро утомляясь от всякого усилия, они предпочитали избегать открытой борьбы со своими противниками.

Ва научились скрываться и ускользать от врагов с необычайной ловкостью, способной поставить в тупик даже волка или собаку с их непревзойденным чутьем, не говоря уже о людях, обоняние которых несравненно грубее и несовершеннее. Ни одно животное не умело так искусно запутывать или уничтожать свои следы.

Только в одном случае эти пугливые и вялые люди становились отважными и даже безрассудными. Они готовы были рискнуть всем, чтобы выручить соплеменника, схваченного, окруженного или попавшего в ловушку. Это чувство товарищества, которое некогда делало племя Ва непобедимым, теперь грозило слабым и небоеспособным Людям-без-плеч полным уничтожением.

Именно это чувство побудило Ва броситься на помощь раненому, подобранному Нао. Несмотря на то что Рыжие Карлики были их исконными врагами, Ва не побоялись обнаружить себя, стремясь спасти раненого товарища. Если бы не вмешательство Нао, все их племя было бы перебито Рыжими Карликами; с другой же стороны, неожиданное появление Людей-без-плеч спасло жизнь трем Уламрам.

* * *

После того как Ва перевязали ему раны, сын Леопарда вернулся на гранитную тропу за оставленными там плетенками с Огнем. Он нашел плетенки в полной сохранности; красноватые огоньки еще теплились в них. Увидев это, Нао сильнее ощутил радость победы. Нет, не потому, что он боялся остаться без Огня, он знал, что может получить Огонь у Ва,— но какое-то смутное, почти суеверное чувство заставляло его дорожить именно этими крохотными язычками пламени, которые он завоевал в жестокой борьбе.

Схватив плетенки, Нао с торжествующим видом понес их к своим новым союзникам.

Ва с любопытством оглядели плетенки, а женщина — вождь племени покачала головой. Нао жестами попытался объяснить, что Огонь у его племени умер и он сумел снова

завоевать его. Но никто, казалось, не понял, что он хочет сказать.

Нао решил, что Ва принадлежат к тем жалким человеческим племенам, которые не знают, что Огонь может согревать людей в холодные дни, отгонять ночной мрак и готовить пищу. Старый Гоун рассказывал когда-то ему, что такие племена еще существуют.

Исполненный жалости к Ва, Нао хотел было показать им, как разводят костер, но вдруг заметил, что одна из женщин, присев на корточки под ивой, ударяет друг о дружку два камня. Искры сыпались из камней при каждом ударе. Со страхом и удивлением Нао увидел, как от этих искр на кончике сухой травинки внезапно заплясал маленький огонек. Женщина осторожно и умело раздувала его своим дыханием, и вскоре яркое и веселое пламя стало пожирать кучку сухих листьев и веток.

Сын Леопарда на мгновение остолбенел.

«Ва прячут Огонь в камнях!» — дрожа от возбуждения, подумал он.

Приблизившись к женщине, Нао хотел осмотреть чудесные камни. Женщина недоверчиво отпрянула, однако, вспомнив, что этот человек спас ее племя, она протянула ему камни.

Нао жадно разглядывал их и, не найдя даже маленькой трещинки, еще более удивился. Он пощупал камни — они были холодные.

«Как же Огонь вошел в эти камни? И почему он не нагрел их?» — спрашивал себя Нао с тревогой и недоумением.

Он возвратил женщине ее удивительные камни, охваченный тем недоверием и боязнью, которые внушают темному сознанию людей все непонятные им предметы или явления.

Глава шестая

ЧЕРЕЗ СТРАНУ ВОДЫ

Ва и Уламры шли через Страну воды. Вода была повсюду: в стоячих болотах, заросших белыми кувшинками, водяными лилиями, стрелолистом, вербейником, ка-

мышами и тростником; в торфяных ямах, представлявших собой опасные западни; в озерах, вытянувшихся бесконечной цепочкой и разделенных узкими перешейками из песка, камня или красной глины; в реках, ручьях и ручейках. Вода била из-под земли ключами и источниками, стекала со склонов холмов рокочущими потоками, низвергалась со скал гремящими водопадами или, просочившись сквозь трещины в почве, уходила под землю, теряясь в глубине темных пещер и бездонных пропастей.

Ва знали теперь, что Уламры пробираются на северо-запад. Они провожали своих новых союзников до границ Страны воды, желая облегчить и сократить их путь в этом изобилующем опасностями крае. Местность они знали превосходно. Порой Ва вели за собой Уламров по таким потаенным тропам и проходам, о существовании которых те нипочем не догадались бы, если бы путешествовали здесь одни, без провожатых. Иногда Ва строили плоты для переправы через озера, перебрасывали через пропасть ствол дерева или соединяли два берега реки висячим мостом из лиан. Они были искусными пловцами, хотя плавали довольно медленно и, кроме того, питали почти суеверный страх к некоторым болотным травам и водорослям, вероятно ядовитым.

Все действия Людей-без-плеч носили отпечаток какой-то неуверенности, словно они только что очнулись от сна или, напротив, борются с непреодолимой сонливостью. Но ошибались они очень редко.

Местность изобиловала пищей. Ва знали множество видов съедобных растений и чрезвычайно ловко ловили рыбу. Они с одинаковой легкостью убивали рыб острогами, хватали руками, запутывали в сети, сплетенные из гибких трав, а по ночам приманивали факелами в мелкие заливчики, где им легко было отрезать выход в реку.

По вечерам, когда костер весело пылал на высоком мысу, посреди гранитного островка или на плоском песчаном берегу, Ва собирались у огня и наслаждались каким-то тихим, молчаливым счастьем. Они любили сидеть группами, тесно прижавшись друг к другу; казалось, эти слабые существа обретали новую силу в глубоком чувстве родства со своим племенем. Нао невольно сравнивал их с Уламрами, которые, напротив, всегда стремились уеди-

ниться, и больше всех — сам Нао, предпочитавший на долгое время оставаться в одиночестве.

Часто, сидя у костра, Ва пели длинную, монотонную песню, в которой прославлялись героические деяния давным-давно умерших поколений их племени. Сына Леопарда эти песни Ва почему-то повергали в тоску и уныние. Зато он с живейшим любопытством следил за их охотничьими приемами и ухватками, за тем, как они работают, как ориентируются на местности и в особенности за тем, как пользуются своими метательными снарядами и добывают из камней Огонь. Ва, исполненные благодарности к Нао, не скрывали от него ничего. Они позволяли ему трогать свое оружие и орудия, присутствовать при их починке, и, когда однажды один из Ва потерял свой метательный снаряд, они тут же, в присутствии Нао, изготовили новый. Женщина-вождь подарила Нао такой снаряд, и скоро он научился владеть им с не меньшей ловкостью, чем сами Ва, но с неизмеримо большей силой.

Но тайну добывания Огня из камней Нао постиг не скоро. Чудесное появление Огня долгое время казалось ему чем-то сверхъестественным и вызывало суеверный страх. Он только издали глядел, как вылетают из кремня золотые искры. Мысли, возникавшие при этом в его мозгу, были неясны и полны противоречий. Однако с каждым разом он все больше привыкал к чудесному зрелищу, и страх уступал место любопытству. Затем на помощь ему пришли членораздельная речь и выразительный язык жестов.

К тому времени Нао научился уже понимать десять — двенадцать слов языка Ва и около тридцати свойственных этому племени жестов, заменявших слова. Он понял, что не Ва прятали Огонь в камни, а Огонь от природы был заключен в них.

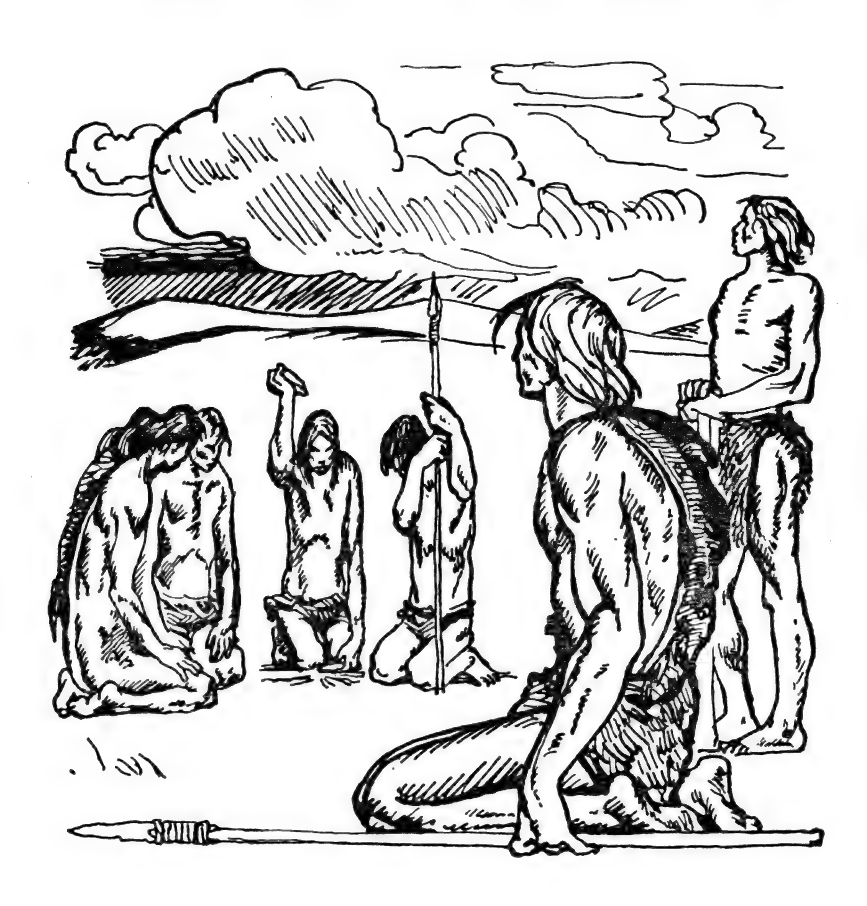
Огонь рождался при ударе и набрасывался на былинки сухой травы; но, так как при рождении он был очень слаб, ему не сразу удавалось схватить свою добычу.

Нао еще больше успокоился, видя, что Ва высекают искры из самых обыкновенных, валявшихся под ногами камней. Убедившись, что в добывании Огня из камней нет ничего чудесного и дело здесь совсем не в волшебстве или особом могуществе Ва, он совершенно перестал бо-

яться. Расспросив Ва, Нао узнал, что для получения Огня нужно иметь два разных камня: кремень и белый колчедан. Однажды он и сам попробовал высечь Огонь. Искры снопом сыпались из камней, сталкиваемых его быстрыми и сильными руками, но, сколько он ни старался, ему никак не удавалось зажечь даже тончайшую сухую былинку.

* * *

Однажды задолго до сумерек племя Ва остановилось на ночлег на песчаном берегу большого озера с прозрачной зеленоватой водой. Стояла сухая холодная погода.

Высоко в небе летела треугольником стая журавлей. Спугнутые близостью людей, в камышовых зарослях сновали чирки. Откуда-то издалека доносилось рычание льва.

Ва развели два больших костра. Нао, собрав целый ворох сухих, почти обуглившихся трав, стал высекать из камней искры. Он трудился со страстным упорством, но ничего не выходило. Напоследок его взяло сомнение: не скрыли ли от него Ва какой-нибудь тайны? Мысль эта взволновала Нао настолько, что он хотел уже бросить камни, но ударил их один о другой в последний раз с такой страшной силой, что кремень раскололся пополам. И вдруг... сердце Нао замерло от восторга: на кончике одной травинки вспыхнул огонек! Осторожно раздувая пламя, Уламр заставил огонек схватить сухой лист, и вскоре веселый Огонь уже пожирал всю заготовленную сыном Леопарда кучу валежника.

Неподвижный, тяжело дыша, с горящими от счастья глазами, Нао глядел на зажженный его руками Огонь. Радость, переполнявшая его сердце, была несравненно сильнее той, которую он испытал, победив серого медведя и тигрицу, похитив Огонь у людоедов Кзамов, заключив союз с вожаком мамонтов и поразив вождя Рыжих Карликов. Он чувствовал, что получил в свои руки такую могучую силу, какой не обладал ни один из его предков, потому что отныне никакому врагу не удастся лишить Огня людей его родного племени.

Глава седьмая

ГОЛУБЫЕ ЛЮДИ

Долины расступались все шире. Уламры и Ва пересекали страну, где осень была почти такой же теплой, как лето. Но вот перед ними выросла зеленая стена густого бора. Дремучая чаща была перевита лианами, преграждена колючим кустарником, сквозь который Ва прорубали дорогу ножами из кремня и агата.

Женщина-вождь дала понять Нао, что Ва покинут Уламров, как только выведут их за пределы бора, потому

что земли, лежащие дальше, незнакомы им. Они знали только, что за опушкой леса находится равнина, а за ней гора, разделенная надвое широким ущельем.

Женщина-вождь сказала также, что ни на равнине, ни на горе людей нет, но в лесу обитает несколько племен. Она объяснила, что это великаны с широкой грудью и мощными руками; они не разводят Огня и не владеют членораздельной речью, не занимаются охотой и не знают войны. Миролюбивые от природы, они приходят в ярость только тогда, когда на них нападают или кто-нибудь становится на их дороге.

* * *

В конце утомительного дневного перехода лес стал понемногу редеть. Деревья не росли уже так густо; в просветах между столетними великанами извивались тропинки, проложенные животными. Густой зеленый сумрак постепенно сменился дневным светом. Но бесчисленное множество птиц по-прежнему оглашало звонким щебетом тенистую Страну деревьев. Всюду виднелись следы хищников и травоядных; змеи бесшумно скользили в высокой траве; мириады бабочек и других насекомых летали над освещенными заходящим солнцем полянами. Всюду чувствовалось биение жизни, могучей и неиссякаемой, вечная борьба за существование, где живая плоть растений и животных непрестанно умирает, чтобы снова возродиться.

К вечеру второго дня женщина-вождь с загадочным видом указала пальцем в сторону подлеска. Среди листьев фигового дерева мелькнуло голубоватое тело. Приглядевшись, Нао узнал человека. Вспомнив Рыжих Карликов, он задрожал от ненависти и тревоги.

Голубой человек заметил пришельцев и мгновенно скрылся. Наступила глубокая тишина.

Племя Ва остановилось, сбившись в тесную кучку. Старейший из воинов племени заговорил.

Он рассказал о чудовищной силе Голубых людей, о страшных приступах ярости, овладевающих ими, когда чужеземцы осмеливаются приблизиться к их становищу, и добавил, что Голубые люди не выносят шума и резких движений.

— Отцы наших отцов,— закончил он,— мирно жили по соседству с ними. Они уступали дорогу Голубым людям, и те никогда не нападали на них ни на равнине, ни в чаще деревьев.

Женщина-вождь кивнула головой в знак согласия с этой речью и подняла кверху свой жезл. Все племя, свернув в сторону, последовало за ней по тропинке, вьющейся среди сикомор, и вскоре вышло на широкую лесную поляну, видимо недавно выжженную упавшей молнией; пепел сгоревших деревьев еще лежал повсюду.

Но едва Уламры и Ва ступили на поляну, как Нао снова заметил справа голубоватую фигуру, подобную той, которую он видел под фиговым деревом. Затем одна за другой из зеленоватого полумрака возникли еще две фигуры. За ними, с треском раздвинув ветви, на поляну выскочило еще одно существо, гибкое и могучее. Появление его было столь внезапным, что Уламры не успели заметить, каким образом это существо передвигалось: на четырех ногах, как звери и пресмыкающиеся, или на двух — как птицы и люди. Казалось, Голубой человек присел на корточки: задние конечности его были наполовину вытянуты по земле, а передние опирались на толстый корень дерева. Лицо у него было огромное, челюсти мощные, как у гиены, глаза круглые, живые и блестящие, череп низкий и приплюснутый, почти без лба; грудь широкая, как у льва. Каждая из четырех конечностей заканчивалась кистью. Густая шерсть с голубоватым отливом покрывала все его тело. Только по форме груди и плеч Нао признал в этом существе человека; голова его скорее напоминала голову медведя или буйвола, а четыре руки придавали сходство с обезьяной.

Окинув столпившихся на поляне людей недоверчивым и злобным взглядом, Голубой человек встал на задние конечности и издал глухой крик.

Тотчас же из чащи на поляну выбежало еще несколько Голубых людей. Здесь были трое мужчин, дюжина женщин и несколько детей, наполовину скрытых в высокой густой траве.

Один из мужчин выделялся своим огромным ростом. Его толстые, как стволы платанов, руки могли без труда

задушить тигра и опрокинуть бизона; грудь была вдвое шире, чем грудь Нао.

Голубые люди не имели никакого оружия. Только двое-трое держали в руках свежесорванные ветви, которыми они копали землю в поисках съедобных кореньев.

Огромный Голубой человек направился к Ва и Уламрам, в то время как все остальные угрожающе ворчали. Он бил себя кулаком в грудь, и белые клыки его сверкали из-за толстых вздрагивающих губ. По знаку женщины-вождя Ва отступили молча и не спеша. Зная с давних пор повадки Голубых людей, они избегали лишних движений и остерегались всякого шума. Нао последовал примеру Ва, всецело полагаясь на их опыт и знания. Но Нам и Гав, шедшие впереди, растерялись и на секунду замешкались. Когда же они захотели последовать за Нао, дорога уже была преграждена рассеявшимися по поляне Голубыми людьми.

Гав бесшумно отступил в лесную чащу. Нам попытался бегом пересечь поляну. Он двигался легко и беззвучно и, казалось, сумеет вовремя ускользнуть. Но одна из женщин в два прыжка догнала юношу и преградила ему дорогу. Он кинулся направо. Двое мужчин подскочили к нему. Пытаясь уклониться в сторону, он поскользнулся и упал. В ту же минуту две огромные руки схватили его и подняли в воздух.

Нам не мог взяться за оружие: чудовищная тяжесть давила его плечи, парализуя всякое движение, и он вдруг почувствовал себя таким же беззащитным и слабым в руках огромного Голубого человека, как сайга в лапах тигра.

Нам видел, что Нао далеко и не успеет прийти к нему на помощь, и, понимая всю безнадежность сопротивления, покорно ожидал смерти, не делая ни единого движения.

Нао не мог равнодушно смотреть, как убивают его товарища. Схватив палицу и копье, он хотел броситься на Голубого человека, но женщина-вождь удержала его за руку.

— Стой! — сказала она.

И знаками объяснила Нао, что, прежде чем тот по-

доспеет на помощь, Голубой человек убьет Нама.

Колеблясь между желанием сразиться за жизнь Нама и опасением ускорить конец сына Тополя, Нао тяжело вздохнул, остановился и стал смотреть.

Голубой человек держал тело юноши на весу; он скрежетал зубами и раскачивал его, готовясь размозжить о ствол дерева. Вдруг гигант перестал раскачиваться и пристально поглядел на распростертую фигуру Нама, затем перевел взгляд на его лицо. Огромные челюсти разжались; в свирепых глазах мелькнула какая-то неясная нежность.

Он нагнулся и бережно положил Нама на землю.

Если бы сын Тополя сделал хоть одно движение, чтобы защититься, или проявил испуг, грозные руки снова схватили бы его. Но Нам понимал, что шевелиться нельзя, и лежал неподвижно, удерживая дыхание.

Все племя Голубых людей — мужчины, женщины и дети — собралось вокруг Нама. Они смутно понимали, что Нам похож на них. У Кзамов и Рыжих Карликов это сходство только усилило бы жажду убийства, но ум Голубых людей еще не пробудился, они никогда не воевали, питались одной растительной пищей и жили без всяких законов. Они инстинктивно ненавидели хищников, которые подстерегали и уносили раненых или детей; временами чувство соперничества толкало мужчин на драку, но они никогда не убивали травоядных животных.

Распростертое на земле тело Нама вызывало в их темном сознании растерянность и недоумение. Однако полная неподвижность юноши постепенно успокоила Голубых людей, так же как и мирное поведение огромного человека, который в течение долгих лет был их вожаком. Ни один мужчина племени не мог противостоять ему; это он вел Голубых людей сквозь лесную чащу, выбирал дорогу и места для ночлега, отражал нападения свирепых хищников. Раз вожак пощадил жизнь Нама, ни один из Голубых людей не осмелился ударить или укусить юношу.

Чем дольше они смотрели на вытянувшееся на земле тело Нама, тем меньше становилось у них желания убить его.

Жизнь Нама была вне опасности.

Теперь он, пожалуй, мог бы следовать за племенем Голубых людей и даже жить с ними, не вызывая у них беспокойства или неприязни.

Нам чувствовал, что опасность миновала, так же отчетливо, как прежде ощущал неизбежность гибели. Он тихо поднялся с земли и остановился выжидая. Голубые люди еще некоторое время следили за ним с затаенным недоверием. Потом одна из женщин, соблазнившись сочным молодым побегом какого-то куста, сорвала его и стала медленно жевать. Мужчина принялся выкапывать коренья.

Хотя Голубые люди питались только растительной пищей, они уже не ели без разбору все попадавшиеся на их пути травы и листья, как это делали, скажем, зубры или олени; поэтому добывание пищи было для них делом долгим и кропотливым.

Понемногу все племя занялось поисками еды и вскоре забыло о Наме...

Юноша был свободен. Стараясь не привлекать к себе внимания Голубых людей, он присоединился к Нао, стоявшему на краю поляны, и они вдвоем долго следили за тем, как Голубые люди то появляются из чащи леса, то снова исчезают в ней. Нам, еще не оправившийся от пережитого волнения и страха, с радостью убил бы их всех. Но в сердце Нао не было ненависти к этим странным существам, покрытым голубоватой шерстью. Он восхищался их силой, не уступающей силе серого медведя, и думал, что, если бы Голубые люди захотели, они могли бы без труда истребить и Людей-без-плеч, и Рыжих Карликов, и Кзамов, и самих Уламров.

Глава восьмая

В ГОРНОМ УЩЕЛЬЕ

Много времени прошло с того дня, когда Уламры расстались с племенем Ва на опушке леса, населенного Голубыми людьми.

Миновав обширную равнину и ущелье между двумя горами, Нао, Нам и Гав очутились на высоком плоскогорье. Осень чувствовалась здесь сильней, чем внизу,

в долинах. Тяжелые тучи бесконечной вереницей ползли по небу над самыми головами, ветер выл с утра до ночи, пригибая к земле чахлые травы и низкорослые кустарники. Насекомые мириадами гибли от холода под древесной корой, среди оголенных качающихся веток и засохших корней, в грудах гниющих на земле плодов, в трещинах камней и твердой красноватой глины.

Когда ветер разрывал порой плотную завесу облаков, холодные звезды озаряли своим ледяным сиянием непроглядный мрак. Всю ночь слышен был унылый вой волков и пронзительный визг диких собак. Временами раздавался предсмертный крик терзаемого хищниками оленя, сайги или дикой лошади, зловещее мяукание тигра, грозное рыкание льва... За ярким кругом света, отбрасываемого Огнем, Уламры замечали крадущиеся по земле гибкие тени или внезапно вспыхивающие во мраке огоньки глаз.

Жизнь становилась все суровее. С приближением зимы зеленый убор земли поредел, и травоядные с трудом добывали себе пропитание, съедая под корень найденные растения, обдирая с деревьев кору и обгладывая молодые побеги. Другие бродили под сенью ветвей в поисках упавших на землю плодов. Грызуны готовили к зиме свои подземные жилища. Хищники без устали подстерегали добычу на пастбищах и у водопоев, высматривали в сумраке лесных чащ, скрываясь в пещерах и углублениях скал.

Кроме животных, впадающих в зимнюю спячку, и тех, кто летом заготавливает запасы на зиму, всем остальным приходилось туго. С наступлением холодов потребность в пище возрастала, а еды становилось все меньше и меньше.

Нао, Нам и Гав почти не страдали от голода. Трудный поход и выпавшие на их долю тяжелые испытания развили и обострили их чувства и инстинкты. Они издалека чуяли присутствие врага или добычи; заранее предчувствовали приближение ветра, дождя, наводнения. Каждое их движение было рассчитано точно, с минимальной затратой энергии. Они научились с первого взгляда намечать безопасный путь к отступлению, отыскивать надежное убежище, выбирать удобную позицию для боя.

Они находили дорогу в чужих местах с уверенностью перелетных птиц. Несмотря на то что на пути их встречались горы, леса, озера, реки и болота, которые приходилось обходить, несмотря на осенние паводки, изменявшие до неузнаваемости вид местности, они с каждым днем приближались к стране Уламров. Лишь несколько дневных переходов отделяло их теперь от стоянки родного племени.

Обогнув вышедшее из берегов болото, они очутились в холмистой местности. Низкое желтое небо нависло над высокими, крутыми холмами. Тяжелые облака цвета охры, глины и увядших листьев громоздились друг на друга и, казалось, вот-вот закроют землю непроницаемой пеленой.

Среди множества путей к родному становищу Нао выбрал длинное, извилистое ущелье, которое он сразу узнал, потому что когда-то, в возрасте Гава, проходил по нему с отрядом охотников своего племени. Он хорошо запомнил это ущелье, то узкой лентой извивавшееся среди отвесных известняковых стен, то раздававшееся в стороны широкой долиной, и знал, что в конце ущелья находится спуск на равнину, усеянный каменными осыпями.

Уламры без всяких приключений прошли почти две трети каменного коридора. В полдень они устроили привал на полукруглой площадке, окруженной отвесно поднимающимися скалами.

Откуда-то из-под земли доносился глухой рокот потока, низвергавшегося в пропасть. Два темных отверстия зияли в каменной стене — то были входы в промытые подземными водами пещеры.

Покончив с едой, Нао направился к одной из пещер и долго осматривал ее. Он вспомнил, что Фаум когда-то показал охотникам проход в скалах, через который можно было кратчайшим путем выйти на равнину. Но многочисленному отряду охотников крутой откос, заваленный осыпавшимися со скал камнями, показался неудобным; для трех же легких на ногу человек эта дорога вполне подходила, и Нао решил разыскать ее.

Он прошел в глубь пещеры, нащупал узкий проход и углубился в него. Пройдя несколько сот локтей, сын Леопарда увидел вдали слабый свет: выход, очевидно, был

близко. Удовлетворенный результатом разведки, Нао вернулся к своим спутникам. Навстречу ему торопливо шел Нам.

— В ущелье огромный медведь...— начал он.

Низкий гортанный рев прервал его слова. Нао кинулся к выходу из пещеры. Он увидел Гава, притаившегося за скалой в позе воина, подстерегающего врага. Нао бросил быстрый взгляд наружу и весь похолодел от ужаса.

К площадке, где Уламры устроили привал, с противоположных сторон подходили два чудовищных зверя. Необычайно густая шерсть цвета дубовой коры покрывала их тело, делая животных нечувствительными к холоду, колючкам кустарников и острым выступам камней.

Один из них — самец — был громаден, словно зубр, с короткими мускулистыми и гибкими лапами и выпуклым лбом, напоминающим валун, обросший лишайником и мохом. В огромной пасти могла свободно поместиться голова человека, и мощным челюстям достаточно было сомкнуться, чтобы раздавить ее, словно скорлупу ореха.

У самки лоб был плоский, морда более короткая, походка вразвалку. В движениях и фигурах обоих зверей было нечто, отдаленно напоминавшее облик Голубых людей.

— Да,— пробормотал Нао,— это пещерные медведи, медведи-великаны!

Он знал, что эти гиганты не боятся ни одного живого существа, но, в общем, ведут себя довольно миролюбиво. Они становятся опасными, только если что-нибудь разъярит их или же когда очень голодны, хотя обычно не едят мяса, довольствуясь растительной пищей.

Медведи подходили все ближе, грозно рыча. Самец раскрывал пасть и свирепо мотал головой.

— Он ранен! — прошептал Нао.

С густой шерсти огромного зверя стекала тоненькая струйка крови. Нао с ужасом подумал, что эту рану могла нанести человеческая рука... Тогда хищник захочет, конечно, выместить свою злобу на них. Нао знал, что пещерные медведи отличаются исключительной настойчивостью: раз начав преследовать добычу, они уже не отступятся от нее, пока не добьются своего. Толстой коже

и густой шерсти пещерного медведя не страшны ни дротик, ни копье, ни даже палица. Он может вспороть человеку живот одним ударом когтистой лапы, может задушить его в своих объятиях, загрызть мощными челюстями...

— Откуда пришли медведи? — спросил Нао.

— Самец спустился со склона справа, а самка вышла из-за тех деревьев,— ответил Гав, указывая на несколько сосен, росших на скале слева от пещеры.

Случайно или по инстинкту охотников медведи загородили оба выхода с площадки в ущелье. По возбужденному ворчанию самца и беспокойному поведению самки, злобно глядевшей на Уламров, ясно было, что звери разъярены и жаждут человеческой крови. Они не бросились еще на людей только потому, что соображали медленно и хотели сначала удостовериться, что добыче некуда ускользнуть. С шумом втягивая в ноздри воздух, они старались точнее определить расстояние, отделявшее их от Уламров, скрытых среди камней.

Нао торопливым шепотом приказал Наму и Гаву отступить, и, когда медведи наконец бросились в атаку, все трое Уламров были уже в глубине пещеры. Сын Леопарда, пропустив юношей вперед, прикрывал отступление. Молодые воины бежали со всей скоростью, какую позволял развивать усыпанный острыми камнями извилистый подземный ход.

Медведи, забравшись в пещеру и найдя ее пустой, замешкались, разыскивая след Уламров; недоверчивые и осторожные, они медленно продвигались по подземному ходу и часто останавливались. Гиганты не боялись ни людей, ни животных, но долголетний опыт научил их опасаться всего непонятного и неизвестного. В их темной, но цепкой памяти прочно хранились воспоминания о громадных камнях, с грохотом скатывающихся со склонов гор, о внезапно разверзающихся под ногами трещинах и провалах, о глубоких пропастях, на дне которых царит вечный мрак, о лавинах, осыпях, обвалах, наводнениях. Ни мамонт, ни лев, ни тигр никогда не покушались на их жизнь, но стихийные силы природы не раз угрожали косматым исполинам. Медведи помнили, как они чуть не погибли однажды в снежной лавине, как их засыпало землей во время землетрясения, помнили ледоход, во время которого они едва не утонули, острые камни, падавшие на них с высоты и наносившие жестокие раны, несмотря на густую шерсть и толстую кожу.

В это утро впервые за всю их жизнь медведей атаковали живые существа. Они стояли во весь рост на вершине отвесной скалы, куда могли добраться разве только ящерицы или птицы. Увидев пещерных медведей,

двуногие существа испустили громкий воинственный крик и метнули в зверей дротики. Один из них впился в плечо самца. Обезумев от боли и ярости, гигант ринулся к скале и попытался взобраться по отвесному склону. Но, быстро убедившись, что скала с этой стороны неприступна, он в сопровождении своей самки бросился в обход.

На бегу медведь выдернул из раны дротик и обнюхал его: запах вызвал в темном сознании зверя какие-то смутные воспоминания. До этих пор медведь редко встречал людей, и вид их вызывал у него не больше удивления и интереса, чем вид волков или гиен. Люди обычно уступали ему дорогу, и он ничего не знал ни об их хитрости, ни об их силе. Тем более поразило его утреннее нападение: привычный порядок существования нарушился, возникло что-то новое, неизвестное, а всякая неизвестность пугает зверя, даже такого могучего и уверенного в себе, как пещерный медведь.

В продолжение всего дня оба медведя рыскали по холмам, исследуя каждый откос, обнюхивая каждую тропинку, каждый камешек. К концу дня медведь изрядно устал от поисков, и, если бы горевшая огнем рана не напоминала о себе, он давно забыл бы об утренней встрече. Но острые приступы боли все время оживляли в его памяти воспоминание о трех странных существах, потрясавших дротиками, стоя на вершине скалы; тогда он останавливался, грозно рычал и лизал кровь, сочившуюся из раны.

Однако вскоре рана перестала беспокоить его, и медведь начал думать о пище, найти которую в это время года было не так-то легко.

И вдруг он снова учуял запах человека.

Медведь позвал свою самку, искавшую пищу поодаль, так как осенью два таких громадных и прожорливых зверя не могли прокормиться на одном участке. Обнаружив наконец своих дерзких врагов, они вместе бросились на них.

Уламры, молча бежавшие по подземному ходу, не слышали сначала ничего, кроме учащенного стука своих сердец. Но вскоре за их спиной раздался топот тяжелых ног и гулкое, мощное дыхание: медведи догоняли их. Непрестанно обнюхивая опущенным к самой земле носом

темный проход, устойчивые на своих четырех лапах, звери бежали быстрее, чем Уламры. А люди ежеминутно спотыкались о камни, стукались о выступы стен или попадали ногами в трещины и выбоины. Их движения стесняли оружие, запас провизии и плетенки с Огнем, с которыми Нао ни за что не хотел расстаться. Крохотные огоньки, мерцавшие в плетенках, почти не давали света; их слабый красноватый отблеск терялся в вышине и был еле заметен на стенах подземного хода. Но это тусклое мерцание все же выдавало беглецов преследующим их зверям.

— Скорее, скорее! — кричал Нао.

Нам и Гав и без того бежали со всей быстротой, на какую были способны, но звери настигали их...

С каждым шагом все явственнее слышалось шумное дыхание медведей. Ярость хищников разгоралась по мере того, как сокращалось расстояние, отделявшее их от людей. Время от времени то самец, то самка грозно рычали. Эхо многократно повторяло их рев, и Нао еще отчетливее представлял себе величину чудовищ, их железную хватку и сокрушительную силу страшных челюстей...

Вскоре медведи были уже в нескольких шагах от Уламров. Земля колебалась под ногами Нао, и он чувствовал, что через мгновение страшная тяжесть обрушится на его спину...

Сын Леопарда предпочел встретить смерть лицом к лицу. Он резко повернулся и направил свет огонька прямо в глаза медведю. Огромный зверь замер как вкопанный. Неожиданность смутила его. Он уставился на маленький огонек, грузно покачиваясь на коротких лапах, затем глухо позвал свою самку. Но еще прежде, чем она подоспела, ярость проснулась в хищнике с удвоенной силой, и он ринулся на Уламра... Нао отскочил назад и изо всех сил швырнул свою плетенку с Огнем в морду медведю. Удар пришелся по ноздре. Огонь вспыхнул и обжег медведю веко. Ошеломленный зверь заревел от боли и стал тереть лапой обожженную морду. Тем временем Нао успел выгадать несколько десятков шагов.

Впереди, в конце подземной галереи, уже показалась полоса тусклого света. Уламры видели теперь под ногами землю; они бежали быстрей и уверенней, не спотыкаясь.

Но медведи возобновили преследование и тоже удвоили скорость...

Дневной свет становился все ярче, и Нао с тоской подумал, что на вольном воздухе опасность, угрожающая ему и его спутникам, не уменьшится, а, наоборот, возрастет.

Снова медведь был в нескольких шагах. Жгучая боль в глазу так разъярила его, что он забыл всякую осторожность. Ничто не могло теперь удержать его порыва. Нао чувствовал это по взволнованному дыханию зверя, по его отрывистому, глухому рычанию.

Нао хотел было снова повернуться и принять бой, как вдруг Нам, бежавший впереди, призывно крикнул. Нао поднял голову и увидел впереди высокий выступ, загораживавший подземный ход, оставляя только узенькую щель у стены. Нам уже миновал эту щель, Гав углубился в нее. Разверстая пасть медведя была всего в трех шагах от Нао, когда тот в свою очередь скользнул в узкий проход, втянув голову и сжав плечи...

Медведь с разбегу налетел на скалу, но отверстие было слишком узким для него, и только морда пролезла в щель. Зверь разинул пасть, обнажая страшные клыки, и яростно зарычал. Но Нао уже не боялся чудовища; он знал, что недосягаем для него. Огромная скала не сдвинулась бы с места, даже если бы ее толкали сто мамонтов. Она удерживала медведя так же верно, как смерть.

Сын Леопарда рассмеялся и насмешливо крикнул:

— Нао теперь сильнее пещерного медведя! У него есть палица, топор и дротики. Он может ударить медведя, и медведь не ответит на его удар!

И он поднял палицу.

Но медведь, наученный недавним опытом, успел втянуть морду обратно прежде, чем палица Нао опустилась, и попятился назад, под прикрытие скалы. Злоба попрежнему кипела в нем. Ноздри раздувались, косматые бока ходили ходуном, кровь стучала в висках. Но зверь не поддался слепому бешенству. Он помнил урок, который дважды получил сегодня от двуногих существ: дважды они каким-то странным способом причинили ему боль. И, не будучи в силах отомстить немедленно, медведь затаил ненависть. Он знал теперь, что человек — опасный враг, и понял, что одной силы для победы над ним недостаточно,— нужны хитрость и осторожность.

Медведица по-прежнему грозно рычала сзади; она не извлекла для себя никакого урока из встречи с двуногими животными, потому что не пострадала от них, как ее самец. Но рев медведя призывал ее к осторожности, и она тоже попятилась назад, полагая, что впереди встретилась какая-то природная западня. Разве могла она предположить, что опасность исходит от жалких существ, скрывшихся за выступом гранитной скалы!

Глава девятая

УТЕС

Держа наготове копье, Нао сторожил у прохода, не вернется ли медведь. Он жаждал отомстить свирепому зверю. Но медведь по-прежнему скрывался в темноте за скалой, а медведица даже не подходила близко, и ярость Нао постепенно утихла. Он вспомнил, что день на исходе, а до равнины еще далеко, и, подавив досаду, направился к выходу.

Подземный ход расширялся, с каждым шагом в нем становилось все светлее. Наконец Уламры выбрались на вольный воздух и радостными криками приветствовали осенние тучи, плывшие по небу, крутой спуск с горы, усеянный камнями и рытвинами, и безграничный простор равнины.

Перед ними расстилались родные, хорошо знакомые места. С раннего детства они знали здесь каждое дерево в лесах, каждую травинку в степи, каждый уступ холмов; сколько раз переплывали и переходили они вброд эти реки, обходили болота, ночевали под прикрытием нависших скал! Еще два дня пути — и они достигнут Большого болота, на берегах которого обычно собирались Уламры после своих боевых и охотничьих походов. Предания племени называли эти места родиной Уламров.

Нам рассмеялся, как ребенок. Гав радостно протянул вперед руки.

Нао, взволнованный множеством воспоминаний, чуть слышно прошептал:

— Мы скоро увидим племя!

Молодые воины уже ощущали близость родного становища. Оно мерещилось им везде: и в пышном осеннем убранстве деревьев, и в спокойных водах реки, и в величаво плывущих по небу облаках. Весь облик местности казался им иным, не похожим на земли, оставшиеся там, позади, на негостеприимном юго-востоке. Пережитые страдания и лишения были мгновенно забыты, и радость близкого свидания занимала все мысли молодых Уламров.

Нам и Гав, много раз испытавшие на себе суровость, а порой и жестокость старших соплеменников, не говоря уже о тяжелых кулаках скорого на расправу Фаума, теперь даже не вспоминали об этом и чувствовали себя бесконечно счастливыми. С гордостью глядели они на маленькие язычки пламени, которые им удалось сохранить, несмотря на все препятствия, страдания и усталость.

А Нао горько сожалел, что ему пришлось пожертвовать своей плетенкой в битве с пещерными медведями; какая-то суеверная тревога шевелилась в глубине его сердца. Правда, он принесет в дар Уламрам чудесные камни, хранящие в себе Огонь, и научит соплеменников извлекать из них пламя по своему желанию, но все же он предпочел бы, подобно своим спутникам, сохранить живой частичку того Огня, который он с опасностью для жизни отвоевал у Кзамов.

* * *

Спуск на равнину оказался трудным. Осенние дожди умножили количество осыпей, расселин и рытвин. Уламры осторожно продвигались вниз по крутому, скользкому от недавнего ливня склону, опираясь на топоры и копья. Наконец последнее препятствие осталось позади, и они очутились у подножия горы, на равнине. Теперь перед ними лежала ровная, давно известная дорога. Полные радостных надежд, молодые воины устремились вперед, мало обращая внимания на окружающее, забыв обо всех опасностях, которые подстерегают человека на каждом шагу пути.

Они шли до наступления сумерек. Нао искал излучину реки, где он хотел остановиться на ночлег. День медленно угас под тяжелым пологом облаков. Только на западе еще долго горела зловещим огнем багровая полоса вечерней

зари. Со всех сторон слышался унылый вой волков и жалобный визг диких собак. Они пробегали, крадучись, и собирались в стаи на опушке леса или близ зарослей кустарников. Молодые воины удивлялись их многочисленности.

Видимо, какая-то массовая миграция травоядных заставила волков и собак перекочевать из других мест на эту равнину, изобиловавшую дичью. Но теперь хищники, должно быть, истребили дичь и здесь. Их тоскливый вой и лихорадочное рыскание говорили о том, что животных мучит жестокий голод.

Зная, как опасны эти звери, когда их много, Нао стал торопить своих спутников. Уламры ускорили шаг, но волки и собаки не отставали. Они бежали по следу людей, ворча и огрызаясь друг на друга. В конце концов хищники объединились в две огромные стаи: справа от Уламров двигались волки, слева — собаки. Волки были выше ростом и мускулистее, но собаки значительно превосходили их количеством.

В сгущающихся сумерках глаза хищников сверкали все ярче и ярче. Нао, Нам и Гав видели со всех сторон множество зеленых огоньков, перемещавшихся с места на место подобно светлячкам. Время от времени молодые воины отвечали на злобный визг и вой преследователей протяжным боевым криком, после чего фосфоресцирующие зеленые точки поспешно удалялись в темноту.

Вначале хищники держались на расстоянии полета копья, но чем плотнее становился сумрак, тем ближе они подступали. Уламры отчетливо слышали теперь позади себя мягкий шорох бесчисленных лап. Собаки оказались более предприимчивыми; некоторые из них обогнали людей и преградили им путь. Тогда волки, опасаясь, что собаки опередят их, двинулись на соперников с раздирающим душу воем. Казалось, между двумя стаями вот-вот вспыхнет драка. Собаки, тесно сомкнув ряды и хорошо сознавая свое численное превосходство, готовились оказать упорное сопротивление, в то время как волки, терзаемые голодом, сводившим их внутренности, не могли сдержать яростного нетерпения.

Освещенные последними отблесками серого сумеречного света, обе стаи стояли друг против друга, ощетинившись и угрожающе рыча.

Но схватки не произошло. Несколько собак, очевидно, самые голодные, кинулись снова вслед за людьми; их примеру последовали остальные. Погоня возобновилась.

Это упорное преследование в конце концов начало всерьез волновать Уламров. В ночной темноте, перед лицом такого огромного количества противников опасность становилась смертельной.

Группа собак опередила Гава, который шел слева, и одна из них, ростом с доброго волка, вдруг остановилась, оскалила блестящие клыки и прыгнула на юношу. Гав нервным движением метнул в нее копье. Копье вонзилось в плечо животного, и собака завертелась на месте, жалобно визжа. Гав прикончил ее ударом палицы.

На предсмертный вопль собаки сбежались ее сородичи. Чувство солидарности у них было развито сильнее, чем у волков, и, если одной из собак угрожала опасность, стае случалось противостоять даже крупным хищникам.

Опасаясь, что собаки нападут на Уламров всей стаей, Нао, чтобы устрашить их, приказал Наму и Гаву приблизиться. Втроем, плечом к плечу, они стояли перед рычащей сворой. Собаки, озадаченные таким неожиданным отпором, сбились в тесную кучу. Нао хорошо знал, что стоит одной из них кинуться на них, как тотчас же вся стая последует ее примеру. Тогда кости Уламров забелеют на равнине...

Вдруг Нао резким движением метнул дротик; ближайшая собака свалилась на землю с пробитой грудью. Схватив ее за задние лапы, сын Леопарда швырнул труп в стаю волков, заходивших справа. Запах крови ударил в нос изголодавшимся волкам, и они мгновенно растерзали на части так легко доставшуюся добычу. В ту же секунду собаки, забыв про людей, с яростным рычанием кинулись на волков...

* * *

Не дожидаясь исхода битвы, Уламры бросились наутек. Колыхавшийся впереди туман указывал на близость реки, и в просветах его Нао уже различал блестящую поверхность воды.

Два или три раза Нао останавливался, чтобы сориентироваться в темноте, и наконец, указав рукой на

какую-то сероватую массу, возвышавшуюся у самого берега, радостно крикнул:

— Теперь собаки и волки не страшны Нао, Наму и Гаву!

Это был гранитный утес, имевший форму почти правильного куба. Высота его раз в пять превышала рост человека. Подъем на утес был возможен только с одной стороны. Нао с давних пор знал о существовании этого утеса. Он быстро поднялся на его вершину, Нам и Гав следовали за ним. Вскоре все трое очутились на широкой площадке, где свободно могли разместиться тридцать человек.

На равнине, во мраке ночи, волки продолжали яростно сражаться с собаками. Злобный вой, рычание и жалобный визг разносились далеко вокруг.

Уламры облегченно вздохнули, радуясь, что находятся вне опасности.

Затрещали, разгораясь, сухие сосновые ветви, заплясали алые языки пламени, рыжий дым столбом поднялся вверх, и широкий круг света озарил безмолвные ночные воды. По обе стороны утеса тянулась голая полоса песчаного берега; заросли тростника, тополей и ольхи начинались лишь на расстоянии нескольких десятков локтей. Ни одно живое существо не могло подойти к подножию утеса незамеченным.

Ночные животные бежали от Огня и прятались либо, наоборот, привлеченные светом, устремлялись к нему. Две совы с унылым криком взлетели с верхушки большой осины; целый рой летучих мышей закружился вокруг костра; стайка скворцов унеслась на противоположный берег реки; испуганные утки покинули освещенное место и перебрались в тень; множество рыб всплыло из глубины реки и уставилось на свет. Багряные отблески костра осветили коренастого, сердито фыркавшего кабана, пробегавшего мимо лося с могучими рогами, круглую голову рыси с треугольными ушами и горящими красноватым огнем глазами, притаившейся в ветвях старого ясеня.

Наслаждаясь теплом и покоем, Уламры молча ели жареное мясо. Становище близко! Лишь один день пути отделял их теперь от берегов Большого болота.

Нам и Гав думали о встрече, которую окажет им племя. Уламры по достоинству оценят мужество, стойкость и

выносливость, проявленные юношами во время похода, и будут отныне считаться с ними, как со зрелыми воинами.

Нао думал о Гаммле, о Фауме, о том, что теперь он станет вторым вождем племени, помощником Фаума...

Полные радужных надежд, они забыли обо всех опасностях, которым подвергались во время долгого странствования. Все мысли их были устремлены в будущее. Мир, окружающий их, был обширен, нов и молод, и сами они были молоды и полны сил. Им казалось, что они будут жить вечно, что им не страшны теперь ни дикие звери, ни голод, ни холод, ни грозные силы враждебной природы...

Громовый рев внезапно разорвал ночную тишину. Кабан ринулся в заросли и исчез. Лось умчался как вихрь, закинув на спину тяжелые рога. Сотни живых существ, таившихся в ночи, вздрогнули и затрепетали... На опушке осиновой рощи появилась гигантская черная тень, и Нао еще раз увидел пещерного льва. Хищник бесшумно крался вдоль берега, но все живое уже бежало перед ним. Он был один в ночном мраке.

Огромный зверь беспокойно озирался по сторонам. Он хорошо знал проворство, сообразительность, остроту обоняния и осторожность тех существ, которые должны были стать его добычей. В этом краю, где его сородичи уже почти вымерли, гораздо холоднее, чем на юге, и дичь здесь попадается реже. Добывать пропитание с каждым днем становится трудней, и жестокий голод день и ночь терзает могучего зверя.

Несмотря на высоту и неприступность утеса, Нао невольно содрогнулся от страха. Он подбросил сучьев в костер и взял в руки палицу. Нам и Гав также приготовились к бою. Все трое прижались к скале, чтобы лев не заметил их.

Пещерный лев остановился и с удивлением посмотрел на свет, льющийся с вершины утеса. Лев понимал, что это не дневной и не сумеречный свет. В его мозгу проносились смутные образы пожара, охватившего саванну, дерева, опаленного молнией, зажженных людьми костров, которые он видел в тех краях, откуда его прогнали голод и за-

суха. Он зарычал и осторожно подошел к утесу, втягивая воздух расширившимися ноздрями.

Лев чувствовал слабый запах дыма и еще более слабый запах жареного мяса; запаха человека не было слышно совсем. Он рассеивался, не успев опуститься до земли, и легкий ветерок относил его к реке. Хищник видел только причудливую игру красноватых языков пламени, то поднимающихся столбом к небу и разбрасывающих снопы искр, то расстилающихся по земле и меркнущих в густых клубах дыма. Эта буйная пляска Огня ничего не говорила огромному хищнику; она не напоминала ему ни о добыче, ни о победах над врагом.

Тоска и разочарование овладели великаном. Он раскрыл свою огромную пасть, издал глухой жалобный рев, затем медленно удалился в темноту на поиски другой добычи.

— Ни один зверь не страшен нам! — с вызывающим смехом крикнул ему вслед Нао.

* * *

Между тем Нам, повернувшись спиной к костру, следил за какими-то тенями, мелькавшими на противоположном берегу реки среди тополей и сикомор. Вдруг он вздрогнул и, вытянув руку вперед, прошептал:

— Сын Леопарда! Там люди!

Холодок пробежал по спине Нао. Он стал напряженно вглядываться в ночной мрак. Гав последовал его примеру, напрягая все свои чувства. Но берега реки были попрежнему пустынны. Слышалось только журчание воды да шелест ветвей и трав.

— Не ошибся ли Нам? — спросил Нао.

Молодой воин уверенно ответил:

— Нам не мог ошибиться... Он видел человеческие фигуры среди стволов тополя. Их было двое.

Нао больше не сомневался. Сердце его трепетало то от страха, то от радостной надежды.

— Мы уже в стране Уламров,— тихо сказал он.— Нам, наверное, видел охотников или разведчиков, высланных Фаумом.

Он поднялся на ноги и встал во весь рост на вершине утеса. К чему прятаться в тени? Ведь люди, кем бы они

ни были — друзьями или врагами,— отлично понимали, что означает костер на вершине утеса.

Звучный голос разбудил тишину ночи:

— Я — Нао, сын Леопарда! Я завоевал для Уламров Огонь! Пусть посланцы Фаума покажутся!

Но тьма оставалась непроницаемой. Даже ветерок затих и не слышно было рева хищников. Только Огонь потрескивал в ночной тишине и звучал несмолкаемый голос речных вод.

— Пусть покажутся посланцы Фаума! — повторил Нао.— Пусть посмотрят, пусть узнают Нао, Нама и Гава! Пусть будут желанными гостями у костра!

Они стояли втроем перед пылающим костром, и силуэты их четко выделялись на багровом фоне пламени. Нао издал призывный крик Уламров.

Тишина. Никто не отозвался на призыв. Нао подождал еще немного, чувствуя, как кровь медленно отливает от щек и мрачное предчувствие овладевает всем его существом. Потом сказал глухо:

— Это враги!

Нам и Гав и сами догадались об этом. Радость, только что владевшая ими, рассеялась как дым.

Значит, не все дурное осталось позади... Новая опасность, возникшая перед Уламрами в ту ночь, когда родное становище было так близко, представлялась юношам особенно грозной. Она казалась еще ужасней, оттого что исходила от самых коварных врагов — людей. В этой местности, соседствовавшей с Большим болотом, Нао рассчитывал встретить только своих соплеменников. Откуда же здесь взялись чужие люди? Неужели победители Фаума снова напали на Уламров за время их отсутствия? Неужели родное племя уничтожено, стерто с лица земли?

Нао представил себе Гаммлу убитой или взятой в плен. Он стиснул зубы, чтобы не застонать, и погрозил тяжелой палицей противоположному берегу, затем, полный мрачных мыслей, опустился на землю у костра, не сводя глаз с того места, где Нам заметил тени людей.

Завеса туч внезапно разорвалась на востоке, и в просвете показалась луна в последней четверти. Окутанная красноватой дымкой, она висела совсем низко, над самой саванной. Слабый свет ее, озарив окрестности, сделал

невозможным бегство, которое лихорадочно обдумывал Нао, не знавший ни численности невидимых врагов, ни места, где они скрывались...

Вдруг Нао вздрогнул всем телом и подался вперед. Среди деревьев на том берегу промелькнул силуэт человека. Как ни мимолетно было его появление, сын Леопарда сразу узнал эту широкоплечую, коренастую фигуру с непомерно длинными руками, и страшное предчувствие, словно острие копья, пронзило его сердце. Теперь Нао был уверен, что люди, скрывающиеся в тростниках напротив утеса,— это его соплеменники, это Уламры. Но он сто раз предпочел бы увидеть перед собой Пожирателей Людей или Рыжих Карликов. Потому что в человеке, показавшемся на мгновение среди ветвей, он безошибочно признал Косматого Агу.

Глава десятая

КОСМАТЫЙ АГУ

За несколько секунд Нао мысленно пережил снова страшную сцену, когда Агу и его Косматые братья предстали перед Фаумом, обещая завоевать Огонь для племени. Угроза светилась в их выкатившихся, налитых кровью глазах, дикая сила и неумолимая жестокость сквозили в каждом движении. Племя слушало их, содрогаясь от страха.

Каждый из Косматых братьев мог с успехом противостоять в бою могучему Фауму. Хитрые, ловкие и бесстрашные, с волосатыми, словно у серого медведя, торсами и огромными руками, твердыми, как ветви старого дуба, спаянные нерушимым братским союзом и привыкшие сражаться всегда плечом к плечу, эти трое были опаснее десятка отборных воинов. Вспомнив всех, кого они убили или искалечили, Нао почувствовал, как безграничная ненависть закипает в его груди.

Как победить их? Он, сын Леопарда, по силе считал себя равным самому Агу; после всех одержанных им побед он был уверен в этом. Но Нам и Гав выглядели перед братьями Агу, как леопард перед пещерным львом...

Несмотря на вихрь мыслей, кружившихся в голове, Нао мгновенно принял решение. Он размышлял не дольше, чем застигнутый врасплох олень перед первым прыжком.

— Нам спустится первым! — приказал он.— За ним последует Гав. Они захватят с собою только копья и дротики, а палицы Нао сбросит им, когда они очутятся у подножия утеса. Нао один понесет плетенки с Огнем.

Да, несмотря на волшебные камни, полученные от людей племени Ва, Нао не мог заставить себя расстаться с завоеванным у Кзамов Огнем!

Понимая, что все спасение их в быстроте и надо во что бы то ни стало выиграть время у Агу и его братьев, Нам и Гав проворно собрали оружие и начали спускаться вниз. Нам полз первым; за ним, на расстоянии десятка локтей, следовал Гав.

Спуск оказался неизмеримо труднее подъема; колеблющиеся пятна света и тени то и дело обманывали зрение. Приходилось прижиматься всем телом к скале, нащупывая в пустоте невидимые выступы и трещины, за которые можно было уцепиться рукой или ногой.

Нам не успел еще коснуться ногой земли, как из зарослей тростника послышался резкий крик совы. Ему ответили с двух сторон протяжный голос оленя и низкий, мычащий голос выпи.

Нао, склонившийся над краем площадки, увидел, как из камышей выскочил Агу. Он мчался как вихрь. Секундой позже из темноты показались его братья — один с юга, другой с востока.

Нам уже спрыгнул на землю.

Мучительное сомнение овладело Нао: он не знал, следует ли сбросить Наму палицу или приказать юноше вернуться обратно. Нам был подвижнее сыновей Зубра, но дротик или копье, брошенные могучей рукой, могут настигнуть его на бегу...

Раздумье Нао было коротким.

Он крикнул:

— Я не сброшу палицу Наму... Она только помешает ему бежать! Пусть Нам бежит к племени! Пусть он скажет Уламрам, что мы ждем их здесь, что мы завоевали Огонь!

Нам повиновался, весь дрожа от страха. Он сознавал, как ничтожны его силы перед грозной силой Косматых братьев, которые мчались к нему с двух сторон. Пробежав несколько шагов, Нам вдруг оступился и упал, однако тут же вскочил на ноги и хотел бежать дальше. Но Нао, видя, что юноше грозит гибель, поспешно приказал ему вернуться.

Косматые братья были уже совсем близко. Нам только начал взбираться на скалу, когда один из них на ходу метнул дротик, вонзившийся в плечо юноши. Другой с яростным криком бросился на сына Тополя, чтобы поразить его. Но Нао был начеку: схватив большой камень, он со страшной силой швырнул его вниз. Камень описал во мраке дугу и ударил нападающего в бедро. Послышался хруст сломанной кости, и Косматый упал. Однако, прежде чем сын Леопарда успел схватить второй камень, раненый, рыча от боли и ярости, исчез в густом кустарнике. Наступила тишина. Агу подошел к своему брату и стал осматривать его рану. А Гав тем временем помог Наму вскарабкаться на площадку утеса, где во весь рост стоял Нао. Освещенный двойным светом луны и костра, сын Леопарда держал над головой тяжелую глыбу гранита, готовый со всего размаха бросить ее в нападающих.

Голос его мощно зазвучал над равниной:

— Разве сыновья Зубра не принадлежат к тому же племени, что Нао, Нам и Гав? Почему они напали на нас, как на смертельных врагов?

Косматый Агу в свою очередь выступил из темноты. Издав боевой клич, он ответил:

— Агу будет считать вас своими друзьями, если вы уделите ему частицу вашего Огня. Если же Нао не отдаст Огня, Агу будет преследовать Нао, как лев оленя!

Хриплый смех вырвался из его груди, такой широкой, что на ней могла свободно улечься пантера.

Сын Леопарда возмущенно закричал:

— Нао в тяжелой борьбе завоевал Огонь у людоедов! Он подарит Агу Огонь только после того, как соединится с племенем!

— Сыновьям Зубра Огонь нужен сейчас,— возразил Агу.— Тогда Агу получит Гаммлу, а сыну Леопарда бу-

дет принадлежать двойная часть охотничьей добычи...

Нао задрожал от бешенства:

— Почему Агу хочет получить Гаммлу? Он не сумел завоевать Огонь!

— Агу сильнее Нао. Он вспорет ваши животы топором и раздробит черепа палицей!

— Нао победил серого медведя и тигрицу. Он убил десять людоедов Кзамов и двадцать Рыжих Карликов. Нао сам убьет Агу!

— Если Нао не боится Агу, пусть он спустится на равнину!

— Если бы Агу был один, Нао не побоялся бы сразиться с ним!

Хохот Агу был похож на рычание дикого зверя:

— Никто из вас не увидит больше берегов Большого болота!

Противники умолкли. Нао с грустью смотрел на неокрепшие еще тела своих юных спутников и сравнивал их с мощным телосложением сыновей Зубра. Силы были неравны. Между тем первое столкновение с Агу кончилось явно в пользу сына Леопарда. Нам, правда, был ранен, но зато один из Косматых братьев выбыл из строя, во всяком случае не мог теперь преследовать убегающего противника.

Кровь текла из плеча Нама. Нао засыпал рану пеплом от костра и прикрыл целебными травами. Не спуская глаз с врагов, он напряженно обдумывал план дальнейших действий. Сын Леопарда не надеялся обмануть бдительность Агу и его братьев: зрение, слух и обоняние были у них великолепные. Сила и хитрость, ловкость и подвижность — всеми этими качествами они обладали в превосходной степени. Правда, бегали они несколько медленнее, чем Нам или Гав, но зато лучше владели своим дыханием.

Только сам Нао бегал быстрее их и мог соперничать с Косматыми братьями в выносливости.

Мысли беспорядочно роились в голове Нао, постепенно приобретая последовательность и связность. Он уже видел в своем воображении все перипетии предстоящего бегства и сражения. Мысленно сын Леопарда был весь в действии, в то время как сидел еще на корточках перед угасающим костром, освещенный багровыми отблесками пламени. Наконец он поднялся с места; хитрая улыбка промелькнула на его губах. Притопнув от нетерпения ногой, словно молодой конь, он стал приводить в исполнение созревший в голове план.

Прежде всего надо было погасить костер, чтобы в случае поражения Огонь не достался сыновьям Зубра. Тогда, что бы ни случилось, Агу не получит ни Гаммлы, ни тройной доли в охотничьей и боевой добыче.

Нао бросил в реку пылающие головни и с помощью Нама и Гава убил Огонь землей и камнями. Он сохранил ему жизнь только в одной плетенке. Затем он отдал приказ спускаться. На этот раз шествие должен был открывать Гав. На высоте двойного роста человека утес имел уступ,

достаточно широкий для того, чтобы на нем можно было стоять и метать копья и дротики. Нао приказал Гаву ждать его там.

Юноша быстро повиновался и, достигнув уступа, подал Нао условленный сигнал.

Сыновья Зубра также приготовились к сражению. Агу стоял лицом к утесу, держа наготове копье. Раненый брат его, прислонившись спиной к дереву, сжимал в руках оружие. Третий сын Зубра, Красторукий Роук, ходил взад и вперед перед самым утесом, потрясая палицей.

Нао, вооруженный дротиком, стоял на краю площадки и, перегнувшись через край ее, следил за каждым движением противников. Улучив момент, когда Роук близко подошел к утесу, он метнул дротик. Описав в воздухе кривую, длина которой поразила Косматых братьев, дротик упал на землю, не долетев до цели на какой-нибудь десяток локтей. Камень, брошенный тут же Нао, упал еще ближе, но все-таки не задел Роука.

Красторукий насмешливо крикнул:

— Сын Леопарда слеп и неискусен!

Он с презрением поднял кверху правую руку, вооруженную палицей. Тогда Нао молниеносно схватил с площадки заранее приготовленное оружие — метательный снаряд, подаренный ему женщиной — вождем Ва,— и стал быстро вращать его над головой. Роук, не видя в этом движении ничего, кроме угрозы, пренебрежительно усмехнулся и снова зашагал взад и вперед. Он не заметил, как Нао, раскрутив снаряд, выпустил из него дротик, а когда услышал его свист в воздухе, было уже поздно: дротик впился ему в кисть правой руки, между большим и указательным пальцами. Взвыв от боли, Роук выронил палицу.

Агу и его Косматые братья оцепенели от удивления. Они не понимали, как Нао мог бросить дротик на такое огромное расстояние. Чувствуя себя беспомощными перед таинственным оружием противника, они отступили. Роук вынужден был взять палицу в левую руку.

Между тем Нао, воспользовавшись замешательством сыновей Зубра, помог Наму спуститься. Шесть человек стояли теперь на равнине лицом к лицу и следили друг за другом, полные затаенной ненависти.

Нао, не теряя времени, двинулся вправо, где проход

был шире и дорога лучше. С этой стороны путь ему преграждал Агу. Его круглые глаза подстерегали каждое движение сына Леопарда.

Агу умел необычайно искусно уклоняться от брошенного в него копья или дротика. Он медленно приближался к Нао, надеясь, что тот понапрасну израсходует на него свой запас метательного оружия, а тем временем подоспеет Роук, который мчался со всех ног на подмогу.

Но Нао не стал дожидаться приближения Агу. Он внезапно отступил и бросился в сторону, угрожая третьему брату, который по-прежнему стоял около дерева, опираясь на топор. Маневр Нао заставил Роука и Агу податься к западу, оставляя свободным широкий проход. Нао, Нам и Гав устремились в него. Теперь они могли спасаться бегством, не боясь быть окруженными противником.

— Сыновьям Зубра не видать Огня! — торжествующе воскликнул Нао.— И сын Леопарда получит Гаммлу!

Перед молодыми воинами лежало открытое пространство. Ничто не мешало им теперь добраться до становища, избежав боя с сыновьями Зубра. Но Нао понимал, что должен, пусть даже рискуя жизнью, этой же ночью покончить с Косматыми братьями. Двое сыновей Зубра были ранены. Уклониться сейчас от схватки значило дать им возможность выздороветь. А тогда опасность снова нависнет над ним, еще более зловещая и грозная.

Несмотря на рану, Нам бежал наравне с Гавом и Нао и значительно опередил преследователей. Когда расстояние между беглецами и Косматыми братьями достигло тысячи локтей, Нао передал плетенку с Огнем Гаву и сказал:

— Бегите на запад, не останавливаясь. Нао догонит вас!

Юноши послушались и продолжали бег с прежней скоростью. Нао замедлил шаг. Через некоторое время он обернулся лицом к Косматым братьям и погрозил им копьем.

Агу и Роук бежали прямо на него. Когда расстояние между сыном Леопарда и противниками сократилось до сотни локтей, он вдруг кинулся в сторону и, сделав крюк, понесся во всю мочь обратно к реке.

Агу сразу разгадал его план. Испустив дикий рев, он

вместе с Роуком бросился назад, на помощь раненому брату.

Вначале отчаяние придавало ему прыти, и Агу почти не отставал от Нао. Но долго бежать с такой скоростью он при своем тяжеловесном сложении не мог. Сын Леопарда, будто созданный для быстрого бега, скоро оставил Агу далеко позади. Когда Нао добежал до утеса и очутился лицом к лицу с третьим братом, Агу и Роук были еще в трехстах шагах от него.

Третий сын Зубра бесстрашно ждал нападения. Он бросил в Нао копье, но промахнулся, и Нао ринулся на него, как лев. Однако Косматый, хоть и раненный в бедро, был все же опасным противником, и Наму или Гаву не удалось бы, конечно, справиться с ним. Но, замахнувшись палицей на высокого Нао, он не рассчитал своих сил: удар был так силен, что сын Зубра не устоял на одной ноге и качнулся вперед. В то же мгновение палица Нао словно молния обрушилась на затылок врага и свалила его на землю. Второй удар переломил Косматому позвоночник...

Агу был уже в ста шагах от места схватки; Роук, ослабевший от потери крови, которая обильно текла из раны на правой руке, и менее быстрый, чем Агу, отстал от него шагов на полтораста. Ослепленные яростью, словно носороги, они мчались прямо на сына Леопарда, забыв обо всем на свете, кроме темного голоса крови, который гнал их на помощь погибающему брату...

Поставив ногу на грудь побежденного, Нао высоко поднял палицу и ждал приближения сыновей Зубра. Агу был уже в трех шагах; он с ходу ринулся в атаку... Нао уклонился от удара, пропустил Агу и бросился к Роуку, держа палицу в обеих руках. Оттолкнув неловко поднятый левой рукой топор, которым Роук пытался защититься от удара, палица Нао с размаху опустилась на незащищенный череп. Второй противник свалился на землю бездыханным.

Снова уклонившись от прямого боя с Агу, Нао насмешливо крикнул:

— Где твои братья, сын Зубра? Нао убил их обоих так же, как убил серого медведя, тигрицу и Пожирателей Людей. Видишь, Нао свободен как ветер! Ноги его быстрее твоих, а легкие неутомимы, как у оленя!

Нао отбежал еще дальше, остановился и, глядя на приближавшегося Агу, снова крикнул:

— Нао не хочет больше бежать! Этой ночью он либо убьет тебя, либо сам погибнет от твоей руки!

Он метнул копье в сына Зубра. Но к Агу уже вернулась обычная осторожность; он замедлил свой бег, не спуская глаз с Нао. Копье просвистело в воздухе над самой головой пригнувшегося к земле Агу.

— Сейчас сын Леопарда умрет! — проревел Косматый.

Он не спешил больше, зная, что противник волен принять бой или отказаться от него и что, если Нао захочет убежать, ему все равно не догнать его. Агу медленно подвигался вперед, часто останавливаясь. В каждом движении его чувствовался опытный боец, палица которого несет смерть противнику.

Несмотря на гибель своих братьев, Агу не боялся рослого, плечистого и стройного Нао. Агу был самым сильным из сыновей Зубра и до сих пор не знал поражений; ни человек, ни животное никогда еще не уходили живыми от его палицы.

Подойдя на близкое расстояние, Агу метнул копье. Он не надеялся ранить Нао и нисколько не был обескуражен, увидев, что тот уклонился от костяного острия. Сам он так же легко избегнул дротика, брошенного Нао.

Теперь у обоих противников оставались только палицы. Они одновременно поднялись над головами. Обе были из крепкого узловатого дуба. На длинной палице Агу виднелось целых три узла. От долгого употребления она казалась отполированной и блестела при свете луны. Палица Нао была ровнее, массивнее и короче.

Агу первым нанес удар, но не вложил в него и половины своей чудовищной силы. Это была лишь проба — не так просто рассчитывал он расправиться с сыном Леопарда. Нао слегка отклонился в сторону и ловко отбил удар. Палицы сшиблись в воздухе со зловещим треском. Внезапно Агу прыгнул вправо. Зайдя во фланг противнику, он взмахнул палицей, держа ее обеими руками, и нанес сыну Леопарда страшный удар, в полную меру своей мощи и ярости. Таким ударом он всегда убивал наповал человека и зверя. Однако на этот раз узловатая палица сына Зубра встретила... пустоту, а через мгновение

палица Нао отбросила ее в сторону, как соломинку. Удар был так сокрушителен, что сам Фаум не устоял бы. Но кривые, волосатые ноги Агу, казалось, вросли в землю, как корни столетнего дуба, и он лишь слегка откинулся назад, даже не пошатнувшись.

Противники снова стояли лицом к лицу, не получив ни единой царапины, словно схватка еще не начиналась. Но теперь каждый по достоинству оценил силу и ловкость соперника, и оба знали, что малейшая оплошность, малейшее неосторожное движение может стоить им жизни.

Агу, испустив хриплый рев, вторично бросился в атаку. Вся колоссальная сила его, казалось, сосредоточилась в могучих руках. Он с размаху опустил палицу, желая сокрушить вдребезги противника, но сын Леопарда отпрянул вправо, подставив под удар свое оружие, и палица Агу лишь скользнула вдоль его тела. Однако один из узлов ее успел разорвать кожу на плече молодого воина. Кровь хлынула струей, обагрив руку. Увидев кровь, Агу, уверенный, что теперь победа над противником, которого он приговорил к смерти, обеспечена, взмахнул палицей и с ужасающей силой опустил ее... Нао еще раз молниеносно отскочил, и Агу, увлеченный силой удара и тяжестью палицы, подался всем телом вперед, едва не упав на колени. В ту же секунду палица Нао опустилась на его затылок, и череп сына Зубра хрустнул. Огромное косматое тело пошатнулось... Второй удар свалил его на землю...

— Гаммла не будет твоей! — торжествующе крикнул сын Леопарда.— Ты не увидишь больше ни племени, ни Большого болота, не согреешь свое тело у жаркого Огня!

Агу, шатаясь, поднялся на ноги. Голова его была в крови, правая рука висела бессильно, словно сломанная ветвь дуба, колени подгибались... Но бешеная, неутолимая злоба по-прежнему горела зеленым огнем в маленьких, глубоко посаженных глазах. Левой здоровой рукой он сжимал палицу. Однако, прежде чем сын Зубра успел взмахнуть ею, Нао выбил палицу из его руки, отбросив ее далеко в сторону.

Склонив голову, Агу ждал смерти. Он уже считал себя мертвым, ибо понимал, что поражение — это смерть. С гордостью вспомнил он всех, кого убил за свою долгую жизнь, прежде чем умереть самому.

— Агу не щадил своих противников,— свирепо пробормотал он.— Агу не оставлял в живых тех, кто оспаривал у него добычу. Все Уламры трепетали перед ним...

Стоя на пороге смерти, он не только не испытывал раскаяния в том, что ни разу в жизни не пожалел хоть одно живое существо, но, наоборот, злобно радовался своей жестокости. Он не просил пощады и не застонал, когда палица сына Леопарда опустилась на его голову в последний раз, и он как подкошенный рухнул на землю...

Покончив с Агу, Нао оперся на палицу и, вздохнув всей грудью, огляделся по сторонам. У ног его лежали поверженные враги. И сыну Леопарда вдруг показалось, что вся сила Косматых братьев перешла к нему. Повернувшись лицом к реке, он слушал громкие удары сердца в своей груди и думал, что будущее принадлежит теперь ему.

Глава одиннадцатая

ВО ТЬМЕ ВЕКОВ

Каждый вечер Уламры со страхом ждали захода солнца. В безлунные ночи, когда на небе мерцали одни звезды, и в ненастную погоду, когда диск луны скрывался за облаками и непроглядная тьма окутывала землю, они чувствовали себя странно ничтожными и бессильными. Сбившись в кучу в глубине сырой пещеры или под навесом скалы, дрожа от холода и страха, они с тоской всматривались в темноту и мечтали об Огне, который в былые дни согревал их и охранял от всех врагов.

Дозорные, оберегавшие покой племени, всю ночь держали оружие наготове. Постоянное напряжение и тревога изнуряли их души и тела; они знали, что ночные хищники могут схватить их прежде, чем они сумеют пустить в ход свое оружие.

Несколько дней назад медведь задрал одного воина и двух женщин. Волки и леопарды унесли троих детей. Многие Уламры страдали от ран, полученных во время ночных схваток с хищниками.

Надвигалась зима. Северный ветер колол обнаженную кожу острыми иглами; по ночам все чаще начинал покусывать мороз. Вождь племени Фаум после жестокой

битвы со львом перестал владеть правой рукой. Искалеченный и ослабевший от потери крови, он сразу лишился авторитета в глазах Уламров, которые превыше всего ценили в человеке физическую силу. Постепенно они перестали повиноваться Фауму, и раскол в племени с каждым днем возрастал. Гум отказывался выполнять распоряжения вождя; Му хотел быть первым среди Уламров. У обоих нашлись приверженцы, и лишь небольшая горсточка воинов оставалась верной Фауму.

Однако дело не дошло еще до вооруженной борьбы. Все слишком устали и измучились, и старый Гоун всю силу своего красноречия употреблял на то, чтобы убедить соплеменников сохранять мир и не растрачивать и без того слабые силы на междоусобицу. Слова его находили отклик в сердцах многих Уламров.

С наступлением ночи все особенно остро чувствовали отсутствие шести могучих воинов, отправившихся на поиски Огня. С каждым днем у племени оставалось все меньше надежды вновь увидеть Нао, Нама, Гава и сыновей Зубра. Время от времени Фаум отправлял разведчиков на розыски исчезнувших, но те возвращались обратно, не найдя никаких следов. Отчаяние овладело всеми сердцами: шесть лучших воинов племени погибли от голода, от руки врагов или от когтей диких животных... Уламры никогда не увидят больше Огня...

Женщины страдали от отсутствия Огня гораздо сильнее мужчин, но, несмотря на это, все еще не теряли надежды на благополучное возвращение воинов. Их терпение и выдержка благотворно действовали на тех, кто упал духом. Гаммла была самой мужественной и энергичной. Ни холод, ни недостаток пищи не могли подорвать ее здоровье, ослабить ее жизнерадостность. Зимние холода заставили лишь обильнее расти ее волосы, рассыпавшиеся по плечам, словно львиная грива.

Дочь сестры Фаума отлично умела отыскивать съедобные растения. На равнине и среди кустарников, в лесной чаще и в зарослях тростника она находила плоды, грибы, сочные корни растений. Не будь ее, Фаум умер бы от голода в ту страшную пору, когда рана и потеря крови заставили его без движения лежать на подстилке в глубине пещеры. Гаммла легче других Уламров обходилась

без Огня, но, так же как и все остальные, страстно желала вновь увидеть его. Часто, засыпая, она гадала, кто добудет Огонь: Нао или Агу? Она готова была повиноваться воле Фаума, не представляя даже себе, что можно отказаться стать женой победителя, но хорошо знала: ее жизнь с Агу будет тяжелой и мучительной.

* * *

Наступил вечер. Сильный ветер разогнал на небе тучи. Он с диким завыванием клонил к земле увядшие травы, свистел в черных, обнаженных ветвях деревьев. Красный шар солнца, широкий, словно холм, возвышающийся на западе, бросал последние лучи на равнину. В надвигающихся сумерках племя Уламров собиралось вместе, чтобы встретить еще одну безрадостную ночь. Движения людей были вялыми и медленными. Вернутся ли опять счастливые дни, когда Огонь, ворча, начнет пожирать сухие ветви, запах жареного мяса разнесется далеко вокруг, а львы, тигры и леопарды со страхом отступят от становища людей, защищенного пылающим костром?

Солнце скрылось за горизонтом. На ясном, холодном небе быстро умирали последние краски дня. Ночные хищники пробуждались в своих логовищах и выходили на охоту.

Гоун, состарившийся на много лет в эти дни невзгод и бедствий, жалобно простонал:

— Гоун — самый старый человек в племени. Он видел взрослыми сыновей своих сыновей. Никогда еще племя Уламров не оставалось без Огня! А теперь у него нет Огня, и Гоун умрет, так и не увидев его снова...

Углубление в скале, где ютилось племя, было похоже на пещеру. В теплое время года это было хорошее убежище, но теперь морозный ветер леденил не защищенные Огнем тела.

Гоун продолжал жаловаться:

— Собаки и волки с каждым днем становятся все более дерзкими!

Дрожащей рукой он указывал на неясные тени, украдкой приближавшиеся к становищу с наступлением сумерек. Голоса хищников звучали все громче и грознее.

Изголодавшиеся звери возникали один за другим из ночного мрака. Только последние отблески дневного света удерживали их от нападения. Встревоженные стражи, крепче стиснув оружие, шагали по гранитной площадке, под холодными звездами.

Внезапно один из них остановился и, вытянув шею, стал смотреть на восток. Двое других тотчас же последовали его примеру. Затем первый крикнул:

— На равнине люди!

Все племя, трепеща, вскочило на ноги. Одни дрожали от страха, у других сердце бурно забилось от надежды. Фаум, вспомнив, что он еще продолжает оставаться вождем, приподнялся с подстилки, на которой лежал, и приказал:

— Пусть все воины возьмутся за оружие!

В эту тревожную минуту было не до распрей. Уламры молча повиновались.

Вождь продолжал:

— Пусть Гум возьмет трех юношей и отправится в разведку навстречу идущим.

Гум медлил, недовольный тем, что потерявший силу вождь осмеливается отдавать ему приказания. Но старый Гоун поспешил вмешаться:

— У Гума глаза леопарда, слух волка и чутье собаки. Он сразу узнает, друзья это или враги!

Польщенный Гум быстро выбрал трех молодых воинов и шагнул в темноту. Часть хищников бросилась вслед за ним. Скоро люди и крадущиеся по их пятам звери исчезли во мраке.

Потянулись томительные минуты ожидания. Племя настороженно прислушивалось к ночным звукам. Вдруг черноту ночи прорезал протяжный крик.

Фаум, вскочив с места, воскликнул:

— Это воины Уламров!

В неистовом возбуждении все снова поднялись с мест, даже маленькие дети. Гоун, выражая мысли всех людей племени, сказал:

— Кто же идет: Агу с братьями... или Нао, Нам и Гав?

Новые крики прокатились по равнине.

— Это сын Леопарда! — с затаенной радостью прошептал Фаум.

В глубине души вождь боялся свирепого Агу. Но большинство Уламров думало только об Огне. Если Нао принес его племени, они готовы преклониться перед ним. Но если сын Леопарда вернулся с пустыми руками, презрение и ненависть всех Уламров обрушатся на неудачника.

Между тем к становищу подкралась стая волков. Последняя краска заката погасла на западе, и сумерки сменились непроглядно темной ночью. Звезды сияли в ледяной высоте неба. Ах, если бы у племени был костер, распространяющий сладостное тепло, согревающий измученные, озябшие тела!

Наконец из темноты показались люди.

Фаум радостно закричал:

— Огонь! Нао несет Уламрам Огонь!

Неистовый восторг охватил всех людей, от мала до велика. Одни словно оцепенели от радости, не в силах сдвинуться с места, другие прыгали, плясали, размахивая руками и возбужденно крича:

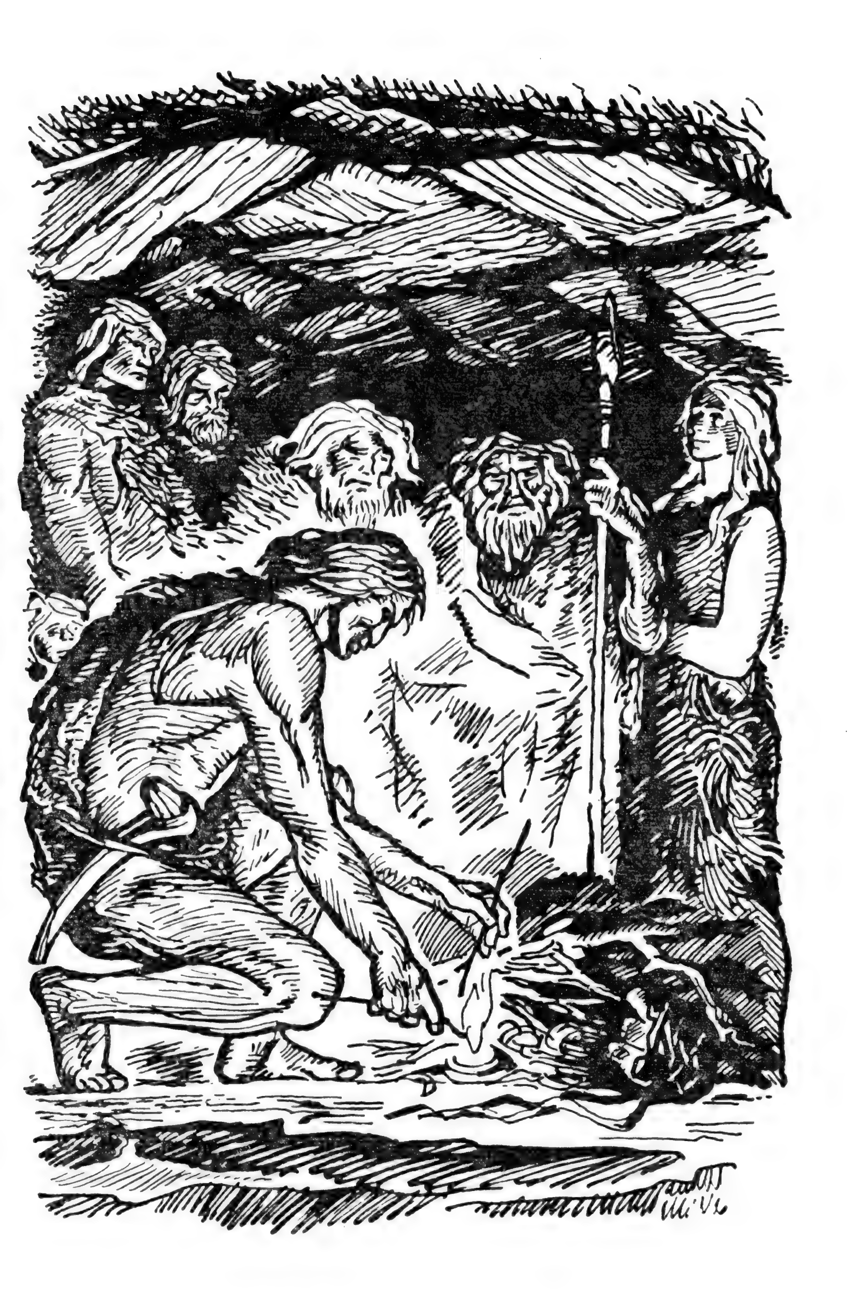
— Огонь снова с нами! Огонь вернулся к племени!

Сын Леопарда держал его в плетенке. Это был крошечный, чуть мерцающий огонек, который без труда мог задуть ребенок своим легким дыханием. Но Уламры хорошо знали, какая огромная сила таится в этом слабеньком язычке пламени. Чуть дыша, немые от страха, что он угаснет не разгоревшись, Уламры не отрываясь глядели на Огонь.

И вдруг молчание сменилось таким восторженным криком, что волки и собаки в страхе отпрянули в темноту. Все племя теснилось вокруг Нао, не зная, как выразить ему свою благодарность, обожание, безмерную радость.

— Осторожно, не убейте Огонь! — крикнул старый Гоун, когда шум немного утих.

Все в страхе отступили. Нао, Фаум, Гаммла, Нам, Гав и старый Гоун торжественно понесли Огонь в глубину пещеры. Все племя занялось сбором сухой травы, сучьев, ветвей. Когда костер был сложен, Нао поднес к нему слабый огонек. Он скользнул сначала по сухим травинкам, затем, грозно ворча, стал пожирать ветви и сучья. Вскоре высокий столб пламени отодвинул на далекое расстояние

ночной мрак, и хищники умчались прочь, охваченные паническим страхом.

Тогда Нао, обратившись к Фауму, сказал:

— Сын Леопарда выполнил свое обещание. Сдержит ли свое слово вождь Уламров? — И он указал на Гаммлу, стоявшую у самого костра, в багровых отблесках пламени.

Девушка тряхнула пышными волосами. Гордость за Нао наполняла ее сердце, изгнав из него все сомнения и страхи.

— Гаммла будет женой Нао,— покорно сказал Фаум.— Я сдержу свое слово.

— И Нао станет вождем племени! — смело крикнул старый Гоун.

Он сказал это не из презрения к потерявшему силу Фауму, а для того, чтобы в корне пресечь распри, пагубные для всего племени. В эту торжественную минуту, когда Огонь вернулся к Уламрам, никто не осмелится перечить ему.

Племя восторженными криками приветствовало слова старого Гоуна.

Но Нао видел только Гаммлу, ее большие глаза, густые волосы и стройную фигуру. Ему вдруг стало жалко Фаума, который согласился отдать Гаммлу ему в жены. Однако сын Леопарда понимал, что однорукому вождю не под силу одному управлять племенем. Властно подняв руку, он крикнул:

— Нао и Фаум будут вместе править племенем!

Изумленные Уламры умолкли, услышав слова Нао. Но больше всех был поражен Фаум. Он почувствовал, как в его суровом сердце впервые в жизни шевельнулось что-то, похожее на нежность к чужому человеку.

Между тем старый Гоун, самый любознательный из Уламров, захотел узнать о приключениях, пережитых тремя воинами. Память об этих приключениях была так свежа в мозгу Нао, словно он пережил их вчера. И хотя язык людей в те далекие времена не получил еще достаточного развития и слов в распоряжении рассказчика было мало, зато они производили на слушателей гораздо более сильное впечатление, чем в наши дни. Как зачарованные слушали Уламры рассказ сына Леопарда о сражениях с серым медведем, с пещерным львом и ти-

грицей, с людоедами Кзамами и Рыжими Карликами, о дружбе с мамонтами, о союзе с племенем Ва, о Голубых людях и, наконец, о недавнем столкновении с пещерным медведем. Однако Нао из осторожности умолчал до поры до времени о чудесных камнях, хранящих в себе Огонь, и об искусстве добывать его с помощью этих камней, которому научили молодого воина люди племени Ва.

Треск костра вторил рассказу Нао. Нам и Гав, энергично кивая головами, подтверждали каждое слово рассказчика.

Уламры слушали затаив дыхание.

Когда Нао умолк, старый Гоун торжественно провозгласил:

— Не было среди наших отцов воина, равного доблестью Нао! И не будет ни среди детей наших, ни среди детей наших детей.

Но вот Нао произнес имя Агу, и все Уламры вздрогнули, точно деревья перед бурей, ибо все боялись Косматых братьев.

— Когда сын Леопарда видел Агу в последний раз? — спросил Фаум, с опаской вглядываясь в темноту.

— Две ночи назад,— ответил Нао.— Сыновья Зубра переправились через реку и появились перед утесом, на котором ночевали Нао, Нам и Гав... Нао сражался с ними...

Воцарилась глубокая тишина. Слышно было только потрескивание Огня в костре и далекий вой ночного хищника.

— ...и убил сыновей Зубра! — гордо закончил Нао.

Уламры переглянулись. Радость и сомнение боролись в глубине их сердец.

Наконец Му осмелился задать вопрос, волновавший племя:

— Нао убил всех трех Косматых братьев?

Сын Леопарда ничего не ответил. Он молча запустил руку в складки медвежьей шкуры, в которую кутался, вытащил три окровавленные руки и бросил их на землю.

— Вот руки Агу и его братьев! — просто сказал он.

Гоун, Му и Фаум приблизились и осмотрели руки. Они были огромные и волосатые. Нельзя было не узнать их.

Все вспомнили, какой страх наводили на племя эти руки в течение долгих лет. Теперь даже самые могучие воины преклонились перед доблестью сына Леопарда. А те, кто был слаб и беспомощен, с радостью готовы были вверить ему свою жизнь. Женщины почувствовали, что их детям ничто больше не угрожает.

Старый Гоун снова выразил общую мысль:

— Теперь Уламрам не страшны враги!

Фаум, схватив Гаммлу за волосы, швырнул ее к ногам победителя.

— Вот Гаммла! — сказал он.— Она будет твоей женой. Я отдаю ее тебе, отныне ты — ее господин! Она будет приносить дичь, которую ты убьешь на охоте, и жарить для тебя мясо. А если она ослушается тебя, ты можешь убить ее...

Нао опустил руку на плечо Гаммлы, бережно поднял ее с земли и поставил на ноги рядом с собой... Бесконечная жизнь простиралась перед ними, словно светлая, полноводная река, несущая свои прозрачные воды в туманную даль грядущих столетий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Часть первая

Часть вторая

Часть третья

Для восьмилетней и средней школы

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

ИБ № 9079

Ответственные редакторы Е. К. Махлах, И. Б. Шустова. Художественный редактор С. И. Нижняя. Технический редактор Г. Г. Рыжкова. Корректоры Е. В. Куликова, Е. И. Щербакова. Сдано в набор 10.11.85. Подписано к печати 04.04.86. Формат 84×108 1/32. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,56. Уч.-изд. л. 11,09. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2297. Цена 55 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Ж. Рони-Старший

Р71 Борьба за огонь: Повесть / Рис. Л. Дурасова.— М.: Дет. лит., 1986.—207 с., ил.

В пер.: 55 к.

В повести рассказывается о полной приключений и тревог жизни доисторических людей, ведущих суровую борьбу со стихиями природы, хищниками, враждебными племенами. Мужество, разум и дружба помогают отважным в борьбе за жизнь.

Р $\frac{4803020000-333}{М101(03)86}$ 517—86 И(Фр)

55 коп.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

...Я упрекал Рони за химическую точность, с которой он описывает небеса... материализуя их, лишая их легкой поэтической дымки... На это он ответил мне с убежденностью пророка, что через пятьдесят лет во Франции не останется людей, воспитанных на латинских классиках, что образование будет строго научным и что технический язык, который он употребляет в своих описаниях, станет общеупотребительным языком.

Эдмон Гонкур

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»